

пре
ьст
тск

ы

сра.
С нес
родите
ур
стихот

Клуб Ж

Марта

См
п
п

пр
ьст
тск

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Всесоюзной пионерской
организации
им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Мнений

2

ы о Павдине Виноградове

Г. ЗАЯНОВА **4**

сра.
С нес
родите
урс

стихотворение А. КРЕСТИНСКОГО **8**

Клуб Жана Паганеля **9**

Трава пахнет солнцем

повесть ИЛЬИ ДВОРКИНА **12**

Огонь по облакам

очерк И. ВОЙТЕНКО **30**

Братья

рассказ БАЙРАМА ГАСАНОВА **34**

Что? Где? Когда? Почему?

заметки, фото, рисунки **39**

Приключения Васи Булкина

в революционном Петрограде **40**

Пропавшая песенка

эскимосская сказка **42**

Колодец

беседа у костра Б. СЕРГУНЕНКОВА **44**

Серебряные туфли

рассказ ВИКТОРА ГОЛЯВКИНА **46**

Ученица Ботвинника

очерк Ю. БАРСКОГО **48**

По сигналу пионерской тревоги **50**

Уголёк

журнал для малышей **51**

Ветер с севера

рассказ Б. ТАРБАЕВА **53**

Стихи твоих ровесников **55**

Чур меня, чур!

обзор Г. АЛЕКСАНДРОВИЧА **57**

Морская газета **58**

Капитан Нина

спортивный очерк **60**

Школа „Спринт“ **61**

Операция „64“

62

Уголок ве

ВНИМАНИЕ!

В ЧЕСТЬ 50-ЛЕТИЯ

ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ

РЕВОЛЮЦИИ

РЕДАКЦИЯ ОБЪЯВЛЯЕТ

ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

ЧИТАТЕЛЕЙ.

НА КОНКУРС ПРИНИМАЮТСЯ

СТИХИ,

РАССКАЗЫ,

РИСУНКИ

О ЖИЗНИ РЕБЯТ

НАШЕЙ СТРАНЫ.

СРОК КОНКУРСА

15 ИЮНЯ 1967 ГОДА.

ЛУЧШИЕ РАБОТЫ

БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ

В «КОСТРЕ».

300 000 МНЕНИЙ

В начале февраля в Москве проходил II Пленум Комсомольцы советовались, спорили, решали, как пионерской организации еще интереснее, ярче, увлекательнее.

А что думают о своей организации сами ребята? Что им нравится? Обогащает их жизнь в отряде или продолжает?

Обо всем этом и многом другом рассказывают письма пионеров «Костра» — участников Первого Заочного Всесоюзного Письменного Слета «300 000 мнений».

И все-таки впереди!

Мне нравится, что мне поручили быть звеньевой, я мечтала быть звеньевой. Думала, все будут меня слушаться, а меня не слушают, и все-таки наше звено впереди!

Было очень интересно, когда нам дали задание искать участников Великой Отечественной войны. Я с радостью пошла, боялась опоздать. А еще мне было интересно, когда велели переписать ребят, которым в первый класс поступать. Мне сказали ходить по Садовому переулку, а когда я узнала, как он далеко, мне не захотелось идти, и я пошла только потому, что велели.

*Женя Барнушина, 4 класс
Горьковская обл., Котово*

Придумали сами

Интересно нам было тогда, когда мы разыскивали фронтовиков и слушали их рассказы. А неинтересно было оформлять отрядный дневник.

А сами мы вот что предложили: когда нашу школу ремонтировали, мы предложили пойти и помочь строителям убрать мусор, которого было очень много под окнами школы.

*Мстислав Туманов и Георгий Гита, 6 класс
Эстония, г. Кохтла-Ярве*

Почему-то не хочется...

...Не знаю почему, но в нашем классе не любят отвечать на письма, которые приходят к нам очень часто. Может быть, даже потому, что почти все эти письма одинаковые. В каждом пишут, что хотят с нами переписываться и чтоб мы прислали снимки нашего города Минска. И когда получаем письма, староста подходит к каждому и сует в руки письмо: «Ответь! Пионерское поручение!» Не знаю почему, но выполнять это поручение почему-то не хочется.

*Люда Бодакова, 5 класс
Минск*

Я гордилась

Один раз Нина Александровна дала мне и другим ребятам адреса. Нужно было сходить и передать повестки. А повестки были о вручении наград. Я гордилась, что мне дали такое поручение. Мне было очень приятно доставлять радость этим людям, и я сама радовалась вместе с ними. Когда у меня кончились адреса, я даже немного огорчилась.

*Татьяна Александровна, 7 класс
Ижевск*

Всем понравилось

...ь, чтоб наш отряд выпустил стенгазету на подшефной
...ла ребятам. Предложение всем понравилось и сейчас
газету «Снежинка».

*Валя Бондаренко, 6 класс
Белгородская обл., с. Казацкое*

Скоро дадут

...ого как меня приняли в пионеры, я стал чувствовать себя
сра...им-то знаменитым. Я с важностью проходил мимо октябрят.

С неохотой я выполнял поручение учительницы — позвать в школу
родителей товарища. Интересных поручений мне пока не давали. Но я
уверен, что скоро дадут.

*Артур Сеидов, 4 класс
Баку*

Пошло по-другому

Дорогая редакция! Я ваш постоянный подписчик. Когда меня при-
няли в пионеры, никаких дел мне не поручали. Даже скука заедала.
Но вот мы переехали в другой город, и все пошло по-другому. В новой
школе очень много интересных дел. Мы уже ездили в Горки Ленинские,
в Оружейную палату, во Дворец пионеров.

Я учусь в музыкальной школе, поэтому мне поручили отвечать за
художественную самодеятельность в нашем отряде — организовать хор.
В хор записалось уже пятнадцать человек. Мы разучиваем песни и вы-
ступаем на сборах и праздниках.

*Андрей Авдеев, 6 класс
г. Лобня Московской области*

Не было хуже этого

Дорогой «Костер!» Я вот как думаю: неактивные ребята большей
частью физически развиты лучше, они играют в игры, где надо приме-
нять физическую силу. Активисты большей частью не очень сильные.
У них меньше времени на игры. Например: готовит отряд концерт к ро-
дительскому собранию. Остается половина класса. После шести уроков
три часа занимаемся — разучиваем танцы, песни, инсценировки. Прихо-
дим домой в шесть вечера, а еще надо уроки приготовить. А вторая
половина класса на улице играет. Вот они там и активисты.

Когда я пошла в пятый класс, мне поручили заниматься с октября-
тами. Было весело ходить к ним. Мы вместе играли в разные игры, чи-
тали сказки, отгадывали загадки. Мы очень быстро сдружились. Но вот
беда: я не могу их часто навещать, потому что мы учимся в разных
зданиях, расстояние между которыми полкилометра.

Но такое поручение, как помогать второгоднику уроки учить — не
было хуже этого! Он часто убегал от меня, потому что не хочет учить
уроки, и мальчишки дразнятся, что он водится с девчонкой.

*Варвара Виноградова, 6 класс
Черкасская обл., с. Буки*

Нравится — не нравится

Поручение, которое мне нравится: рассказывать на празднике сти-
хотворение.

Поручение, которое мне не нравится: когда мне говорят сходить за
классным журналом.

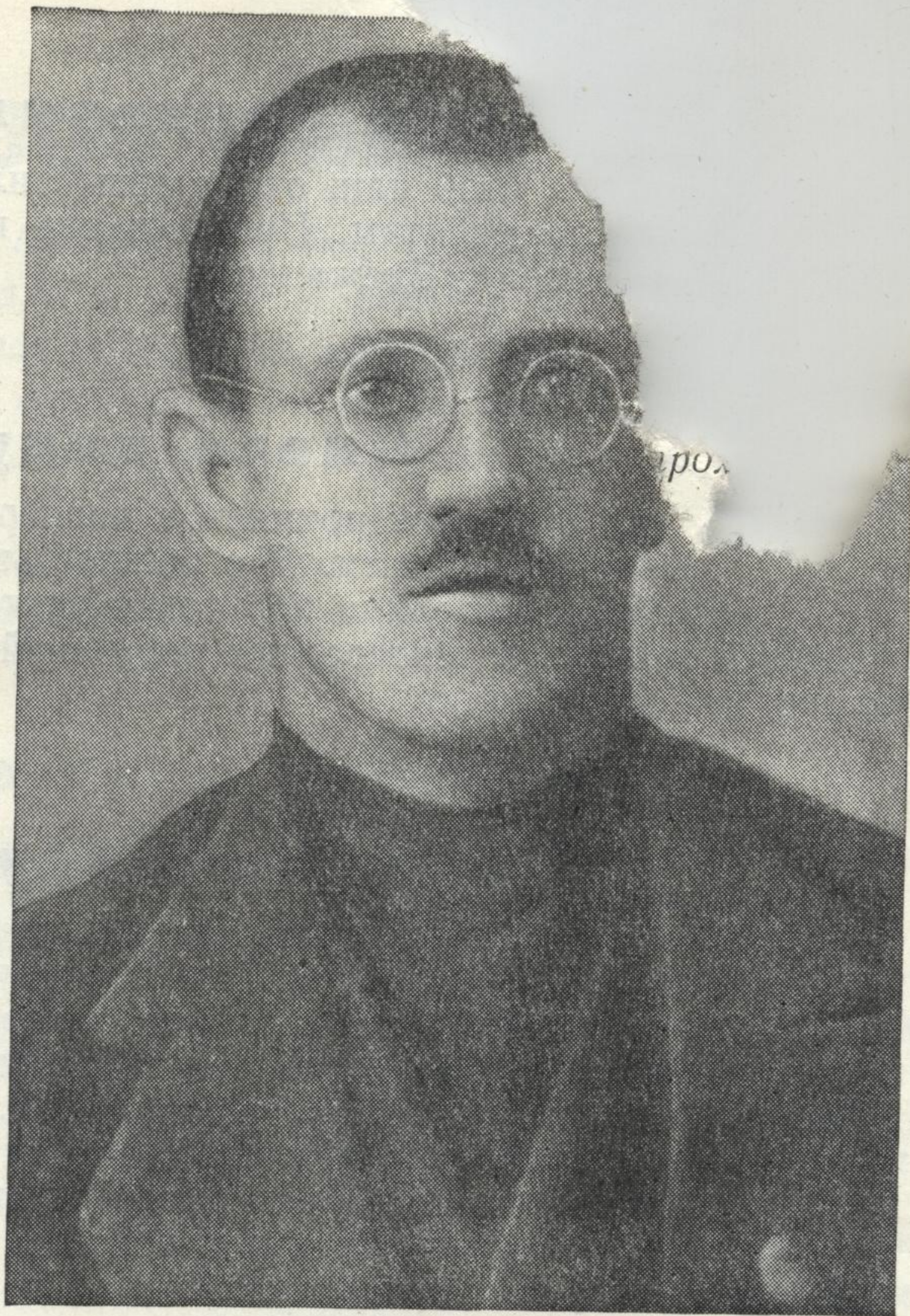
Митруничева.

Рассказы о Павлине Виноградове

Г. Заянов

Осенью 1911 года в Юдинское волостное правление Санкт-Петербургской губернии поступило письмо:

«Уведомляю, что я, Павлин Федоров Виноградов, в воинское присутствие являться не намерен вследствие того, что... не считаю себя обязанным подчиниться...»

Такое редко случается: новобранец отказывается идти в армию, да еще и извещает об этом письменно!

Начальство переполошилось. Кто таков Виноградов? Ага, ушел из деревни, работает в Петербурге, на заводе. Что еще? Не раз замечен как бунтарь-пропагандист. Разыскать немедленно!

Бросились искать. Арестовали. Насильно зачислили в пехотный Печорский полк.

Полк стоял в Нарве. В мрачных казармах времен Аракчеева солдат обучали основам службы: кто есть внешний и внутренний враг

и как отдавать «на-краул», если, скажем, ты на посту и вдруг откуда ни возьмись сам государь-император...

И вот наступил день присяги.

— Полк, смирно!

— На молитву, шапки долой!

Оркестр сыграл «Боже, царя храни». Полковник Пфейфер, рослый, с сердитым лицом немец, сказал речь. И началось.

— Сложи персты, сын мой, и повторяй за мной, — бубнил поп.

— Клянусь именем божьим служить верой и правдой... — деревянно повторяли солдаты. Дошла очередь до Виноградова.

Павлин шагнул вперед.

— Присяга для меня неприемлема. Царя для России считаю вредным.

«На прошлой неделе, — писала 6 июня 1912 года большевистская «Правда», — привезли из Нарвской гауптвахты арестованного солдата Павлина Виноградова, обвиняемого в том, что он отказался дать присягу...»

Дело слушалось при закрытых дверях. «По указу Его Императорского Величества, — оглаша... председател... суда приговор...

за заочное оскорбление царствующего государя, подсудимого Виноградова отдать в дисцип... шесть лет».

пр
вст
тск

„Не встал на занятия и сказал, что вообще служить не будет“.

„Сказал при опросе, что служить в батальоне не будет“.

„Сорвал кокарду и сказал: „Не хочу служить“...“

Солдат Павлин Виноградов не желал защищать царскую власть.

Под стражей и в кандалах узник прибыл в батальон, в деревню Медведь Новгородской губернии.

— Служить не буду, — в первый же день заявил Виноградов дежурному офицеру.

— Тридцать розог, — ответил офицер.

Били «с потягом», березовыми прутьями в три сантиметра толщиной.

Вытерпев наказание, заключенный повторил:

— Служить не буду.

— Тридцать суток карцера!

— Восемь суток усиленного!

— Двадцать — строгого!

Наконец, в Петербург полетел рапорт: «Наказуемый Виноградов пагубно влияет на других заключенных. Прошу принять меры».

Виноградова посадили в Шлиссельбургскую крепость, а затем отправили в Сибирь, в Александровский каторжный централ.

После Февральской революции 1917 года Павлин Виноградов вернулся в родную деревню Заянье.

На утопанной площадке перед бронзовым бюстом царя Александра II «освободителя» шумела толпа.

Под могучей березой, на лавках, расселись «хозяева», вдоль глубокой канавы, прямо на земле — работники и бедняки.

Волостной старшина, кашлянув в бороду, начал:

— Граждане крестьяне!..

Посыпались непонятные трески и крики из кадетской

правительстве, о мудрой его политике, о войне до победного конца.

«Хозяева» под березой важно поддакивали. И тут появился Павлин.

Он сразу же оценил обстановку.

— Хватит крови! — крикнул он в толпу. — Долой войну! Почему до сих пор нет земельной реформы?!

— Пра-авильно! — отозвалась бедняцкая часть собрания.

Мил пол

переспросил Виноградов. — Значит, ваше правительство приняло решение объявить войну Советской республике?

Англичане растерялись. Никаких официальных решений их правительство не принимало, уж им-то это было хорошо известно!

Переговоры кончились удачно. Припертые «мужиком» Виноградовым к стенке, интервен-

ты обязались вернуть в Архангельск советские пароходы.

— Красные флаги на них поднять не забудьте! — на прощанье предупредил Павлин.

Что касается английского языка, то он изучил его в ссылке — вместе с немецким и французским...

...А через две недели Виноградов уже не разговаривал с оккупантами — он их бил.

Сохранилась телеграмма о бое на Двине, который со своими бойцами выиграл Виноградов.

На этой телеграмме рукой Владимира Ильича Ленина написано: «В печать. Крупная победа над англичанами и белогвардейской сволочью».

Мглистым сентябрьским утром разгорелась ожесточенная схватка в устье реки Ваги.

На нашей единственной батарее погибли все артиллеристы. Смолкли пушки. Необученный Вологодский полк отступал.

— Вынести знамя, — приказал Виноградов и сам стал к орудию.

Он был метким артиллеристом: один неприятельский пароход затонул, другой, загоревшись, крутился на месте.

У алого знамени строились цепи бойцов. Кто-то запел «Интернационал». Коммунистический батальон шел в атаку.

В этой атаке и погиб Павлин Виноградов.

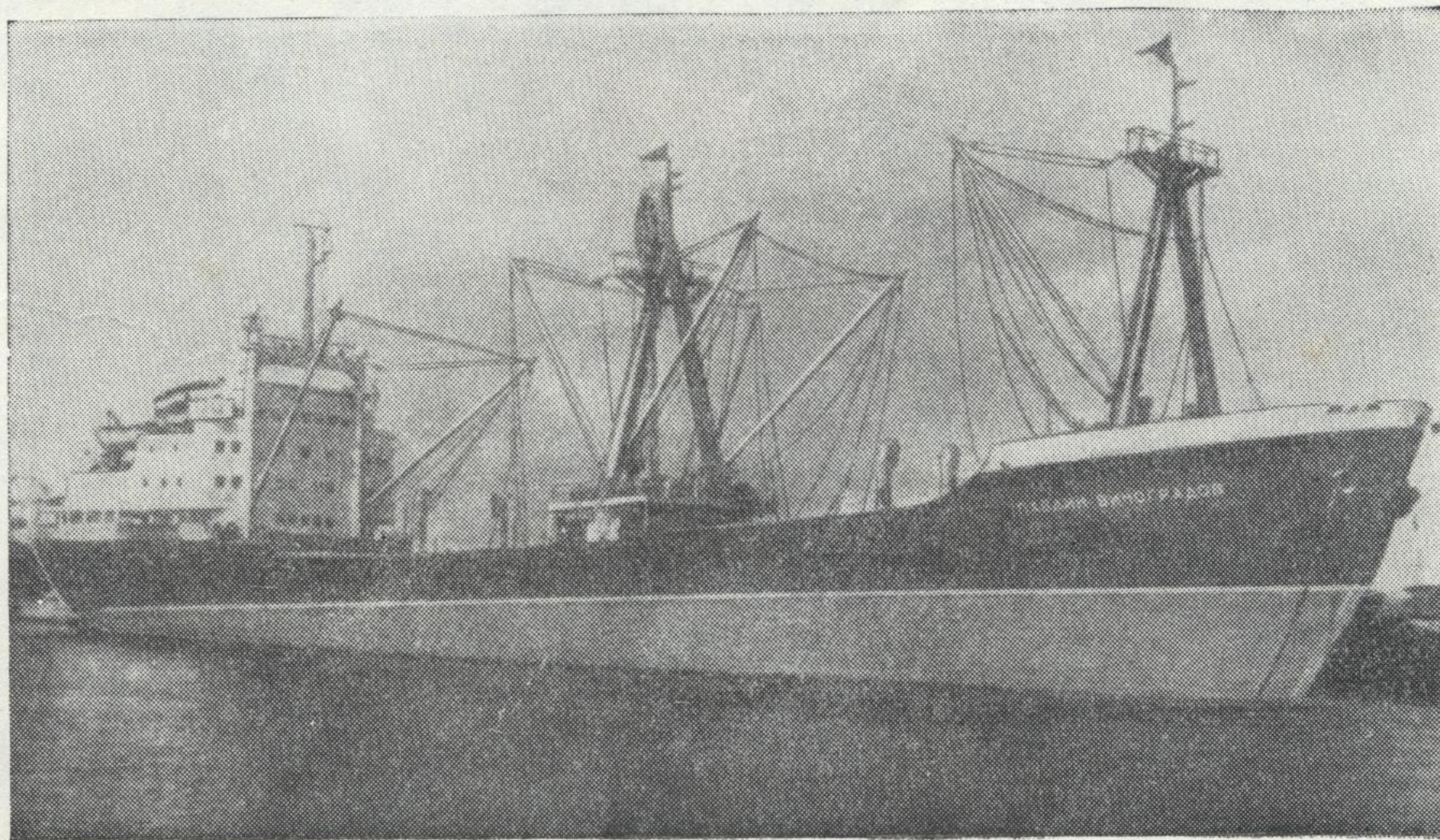
«На северо-двинском направлении, — с глубокой скорбью писала «Правда» 14 сентября 1918 года, — артиллерийским снарядом убит беззаветно храбрый командир отряда, наш дорогой товарищ...»

Он похоронен в Ленинграде, в парке Лесотехнической академии.

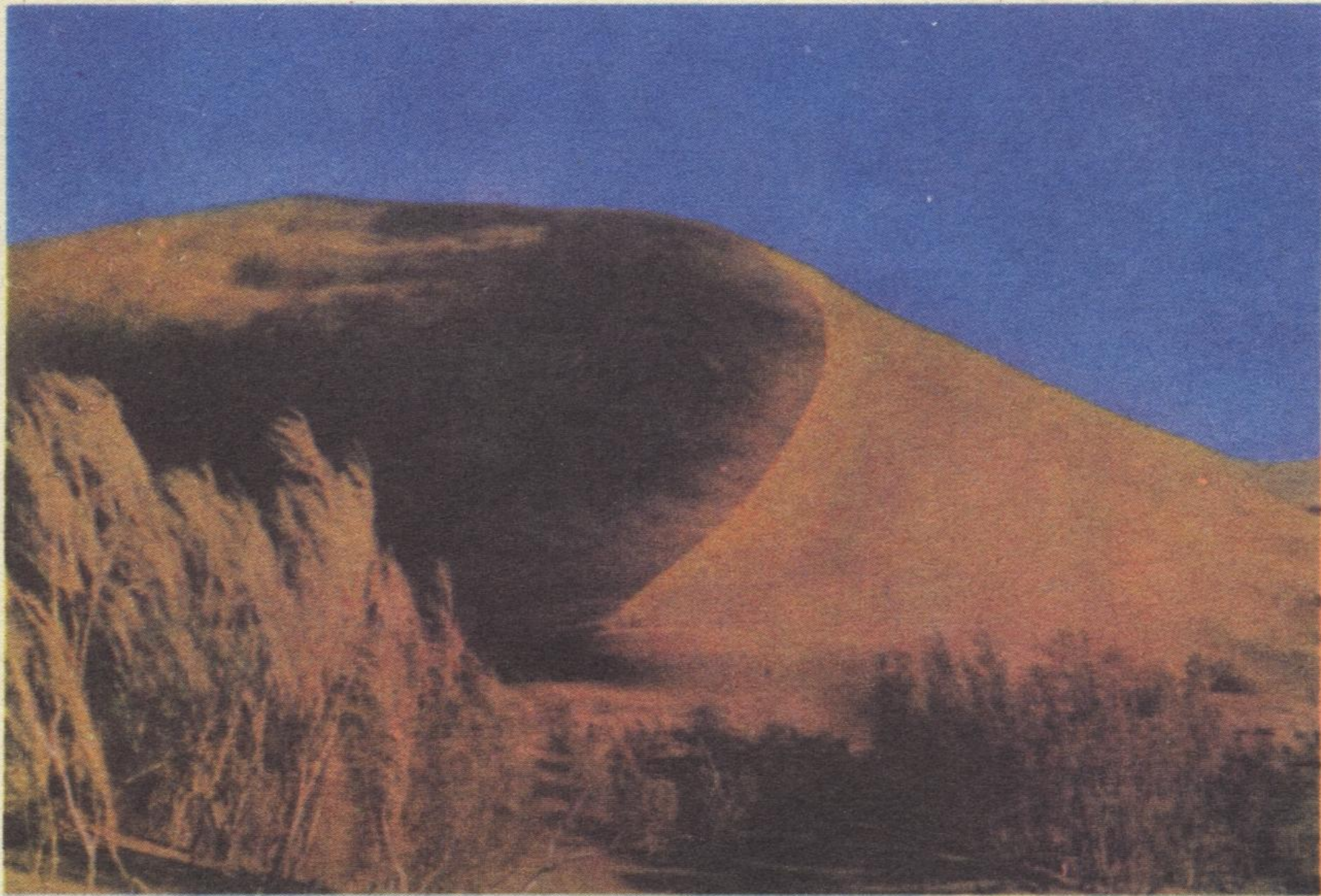
Район, где сражался и погиб Павлин Федорович, назван Виноградовским. Главная улица Архангельска тоже носит его имя.

Несколько лет назад на невскую воду сошел турбоход «Павлин Виноградов».

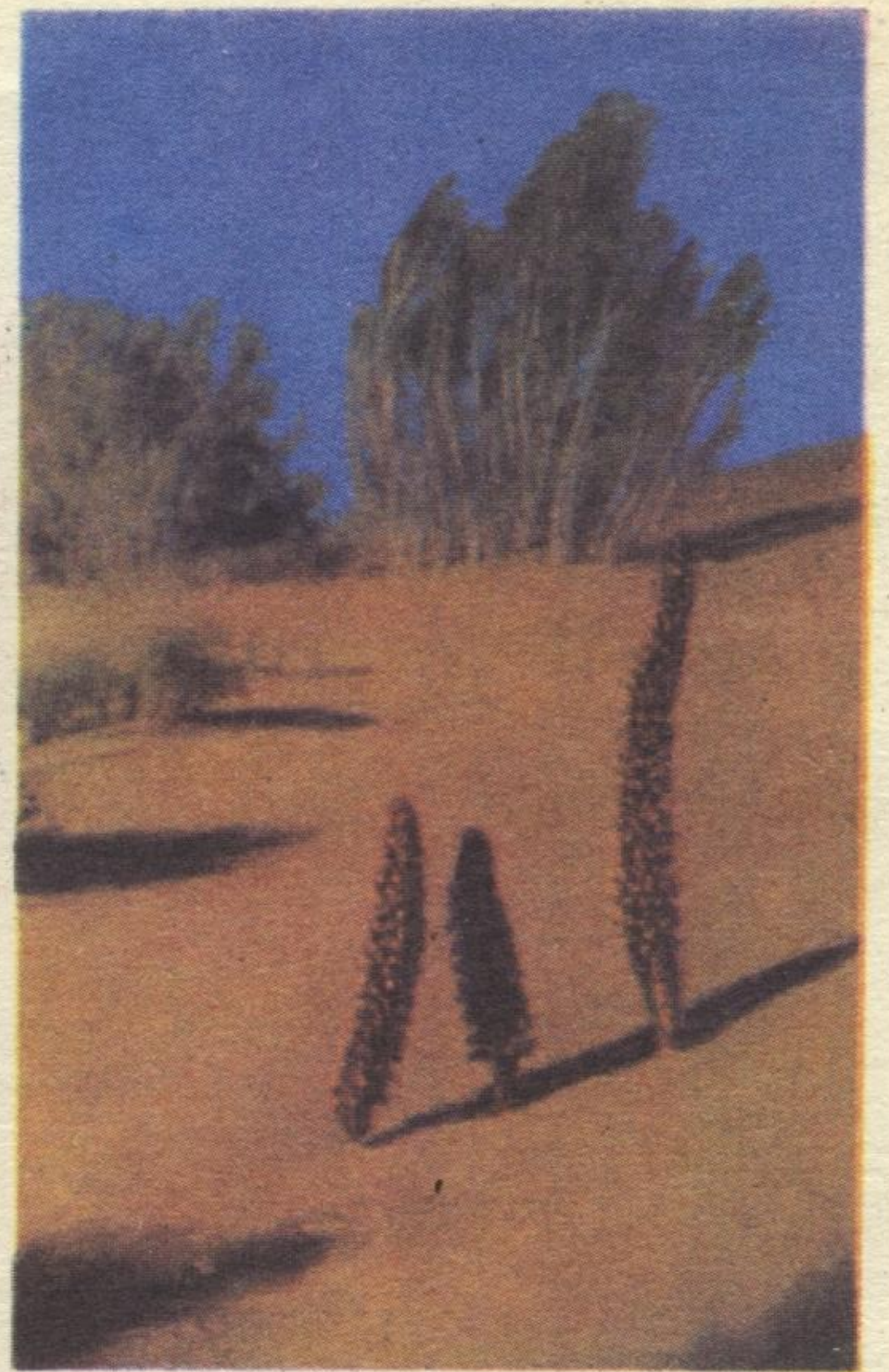
Продолжается жизнь героя.

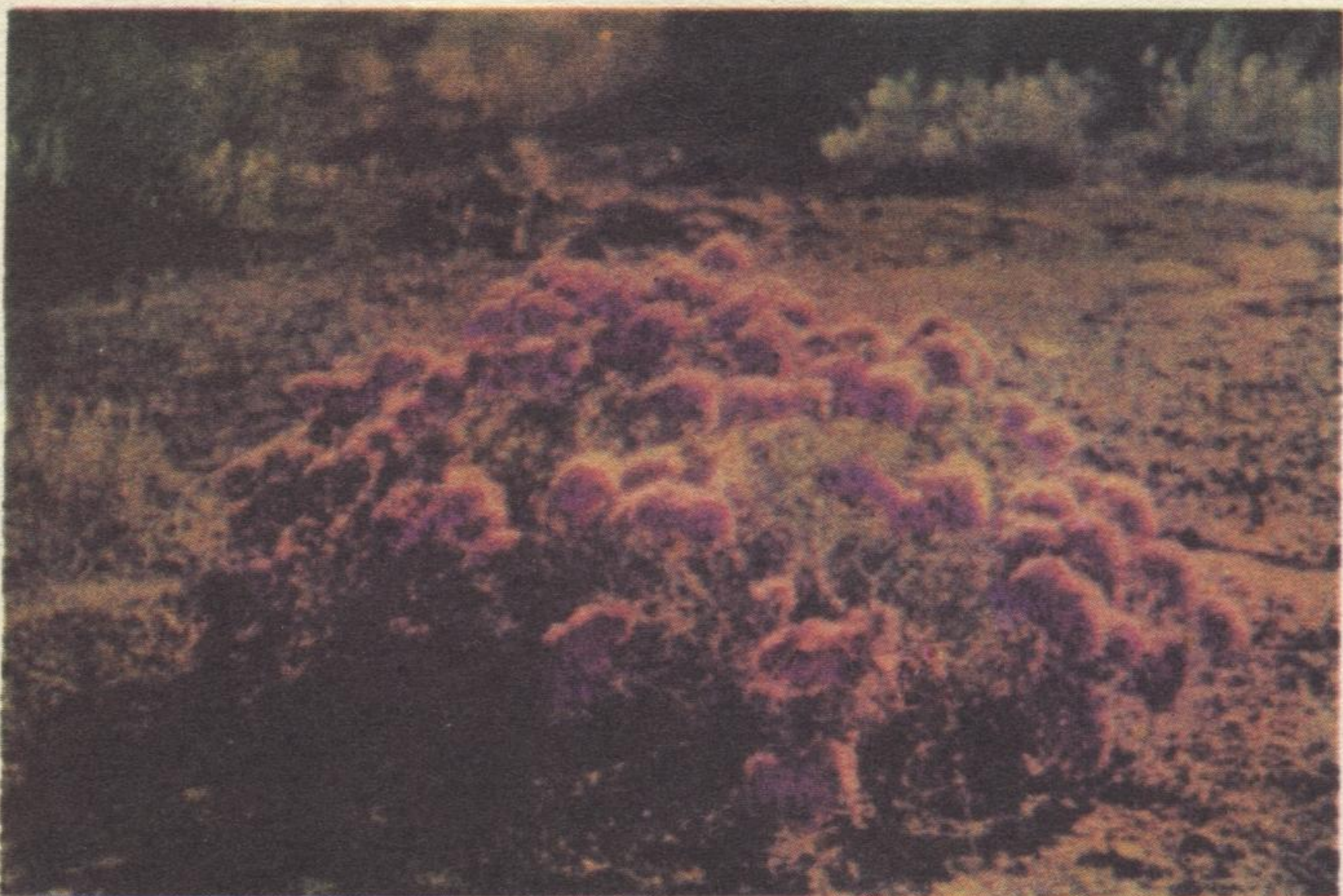

Поющий бархан

Золотистые „початки“ заразихи поднимаются из песка то тут, то там. Заразиха тянет соки из корней саксаула.

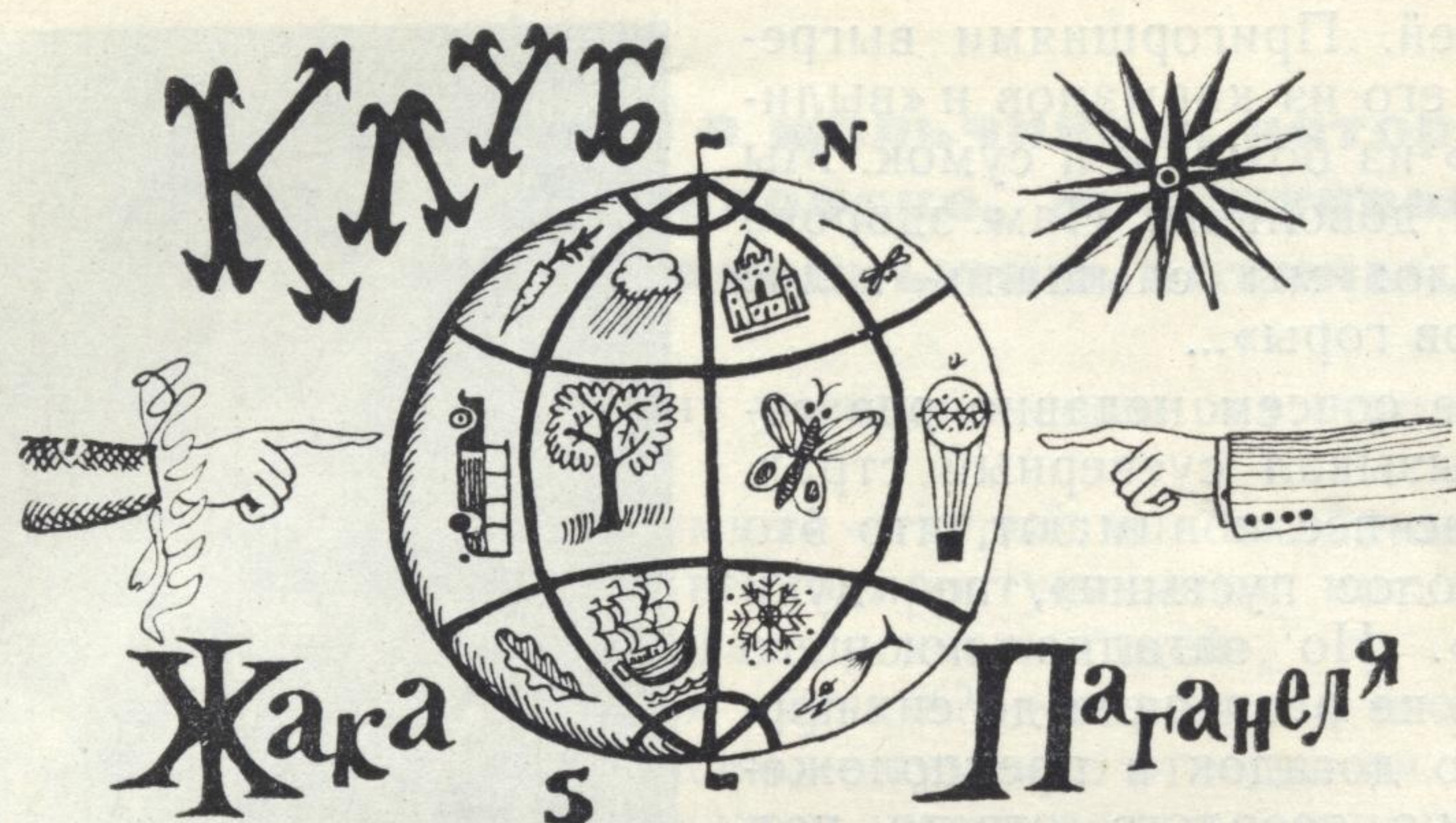
Весной даже сухие и колючие растения пустыни покрываются цветами.

„Воробей видит землю, когда ест, а небо—когда пьет“. Человек же не воробей, и земля для него не только скатерть-самобранка. Человек умеет ценить красоту своей земли.

Чаще всего встречаешь
в оазисах яшмовую

Фото Н. Сладкова

Как вы смотрите, дорогие читатели, на то, чтобы часть сегодняшнего заседания Клуба провести... в пустыне?

Готовы ли вы, подобно уважаемому и достаточно восторженному Жаку Паганелю, воскликнуть: «Горю нетерпением, как можно скорее добраться до этой удивительной области земного шара...»

Путешествие совершим вслед за людьми, которые своими собственными ногами шагали по пустыне, своими собственными глазами видели то, о чем сейчас прочтете вместе с Жаком Паганелем.

Докладываю Жаку Паганелю, как и при каких обстоятельствах довелось нам встретиться с Поющим барханом...

Мы молча вглядывались в едки, вечно изнывающие от жажды, лезли в лицо и сквозь увеличительное стекло. Солнце пекло как жадно пили наши слезы и пот. Мы щурились и щурились глаза. Сухие и колючие, как глаза; слишком много неба было вокруг. песок, пустынные мухи-слезо-

Ежик пустыни, как и ежик лесной, тоже бегают ночью и тоже ловит ящериц и жуков. Но в отличие от лесного — он почти белого цвета и уши у него большие-большие.

На самом краешке горизонта лежали две плоских лиловых горы — как две спящие черепахи. Между ними что-то светилось. Там был таинственный Поющий бархан, похожий издали на огромную египетскую пирамиду. Целая гора сыпучего золотого песка!

Два ветра, сшибаясь у лиловых гор, навевали за тысячи лет этот желтый бархан. Вершина его, как вулкан, курится в синее небо. А у подножия, похожие на сизый туман, гнутся по ветру кусты белого саксаула.

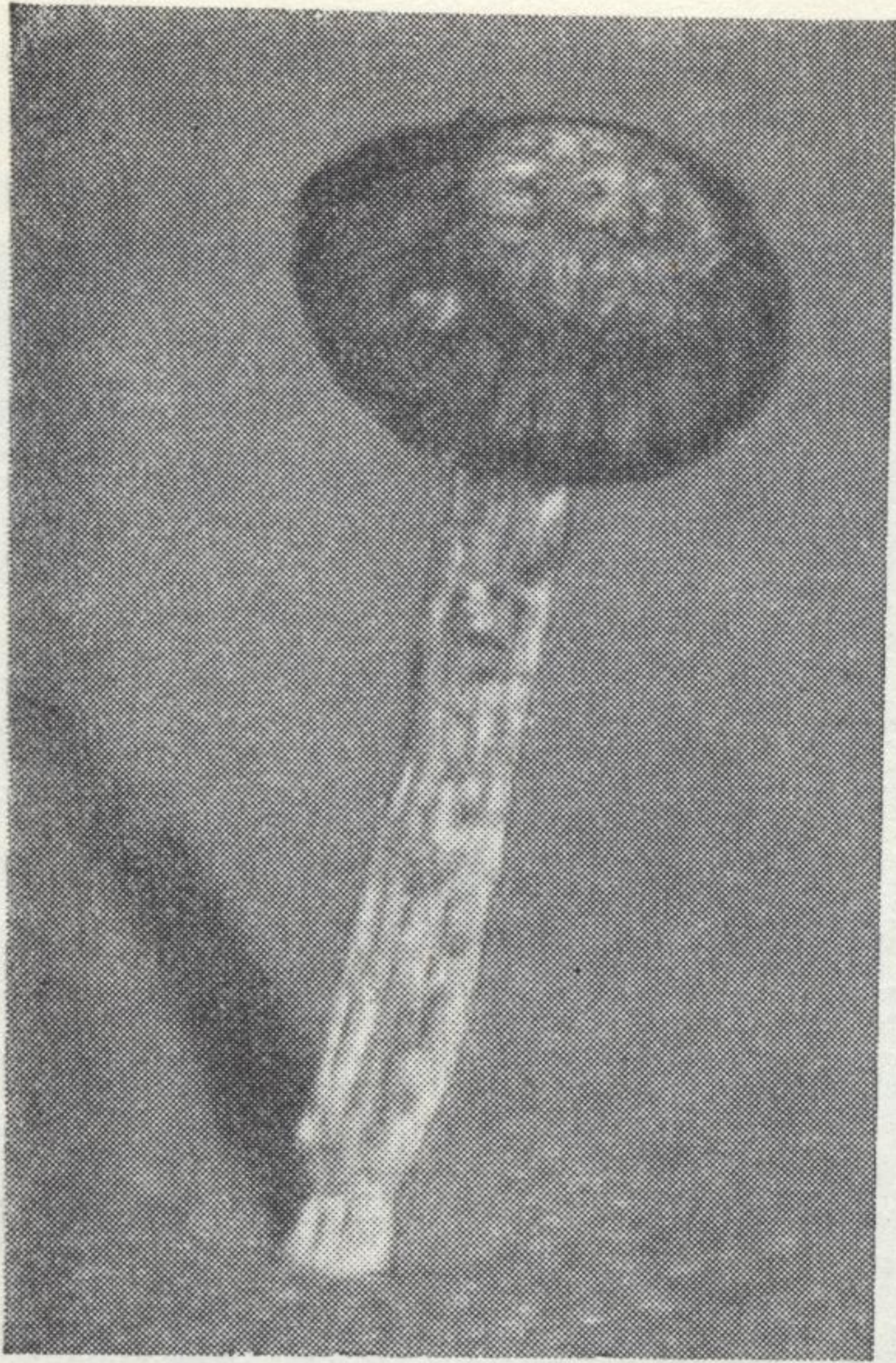
Поднимаемся медленно, шаг за шагом, по острому песчаному гребню. И кажется, что идем мы по узкому коньку крыши, вправо и влево скат. С шорохом ползет из-под ног песок, ветер целыми пригоршнями швыряет его в глаза.

Больше всего сейчас хочется пить. В радужных пятнах перед глазами блестят стеклянные фляги, полные кристальной воды. Сизые грани их запотели от холода и выскальзывают из шершавых ладоней. Стынут на горлышке губы, и ледяная вода вливается в горло...

Но только ветер засвистывает в ушах да на зубах поскрипывает песок. И желтые космы песчаной поземки, как растопыренные пальцы огромных ладоней, полируют, гладят и трут скаты горы, кидают к вершине тучи песка, и вершина курится как вулкан.

И вдруг гора охнула и задрожала! Где-то внутри ее зародился гул: он рвется наружу, он приближается и растет. Вот он вырвался и навис над равниной: оглушительный, тревожный и непонятный!

Мы прыгаем с гребня на скат и катимся вниз. Под ногами взбухают желтые песчаные волны. Справа и слева несутся лавины песка. Гора ревет и трясется. Всем телом мы чувствуем эту яростную дрожь: гора бьется как в лихорадке.

Самое удивительное зрелище в пустыне — грибы среди сыпучих раскаленных песков.

Несется ревуший песок, гудит и трясется гора. Поюший бархан поет. Мы катимся вниз, обалдевшие и оглушенные.

И вдруг тишина. Гора умолкла так же внезапно, как запела. Поднимаемся на ноги и вытряхиваем песок из волос

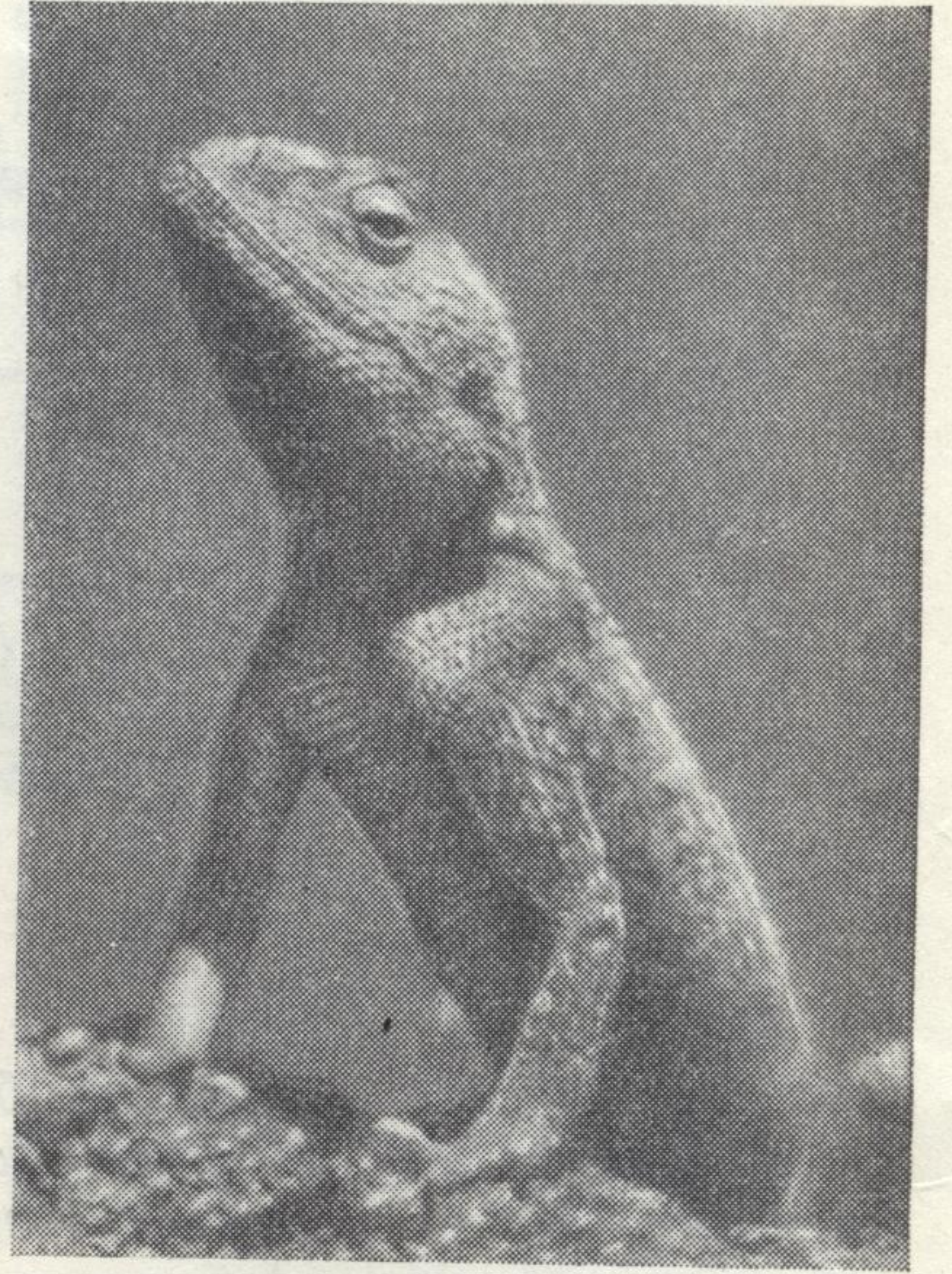
и ушей. Пригоршнями выгребаем его из карманов и «выливаем» из ботинок и сумок. Мы очень довольны. Нам здорово повезло: мы слышали голос «духов горы»...

Еще совсем недавно рев горы вызывал суеверный страх. Сейчас все понимают, что это не «голос пустыни», не «духи горы». Но загадка поющего песка не разгадана до сих пор. Много догадок и предположений, но твердого ответа нет.

Снова идем по пустыне, топчем ногами свою же тень. Тень бьется под сапогами, как подбитая черная птица. Пустыня — знойное марево. Прямые стволы саксаула извиваются в нем, будто отраженные в неспокойной воде. Далекие впадины под горами наливаются светлой водой. А голубые вершины гор вдруг отрываются от хребтов и повисают в воздухе как облака. Все ослепительно и неверно.

И снова солнце режет глаза, и снова мухи-слезоедки пьют наши слезы и пот. А юркие струйки песка засыпают следы.

В маленьком мешочке хра-

Презрительно и высокомерно смотрит агама на окружающий мир. Взволновать ее может только... появление жука или мухи. От волнения у нее синееет живот, на горле отвисает большая синяя борода.

нится у меня дома песок с Поющей горы. Память мешочек — и песок начинает «петь». Но поет он почему-то все тише и тише...

Член-корреспондент клуба, писатель Н. И. Сладков

В конце январского заседания Клуба Жака Паганеля прозвучал вопрос, на который пока еще так и нет ответа. Чтобы напомнить всем читателям

об этом вопросе, художник сделал вот такую картинку.

Дерево, которого опасаются птицы и звери, растет в Бразилии. Как оно называется и что вы о нем читали или слышали?

Жак Паганель просит ответить на оба эти вопроса как можно скорее.

Разговор Паганеля с мальчиком, который станет ученым, о человеке, посвятившем свою жизнь науке и раскрытию истины.

— Когда я вырасту, я стану ученым, — еще раз сухо сказал мальчик.

Он, наверное, был очень умный — худой и нескладный, в больших роговых очках и с вечно простуженным носиком. В школе таких величают «профессор кислых щей».

— А что же ты собираешься изучать? — спросил я его.

— Это выяснится в дальнейшем, — туманно ответил он.

— Но настоящий ученый должен уметь делать очень многое, у него должны быть хорошие руки...

— Понимаете, — терпеливо объяснил он, — я собираюсь заниматься Наукой. А главный инструмент ученого — перо и бумага. Не так ли, профессор Паганель?

Паганель был вежлив. Он не хотел обидеть мальчика.

— Видите ли, — сказал он, — я двадцать лет изучал географию в кабинете и считался даже одним из лучших ученых Франции. Но после плавания на борту «Дункана» мне с прискорбием пришлось убедиться в несовершенстве некоторых своих познаний.

— Вам — в несовершенстве? — удивился мальчик.

— О, об этом написал Жюль Верн, — грустно улыбнулся Паганель. — Да, перо и бумага могут сыграть пренеприятную шутку с человеком.

Мальчик недоверчиво пожал плечами.

И вот тут-то не выдержал инженер Ю. М. Колодин. Ему захотелось немедленно поведать о том, как сложилась жизнь интересного советского ученого Александра Александровича Голеевского. Итак, продолжение спора в апрельском Клубе.

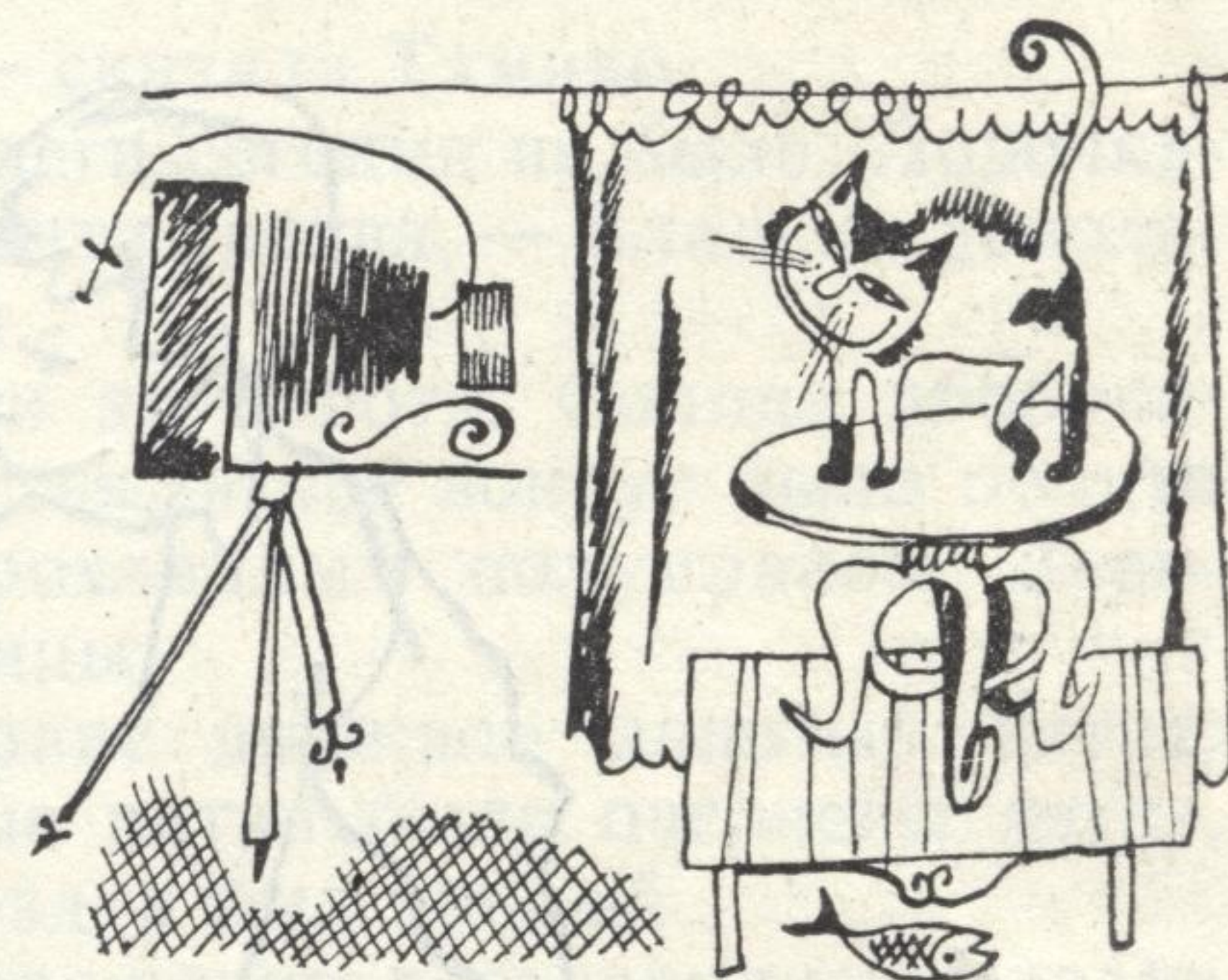
К вопросу о паганельках

Прочитав письмо Нади, Жак Паганель сразу понял, что Надя не поленилась заглянуть в «Толковый словарь» Даля. «Бирюля, бирюлька, бирюлочка. Игра: горсть ровно нарезанных соломинок, или бирюлек разного рода, кладется ворошком на стол; играющие выта-

скивают, чередуясь, по одной, не встряхивая вороха».

Как будто бы не напрасно слово «паганельки» напоминает Наде слово «бирюльки». А вот могут ли серьезные люди играть в бирюльки... и должны ли рассказывать друг другу паганельки, — решите, пожалуйста, сами.

ПАГАНЕЛЬКИ

В одном иностранном фотоклубе члены клуба заставили кошку позировать. Кошка настолько «полюбила» фотографию, что стоит ей увидеть фотоаппарат на штативе, она сразу прыгает на столик, принимает «фотогеничную» позу.

Секрет такой «любви» к фотоделу? Кошка получает вознаграждение — большой кусок рыбы.

В Ватикане есть традиция: вновь избранный римский папа вручает каждому кардиналу свой портрет. Прежде портреты писали художники, и стоило это казне довольно дорого.

Папа Павел VI решил применить фотографию для экономии средств. Теперь он дарит кардиналам свой увеличенный цветной фотопортрет, а уж кардинал на свои денежки должен заказать художнику портрет папы с этой фотографии.

ТРАВА ПАХНЕТ СОЛНЦЕМ

ПОВЕСТЬ

Илья Дворкин

Рисунки А. Сколозубова

— Ты погляди на себя, Жорка, — хохотала Тамико, — на кого ты похож! Мамали! Настоящий мамали.

— А кто такой мамали? — смеялся Жорка.

— Мамали по-грузински — петух. Ты всю краску на себя извел: нос зеленый, щека красная, волосы дыбом, как гребешок. На «Акулу» краски не хватит.

— Петух? Это здорово — петух! Тамико, нарисуй мне на груди петуха. У всех моряков на груди что-нибудь нарисовано. Татуировка. Я бойцовый петух! Я старый морской волк! Нарисуй мне петуха.

— Ох, Жорка! Ох, Жорка! Как ты только домой явишься? Ты что, нарочно разукрасил-

ся? — никак не могла остановиться Тамико, поглядит на Жорку и заливается. — Ты индеец.

— Я индеец! Я вышел на тропу войны. Сейчас со всех вас скальпы снимаю, — Жорка делал зверское лицо и размахивал кистью. — Как по-грузински победа?

— Гамарджвеба.

— Ура! Гамарджвеба!

Жорка прыгнул на Владика. Оба покатились по пирсу. Димка подскочил, навалился, столкнул их в воду.

Бултых! Только брызги полетели. И сам за ними следом — бултых!

Они барахтались в воде, возились и украдкой поглядывали на Тамико.

Окончание. См. «Костер» № 2, 1967 г.

Она сидела на краю пирса, болтала босыми ногами и смеялась.

А потом Тамико нарисовала на Жоркиной груди петуха. Он ее все-таки уговорил. Пристал как смола. И Владик с Димкой поддерживали.

Тамико согласилась. Пусть. Акварельную краску легко смыть.

Петух получился великолепный. С разноцветным хвостом, взъерошенный и драчливый.

— На тебя похож, — сказала Тамико.

— Эх, красота какая. Теперь и купаться-то жалко будет, — сокрушался Жорка, — надо было масляной рисовать.

Димка принес в консервной банке бензин. Сообща оттерли Жоркины нос и щеку. Помогли друг другу отчистить руки.

Жорка осторожно тер мочалкой ладошку Тамико, и его руки казались большущими и грубыми рядом с ее.

Он вдруг почувствовал, как сердце его наполняется нежностью к этой славной девчонке. И он весь напрягся, затаился, чтобы она не заметила этого. Ему вдруг захотелось, чтоб ей сейчас вот, немедленно угрожала страшная опасность, чтоб он мог броситься и защитить ее, и биться до конца — яростно и бесстрашно.

Жорка огляделся, но защищать ее было не от кого.

«Катер я добуду!.. В лепешку расшибусь, а уговорю Демьяныча. Все сделаю, чтоб ей хорошо было, чтоб весело. Два дня только осталось, всего два дня!..»

— Завтра снова придем. Закончим, — сказал Димка.

— Придем, — сказала Тамико.

— Жалко, Олега сегодня не было. Лодочка-то, вот она — почти готова, — Владька довольно ухмыльнулся.

Ребята вышли за ворота. Солнце пробивалось сквозь листья, и все вокруг было облито зеленоватым прохладным полумраком. Звонко гомонили птицы.

В высокой траве дрожали золотые пятна. Яркие солнечные пятна были очерчены четко, как пером. А воздух был пряный.

Тамико настороженно остановилась. Ноздри ее трепетали. Она подняла руку.

— Мальчики, вы чувствуете? — шепотом спросила она.

— Что? — тоже шепотом отозвался Владик.

— Трава пахнет солнцем!

Мальчишки принюхались. Зашевелили носами. Как пахнет солнце? Кто его знает? Они никогда как-то не думали об этом.

— А правда — солнцем. Наверное, так оно и пахнет, — отозвался наконец Димка.

— Ага. И еще земляничкой, — сказал Жорка.

ЮНЫЙ ГЕРОЙ ГЕОРГИЙ БАСОВ

— Ребята, надо ей все-все показать, а? Чтоб ей весело было. Слыхали, как она сегодня смеялась? — сказал Жорка, когда мальчишки остались одни.

Они шагали к автобусной остановке, разговаривали и возбужденно размахивали руками.

— Ты, Жорка, обязательно потолкуй с Демьянычем. Представляешь — на катере! Да на нем можно по всему городу проехать. Чем давиться в такую жару в автобусах. Как притиснет какая-нибудь толстая тетка — не обрадуешься.

— Оно бы хорошо, только вдруг не согласится, — усомнился Димка, — взрослых-то вы знаете. Думают, у них у одних дела — серьезнее не бывает.

— Ясно, поговорю. Должен же он понять. Я все сделаю, ребята. Все, что смогу, — ответил Жорка.

Мама с Демьянычем обедали.

— И на кого только ты похож, Жорка! — всплеснула руками мама. — Боже мой! Тельняшка в краске, и бензином от тебя несет, как от грузовика. И вообще, что это за мода —

разгуливать в тельняшке по городу. А руки-то! Ты погляди, что у тебя под ногтями — черная ночь. А ну, марш мыться. С такими руками к столу не пущу. И переоденься. Человеческую рубашку надень.

Жорка пошел в ванную и услышал, как мама говорила Демьянычу:

— Взятся бы ты за парня, не чужой ведь он тебе. Ты ж мужчина все-таки, тебя он слушать должен. Он ведь домой только есть да спать приходит, целыми днями где-то шастает. Еще свяжется с какими-нибудь хулиганами, тогда поздно будет.

— Ну, это ты зря, напрасно ты. На это вроде не похоже. Я его дружка знаю — Владик из седьмой квартиры, музыкантов сын, — успокоил ее Демьяныч.

— Тоже хорош гусь, — не унималась мама, — видела я его вчера — исцарапанный весь, и физиономия такая продувная — дальше некуда. Здрасьте, говорит, Татьяна Алексеевна, а у самого глаза так и стреляют, так и шмыгают, как два мыша. Ты пойми — возраст у них сейчас такой, к ним все липнет: и

хорошее и плохое. А ты ему отец. Хоть и не родной, а все отец. И еще тельняшка эта. Зачем только ты ее подарил ему. Ходит, как шпана.

— Ладно, — ответил Демьяныч, — парень он вообще-то неплохой, сама знаешь, но... Я с ним потолкую. А об тельняшке ты зря. Тельняшка — моряцкая одежда и шпана тут ни при чем, — строго добавил он.

Жорка толкнул дверь и с невинным лицом прошел к шкафу.

— Мамочка, какую рубашку взять? — спросил он. Ему очень хотелось быть сейчас хорошим и послушным. Да и для дела надо было, чтоб Демьяныч не сердился.

— Синюю возьми. С короткими рукавами. Она на верхней полке лежит.

Стоя к родителям спиной, Жорка стащил через голову тельняшку, взял пахнущую свежестью рубаху и повернулся.

— Господи!!! — ахнула мама и даже побледнела. — Татуировка! Дожили! Ты что ж это, поганец, с собой сделал! Что ж ты натворил, несчастье мое, негодный мальчишка!

— Да это так просто, ерунда. Это девочка одна... — пытался объяснить Жорка.

— Девочка! — заорал Демьяныч. Он вскочил, лицо его пошло красными пятнами. — Я тебе покажу татуировку! Я тебе покажу девочек, сопляк! Мать до слез довел.

Он ухватил цепкими сухими пальцами Жоркино ухо и два раза увесисто треснул его по шее.

Жорка рванулся, выдернул пылающее, несчастное ухо и бросился к двери.

— Это просто так нарисовано! Красками! Оно смывается! — выкрикнул он и выскочил на лестницу.

Обида душила его.

— Они еще узнают, они узнают, — бормотал он, шмыгая носом, — по шее! За что? Вот убегу из дому, тогда узнают. Тогда-то забегают. Юнгой наймусь. Уплыву в далекие моря. Поплачут небось.

Жорка злорадно приговаривал, а сам упивался всплывающими перед глазами картинами мести.

Вот Демьяныч, заламывая руки, рыдает и кается в своей несправедливости. А весь дом, все жильцы отворачиваются от него с презрением.

— Разве можно было крутить уши такому человеку? Такому прекрасному мальчику! Они ведь у него не железные. Живые у него уши. И еще по шее лупить. Вот и не выдержал человек. Вот и пропал, — говорят все и качают головами.

А потом — потом — в газетах появляются Жоркины портреты.

«Благородный поступок! Геройский подвиг! Юный моряк, юнга Георгий Басов спасает капитана! Он бросается в бушующий Индийский океан и, бесстрашно борясь с разъяренной стихией, вытаскивает своего капитана, которого слизнул с мостика неслыханной силы девятый вал.

Юного героя награждают орденом. Ему дают новенький быстроходный лайнер и назначают капитаном».

А Демьяныча, чтоб не распускал руки и не трепал героев за уши, ведут в тюрьму.

Но Георгий Басов прощает его. Он не то что некоторые. Он добр и великодушен. Он даже берет его на свой корабль. И назначает коком. Пусть чистит картошку и всегда вспоминает его, Жоркину, доброту.

А Тамико приходит на пристань встречать героя, с цветами.

Или так: девятый вал слизывает его, Жорку, и пароход уходит в ночь. Но Жорка не сдается. Он борется — плывет. А потом встречает кита. И приручает его. Этот кит самый большой на свете. Он царь всех китов. И Жорка верхом на этом царе заявляется в Ленинград. Что творится-то! Давка на набережных!

А Жорка спокойненько вплывает в Мойку, прямо к своему дому. И его снимают для кино. Дядя Арон.

Толпа запрудила Конюшенную площадь, и Запорожский переулок, и мост, а в толпе стоит печальный Демьяныч, и с усов его капают слезы раскаяния. Ему стыдно.

А Тамико встречает Жорку с цветами. Вот как.

БУДЕТ У НАС КАТЕР

Владька уже пообедал. Он по Жоркиному лицу сразу же понял, что произошла неприятность, и уволок его в свою комнату.

— Поесть притащи, — буркнул Жорка.

Владик сбегал на кухню, принес два здоровенных ломтя хлеба с ветчиной и кружку молока. Жорка заурчал и вмиг справился с

бутербродами и еще кусище яблочного пирога уписал.

— Во даешь! Тебя не кормят? — спросил Владик.

— Демьяныч отлупил, — мрачно ответил Жорка, — по шее наложил. За петуха. Орет: «татуировка, татуировка!» Я из дому удрал.

— Эх ты! Нашел время. А как же катер?
— Шиш теперь, а не катер. Я у него просить не стану.

— Трепач ты, Жорка! У-у-у. Решили ведь. Я уж все придумал: куда Тамико повезем, что покажем, а теперь, — Владик махнул рукой, — все вверх тормашками. И все из-за какой-то шеи.

— Из-за какой-то?! Если бы это была твоя шея, небось не то бы запел. Моя шея не для того, чтоб по ней просто так, за здорово живешь кулаками лупили. Понял?

— Да понял я. Понял, что не видать нам катера. А я уж все придумал...

— Заладил, как патефон: придумал, придумал... Тоже мне мудрец. Будет у нас катер. Я не я буду.

— Где ж ты его возьмешь? — усомнился Владька.

— Если я сказал будет, значит, будет. У меня план есть. Я уж давно придумал. Только Демьяныча не хотел подводить. А теперь раз он так, и я так. Пусть попрыгает. Вот уж попрыгает. Татуировка, говорит. Уши крутит. Теперь сам покрутится. — Жорка искоса взглянул на Владика. — Решено! Пошли, я тебе покажу, как Демьяныч пиво пьет.

— При чем здесь пиво? — удивился Владик.

— При том. Говорю: план есть. А пиво он всегда после обеда пьет. На канале Грибоедова. В ларечке. Пошли.

Каждому просто необходимо было видеть, как Демьяныч пьет пиво — никак нельзя пропускать такое в жизни.

Это что-то вроде священного обряда. Этакий языческий ритуал, где каждый жест, каждое движение отработано веками и ничего нельзя менять.

Демьяныч и пиво! О, это запросто можно было в кино показывать. В хронике.

Он брал здоровенную граненую кружку с пышной шапкой пены, благоговейно дул на нее — шапка сдвигалась набекрень, потом вынимал из кармана кителя спичечный коробок с солью и густо посыпал ею толстый стеклянный край. А тогда уже, зажмурив блаженно глаза, опускал в кружку вислые усы, и, как насос, мгновенно высасывал ее до дна.

Хорошо зная своего постоянного клиента, продавец заранее ставил на мокрый цинко-

вый прилавок еще две кружки, и Демьяныч, переведя дух, так же лихо расправлялся и с теми. Выдует и идет как ни в чем не бывало к своему катеру, даже не пошатнется.

А катер стоит себе, подрагивает заведенным мотором, дожидается Демьяныча.

Жорка и Владька все рассчитали. Сколько времени Демьяныч идет до ларька, сколько пьет, сколько стоит, улыбается.

Получалось, что вполне можно успеть — пока он там наливается — на малом ходу, чтоб мотор громко не тарахтел, выскочить из канала Грибоедова в Мойку.

А там ищи-свищи: полный ход — педаль от себя, крутой разворот в Лебяжью канавку и через две минуты ты на Неве.

Главное, в Мойку незаметно проскочить, а там уж Демьяныч ничего не увидит. Сквозь дома он глядеть не может — не рентген.

— Понял? — спросил Жорка. — Только надо быстро. Раз-раз. И готово. Как только он в пивнуху зайдет, я сразу за руль, а ты цепь развяжешь и прыгай ко мне. Только оттолкнуть катер не забудь. Да посильнее. Понял?

— Да понял я, чего ты заладил? — буркнул Владька. — Только вдруг он вернется? Может, подождать, пока пить начнет?

— Нет, тогда не успеем. Заметит. Такой шум подымет, что ой-е-ей. Ты ж его знаешь. Полгорода сбежится. Голосище-то у него как сирена.

— А когда Тамико в больницу кладут?

— Ты же слышал: через три дня. Значит, уже два осталось.

— Да, ты голова, Жорка. Ничего не скажешь. Только, может быть, все-таки подождать, пока он первую кружку начнет, — сомневался Владик, — а то мы в катер, а он возьмет и выйдет.

— Как же, держи карман! Не знаешь ты Демьяныча. Так он тебе и выйдет. Если уж он туда зашел, то пока норму не прикончит, его оттуда палкой не выгонишь. А вообще-то ты не думай, — спохватился Жорка. — Он мужик непьющий. Водку — ни-ни. Только пиво любит.

— Ну, гляди. Тебе лучше знать. Это твой отчим, не мой. Значит, завтра?

— Нет, Владька, я думаю, лучше после-завтра. Завтра Димке расскажем и Тамико предупредим.

ТАЙНЫ МАДРИДСКОГО ДВОРА

— Ай да вы! Ударники — и только! Снимаю шляпу, — сказал Олег Баранов, — за три дня привести в порядок гичку — это, знаете ли, рекорд!

Он стоял на одном колене в юрком каноэ, и, балансируя, держал речь:

— Итак, завтра спуск лайнера на воду. Прошу почтеннейшую публику прибыть во

фраках. Дамам обязателен вечерний туалет. И брильянты.

Он галантно поклонился Тамико, и каноэ тотчас тоже наклонилось, чуть не черпнув бортом.

Олег смешно дернулся и застыл в неудобной позе.

Тамико засмеялась. Эти каноэ вечно выкидывают всякие штучки. Они как дикие мустанги: чуть седок, то бишь гребец, зазеваётся — бултых! и только круги по воде. Да на берегу злорадный хохот.

На что уж Олег — опытный человек, а и тот совершил уже сегодня омовение. Из-за какой-то девчонки-байдарочницы с круглыми как пуговицы перепуганными глазами.

Она неслась наискосок по реке, целилась острым носом своей байдарки прямо в борт каноэ и, видно, никак не могла свернуть. Оттого и глаза у нее были такие перепуганные — аж белые.

Олег заметил опасность в последнюю минуту, но успел — непонятно как — увернуться. А когда опасность миновала, он в ярости обернулся, чтоб сказать этой безрукой пару ласковых слов. Тут-то каноэ и подстерегло его.

Один миг и — буль! — каноэ плавает вверх дном, Олег охлаждает свой гнев в большой Невке, а девица удирает на своей злополучной байдарке — только острые лопатки часто-часто шмыгают под синей футболкой. Вот уж точно — удирала она во все лопатки.

А на бону заливались зрители. И Тамико тоже заливалась.

Потому Олег так испуганно и дернулся. Не хотелось ему еще раз купаться.

— Все ясно, уважаемые? — переспросил Олег.

— Придется отложить, — важно ответил Жорка, — у почтеннейшей публики завтра важные дела. Она прибыть не сможет.

— Какие такие неотложные? — спросил Олег. — А у тебя, Тамико, тоже дела? Может быть, мы без этих зазнаек спустим корабль?

— Я с удовольствием. У меня дел нет. Конечно, спустим.

— Нет, — вмешался Жорка, — она не сможет. Она будет занята.

Тамико изумленно обернулась.

— Что ты говоришь, Жорик? Чем я буду занята?

— Будешь, будешь. Мы лучше знаем, — нахально заявил Владька.

А Димка стоял в сторонке и утвердительно кивал.

Лица у всех троих были такие торжественные и серьезные, что Олег только головой покрутил.

— Э, да тут, я вижу, целый заговор. Тайны мадридского двора. А ну-ка выкладывайте.

— Пока не можем, — твердо сказал Жорка, — пока это тайна.

— Та-айна, — протянула Тамико и сразу насторожилась: ушки на макушке, — так вот отчего вы все утро шепчетесь...

В глазах у нее загорелись синие огоньки любопытства.

— Мальчики! Жорик, Димочка, Владик, — вкрадчиво запела она. — Расскажите мне, пожалуйста! Миленькие! Ну расскажите, а? Я никому-никому не скажу! Ни полсловечка!

Она крепко прижала ладони к груди и так уж глядела на них, что мальчишки заколебались, переглянулись.

— Нет, — непреклонно сказал Жорка. — Завтра. Пока нельзя. Узнаешь завтра. Ровно в половине первого. Димка будет ждать тебя здесь, на пирсе. Гляди не опаздывай, а то все сорвется.

— За-автра... Как же я спать сегодня буду? У меня никогда еще не было тайны, а ты говоришь — завтра.

Мальчишки сделали вид, будто не слышат. Димка сурово сказал:

— Только чтоб пришла точно. Как штык. А то я знаю вас — девчонок.

— Я сюда сразу после завтрака приду. Можно мне после завтрака, Олег?

— Можно, — мрачно отозвался Олег, — тайны у них. Секреты. А мне, значит, нельзя, да?

— Ты на нас не обижайся, Олег. Мы не хотим тебя втягивать в эту историю. Потому что ты взрослый. И тебе может здорово нагореть, — сказал Жорка.

— Вот оно что, — протянул Олег.

И ему стало грустно оттого, что с каждым годом все меньше остается у человека тайн, оттого, что он для этих мальчишек уже взрослый — человек другой породы.

— Ну ладно, заговорщики, не хотите говорить — не надо. Только не делайте глупостей, хоть изредка шевелите извилинами. И если попадетесь, бегите ко мне. Может, помогу чем... Привет.

Он оттолкнулся веслом от бона и быстро заскользил по упругой гладкой воде.

ЗАРУБИ СЕБЕ НА НОСУ

Сердце колотилось высоко-высоко — у самого горла. Бух-бух! Бух-бух! Вот-вот выпрыгнет.

Жорка никогда не чувствовал, как у него бьется сердце. А тут...

Ему казалось, что на этот стук оборачиваются прохожие.

Он поглядел на Владьку. Губы у Владьки были сжаты в прямую тонкую ниточку, лицо заострилось, а глаза-то, глаза! Будто он прицеливается.

Ничего не скажешь — решительное у Владьки лицо.

«Интересно, боится он или нет? — подумал Жорка. — Наверное, боится. Я-то боюсь. А чем я его хуже? Только он ни за что не скажет. И я не скажу. Никому».

А Демьяныч все возился в катере. Что-то он там передвигал. Гремел пустой канистрой из-под бензина, вытирал ветошью руки.

— Чего он там возится, — недовольно прошептал Владька.

— Не знает, что мы спешим. А то бы потопился, — усмехнулся Жорка.

Демьяныч вдруг резко разогнулся, обвел настороженными глазами улицу, задержав взгляд на углу дома, за которым поспешно спрятались Жорка и Владик. Будто чувствовал что-то. Потом он снова нагнулся.

Ожидание становилось невыносимым.

Жорка нетерпеливо пританцовывал на месте.

— Только бы мотор не выключил, только бы не заглушил, — бормотал он.

— Не заглушит, не заглушит, — заклинал Владька.

Наконец Демьяныч вылез на гранитный спуск, небрежно накинул цепь на крюк и медленно стал подниматься по ступенькам.

У входа в пивную он еще раз оглядел улицу и скрылся.

Дверь гулко захлопнулась за ним.

Мальчишки переглянулись. Они ждали этого. Давно уже ждали, и все равно решительный миг пришел как-то неожиданно.

— Давай, — выдохнул Жорка и длинными прыжками понесся к спуску.

Он с разгону сиганул в катер и сразу же услышал грохот цепи о дно.

Звук был так оглушитель, что Жорка втянул голову в плечи и замер.

Он ждал окрика. Ну же! Скорее! Не томи! Не мог Демьяныч не услышать этого грохота. Просто невозможно не услышать.

— Ну, что же ты? Обалдел, да?! — прошипел Владька, и Жорка, стряхнув оцепенение, увидел: катер покачивается на середине канала.

«Теперь спокойно! Спокойно! Только не волноваться!» — пронеслось в голове.

Жорка мягко подал реверс вперед и осторожно нажал на педаль.

Катер дрогнул, ожил и двинулся вперед. Мотор работал почти бесшумно. Гораздо тише, чем Жоркино сердце.

Нога медленно-медленно выжимала газ, будто она была самостоятельным существом — Жорка сам по себе, нога сама по себе.

Потому что все до предела напряженное Жоркино тело кричало, требовало немедленно двинуть педаль до отказа, рвануться вместе с катером сквозь упругий ветер, убраться подальше, скрыться, исчезнуть!

Руки вцепились в руль так, что пальцы побелели.

А нога, умная нога, хорошая, хладнокровная нога бесстрастно сдерживала это желание, не давала взбеситься, зареветь затаившемуся до времени мотору.

Она укрощала его, и мотор мягко дышал, плавно толкая катер вперед.

— Так-так-так! Так-так-так! — мурлыкал мотор.

Владик уважительно покосился на Жорку. «Вот черт, спокойный! Как он только удерживается?»

Вот, наконец, и Мойка. Легкий мостик надвинулся тенью. Поворот... секунда... еще... еще... и катер, присев, рванулся вперед так, что Владьку швырнуло на спинку сиденья, прижало к ней, как космонавта во время перегрузок.

А катер, с ревом пролетев по сонной ленивой воде Мойки до следующего поворота, резко погасил скорость, юркнул в прямую, как струна, Лебяжьей канавку и жадно устремился к простору Невы.

Владька перекинул ногу на ногу и небрежно поглядывал на любопытных, глазающих на них из Летнего сада.

Он как-то мгновенно успокоился и весь раздулся от важности. Небось любой из этих зевак не отказался бы поменяться с ним местами.

А Жорке было не до зрителей. Нева надвигалась полукруглым глазом из-за пролета гранитного мостика.

Жорка снова притормозил, и на малой скорости катер, наконец, выбрался на широкую выпуклую гладь.

Нева была пустынна. Только вдалеке, у Литейного моста пыхтел неугомонный закопченный трудяга-буксир.

Катер описал плавную дугу и скользнул мимо «Авроры» в Большую Невку. На секунду небо закрыл мост, совсем рядом мелькнули замшелые быки — приземистые, темные, могучие. Пахнуло сыростью.

И снова мальчишки окунулись в яркий слепящий день. Помчались навстречу расплавленному горячему солнцу.

Жорку все еще колотила нервная дрожь. Он сидел, неловко согнувшись, напряженно глядя вперед.

«Оно, конечно, хорошо, что все так ловко вышло, но теперь за катер отвечаю я. Только я, — подумал он. — А Владька-то — ишь надулся, как индюк. Показуху выдает. Интересно, что сейчас Демьяныч делает?»

Жорка представил себе, как суровый Демьяныч нелепо бегаёт по набережной, спрашивает у прохожих про катер, а те ухмыляются.

Он представил себе его удивленные растерянные глаза, как он прикуривает дрожащими руками, а спички ломаются и выскальзывают из неверных пальцев.

Жорка даже головой затряс — лучше уж не думать об этом.

— Давай-ка, Жорка, поднажми, — командирским строгим голосом приказал Владька.

— И так быстро идем, куда еще!

— А я говорю, нажми! Плетешься, как черепаха!

— Чего-о? — возмутился Жорка. — Заруби себе на носу — никаких фокусов! Катер тебе не игрушечка. Понял? И про всякие глупости забудь.

Владька ошеломленно заморгал. Он никогда еще не слышал, чтобы Жорка говорил таким голосом. И лица у него такого никогда не видел — серьезного и твердого.

Он хотел усмехнуться, сказать что-нибудь ехидное, но неожиданно для самого себя пробормотал:

— Ладно, чего там. Я ж понимаю.

— Ну и молодец, — железным голосом ответил Жорка.

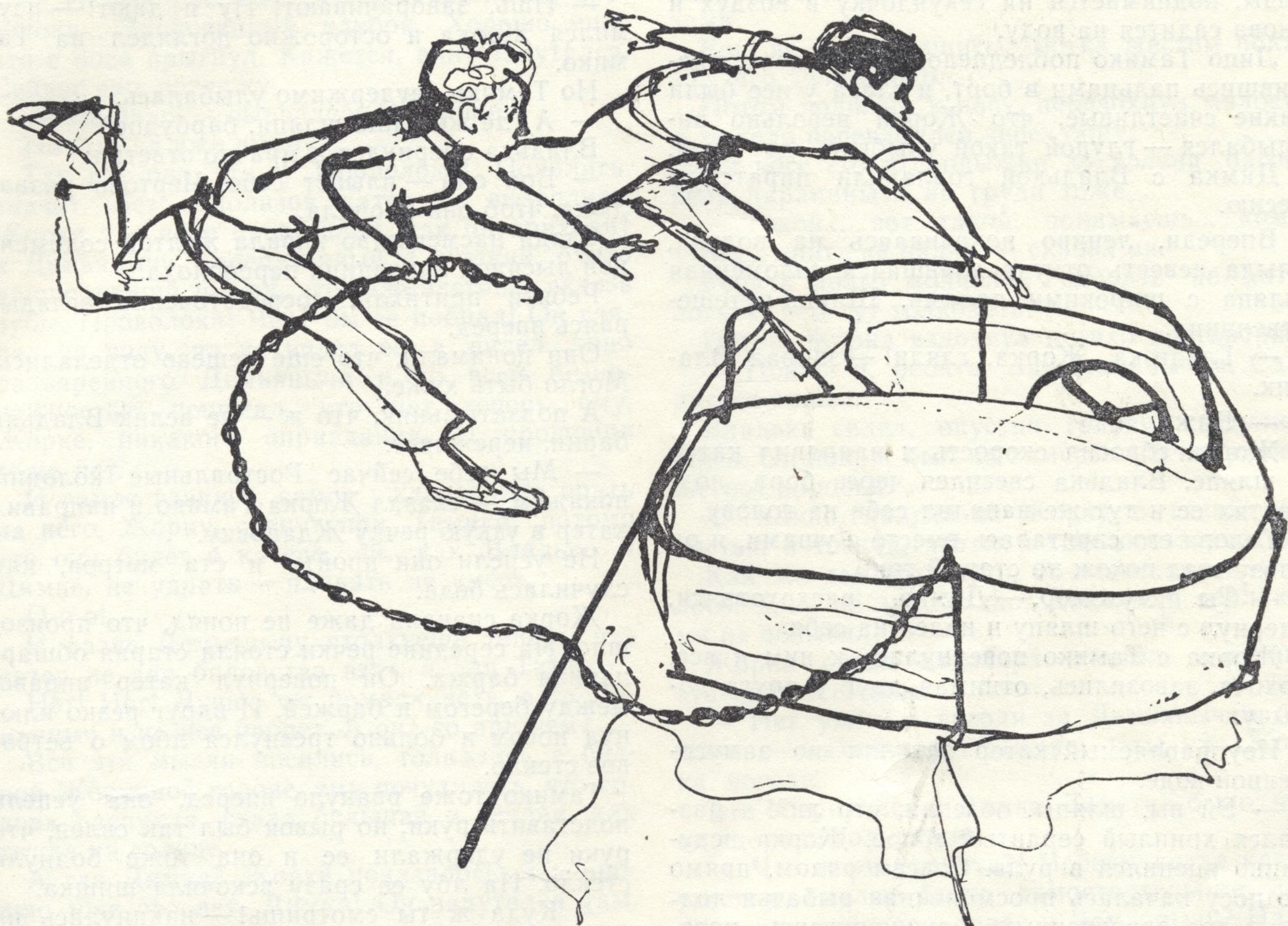
НАДО ВЫКРУЧИВАТЬСЯ

Тамико и Димка слонялись по пирсу. Часы показывали уже без четверти час, а Жорки и Владика все не было.

Димка поминутно подходил к самому краю причала и оглядывал реку.

Тамико встревоженными глазами следила за ним: Димкино волнение постепенно передавалось и ей.

— Димочка, ну хоть расскажи, чего мы ждем? — взмолилась, наконец, она.

— Жорку и Владика.

— Я знаю, что Жорку и Владика. Только почему ты их в воде ищешь? Что они, вплавь добираются?

— Вплавь.

— А что мы потом делать будем?

— Тоже поплывем.

— Димка! Но я же плавать не умею.

— Научим. В воду окунем — сразу поплывешь. С перепугу. Только брызги полетят.

— Смеешься... Ладно, ладно! А еще друзья.

Димка смущенно переминался с ноги на ногу и молчал. Ну, что ей скажешь! Вот уж час почти, а ребят все нет. Может, вообще все сорвалось. Расскажешь ей, развонишь, и вдруг ничего не получится. И выйдет тогда, что они все трепачи. Нет уж, лучше помалкивать.

На берег вышел Олег. Оглядел мрачного Димку, пригорюнившуюся Тамико и покачал головой.

— Плохо? — спросил он.

Димка только рукой махнул.

— Ну ладно — плюньте. Не все в жизни гладко.

Олег отошел в сторону, повернулся к реке. Из-за узкого мыса, далеко-далеко, показался незнакомый катер. Он шел наискосок течению, к базе. Ветер относил звук мотора, но видно было, что катер идет очень быстро.

Димка подпрыгнул, заорал, замахал руками. А Тамико, еще ничего не понимая, недоуменно переводила взгляд с Димки на Олега.

Только когда катер, накренившись, подняв радужную тучу брызг, развернулся, Тамико увидела в нем Жорку и Владика.

— Ой! — вскрикнула она и села прямо на пирс.

Откуда катер? Где его добыли мальчишки? Что они натворили? Десяток вопросов мгновенно пронесся в ее голове.

Но все это было не важно.

А важно было только одно — они сделали это для нее, для Тамико, потому что они ее друзья — смелые, решительные, славные мальчишки.

Гулко шлепая днищем о волны, катер мчался вперед. Жорка выжал педаль до отказа, и ему иногда казалось, что катер отрывается от

воды, поднимается на секундочку в воздух и снова садится на воду.

Лицо Тамико побледнело. Она сидела, вцепившись пальцами в борт, и глаза у нее были такие счастливые, что Жорка невольно заулыбался — глупой такой улыбкой, до ушей.

Димка с Владькой горланили пиратскую песню.

Впереди, лениво покачиваясь на волнах, плыла невеста откуда взявшаяся соломенная шляпа с широкими полями. Шляпа-путешественница.

— Гляди-ка, Жорка, гляди! — заорал Владик.

— Вижу.

Жорка сбросил скорость и направил катер к шляпе. Владька свесился через борт, подхватил ее и тут же напялил себе на голову.

Голова его спряталась вместе с ушами, и он сразу стал похож на старый гриб.

— Ты мухомор, — Димка расхохотался, сдернул с него шляпу и надел на себя.

Жорка с Тамико повернулись к ним и все, хохоча, завозились, отнимая друг у друга добычу.

Неуправляемый катер завилал по замусоренной воде.

— Эй вы, шляпы, ослепли, что ли?! — раздался хриплый сердитый голос. Жорка испуганно вцепился в руль. Совсем рядом, прямо по носу качалась просмоленная рыбацья лодка и два здоровенных дядьки, ругаясь, метались в ней.

Жорка крутнул баранку, и катер в самый последний миг проскочил борт о борт с лодкой.

А один из рыбаков успел вклепить Владьке увесистый подзатыльник.

Владька втянул голову в плечи и тер ладонью шею.

Вслед гулко неслись по реке разные красочные слова.

— Ишь, заворачивают! Ну и дают! — изумился Жорка и осторожно поглядел на Тамико.

Но Тамико неудержимо улыбалась.

— А где же наша шляпа, барбудос?

Владька обернулся и мрачно ответил:

— Вон она — плывет себе. Чертова развалюха, чтоб она пропала.

Сзади насмешливо кивала желтой соломенной лысиной виновница переполоха.

Ребята притихли, сосредоточенно вглядываясь вперед.

Они понимали, что еще дешево отделались. Могло быть хуже.

А подзатыльник, что ж — не велик Владька барин, переживет.

— Мы тебе сейчас Ростральные колонны покажем, — сказал Жорка Тамико и направил катер в узкую речку Ждановку.

Не успели они пройти и ста метров, как случилась беда.

Жорка сначала даже не понял, что произошло. На середине речки стояла старая обшарпанная баржа. Он повернул катер вправо, между берегом и баржей. И вдруг резко клюнул носом и больно треснулся лбом о ветровое стекло.

Тамико тоже рвануло вперед, она успела подставить руки, но рывок был так силен, что руки не удержали ее и она тоже боднула стекло. На лбу ее сразу вскочила шишка.

— Куда ж ты смотришь! — накинулись на Жорку Владик с Димкой.

— Куда, куда... На мель сели, не видишь.

— На мель! — Тамико захлопала в ладоши. Шишка ее лиловела, но похоже было, что все это ей очень нравилось.

Но мальчишкам было не до радости. Не успели начать путешествие — и на тебе! И на мель сели, и Тамико чуть голову не расшибли.

Неожиданное нахально ворвалось в такой стройный продуманный план и мгновенно все перевернуло.

КОЛЮЧАЯ ПРОВОЛОКА

— Как же... мель... черта с два, — бормотал Димка.

Он только что вынырнул и держался поодаль от катера, тяжело со всхлипом дыша — слишком уж долго проторчал под водой.

На барже показался заспанный дед в трусах и драном распахнутом ватнике. Он поскреб заросшую седой шерстью грудь и сказал:

— Крепко вы, однако, попались, цуцики.

Табак ваше дело. Теперь, хе-хе, соседями будем.

И, проскрипев эти зловещие слова, странный дед пропал. Будто в люк провалился.

Жорка, Владик и Тамико тревожно уставились на Димку.

— Дим, не томи! Что там такое? — спросил Жорка.

— А вот что!

Димка показал расцарапанную руку.

— И ногу рассадил, и грудь. Колючая проволока... Здоровенный клубок. Хорошо еще, что с носа прыгнул. Кажется, винт запутался. Сейчас еще погляжу.

— Не надо! — вырвалось у Тамико.

Но Димка уже нырнул.

Так вот оно что-о! Проволока! Попались, значит. Без водолазов катер не вызволить. Жорка так ясно представил, как он приходит к Демьянычу, перепуганный и жалкий, будто нашкодивший щенок, что даже застонал сквозь зубы. Проволока! Черт бы ее побрал! Он глядел на воду, но не видел ее, а видел лицо разъяренного Демьяныча и со всей безнадежностью понимал, что нет теперь ему, Жорке, никакого оправдания. И прощения тоже нет.

И самое главное, самое ужасное, что орать на него, Жорку, станут при Тамико, потому что она будет в катере, ей, как Владьке и Димке, не удрать — плавать не умеет.

О-о-о!

И разве Демьянычу втолкуешь теперь, что катер не для баловства взят, а для Тамико.

Нет! Нет! Лучше уж помалкивать, а то Демьяныч и на нее наорет. А она-то при чем?

Все эти мысли носились, толкались в бедной Жоркиной голове, ему почудилось, что голова распухла, стала большая и теплая, как тыква на солнце.

А где Димка? Жорке показалось, что прошло уже сто лет. Димка! Он запутался там, в этой проволоке!

Жорка ошалелыми глазами взглянул на ребят. Владька судорожно стаскивал сандалии, а Тамико встала, с ужасом глядя на воду, и губы ее что-то шепчут.

Жорка вскочил. Он уже поставил ногу на скамью, собираясь сигануть за борт, но тут вода раздалась с шумным плеском и показалась Димкина родная, красная, самая луч-

шая на свете физиономия с выпученными глазами.

Еще не отдышавшись, Димка жестом показал, что дело плохо.

Потом подплыл к носу, передохнул малость и тяжело перевалился через борт.

На ноге его от лодыжки до колена багровели царапины и на груди тоже.

— Такой... вот такой, понимаешь... ком... тугой... винта не видно, — сказал он.

Ребята долго молчали. Говорить не хотелось. О чем тут толковать?

Потом Жорка вздохнул и тихо проговорил:

— Пошел я, ребята. За Демьянычем. Сдаваться пошел.

Владька сидел, опустив голову, ссутулившись. Он похож был на замерзшего нахохлившегося воробья.

А Тамико глядела на Жорку с такой жалостью и тоской, что ему хотелось зареветь.

Как же все это глупо, по-идиотски получилось! Да... не зря, видно, Демьяныч сопляками их обзывал.

Жорка снова вздохнул и стал медленно стаскивать штаны.

— Нет уж! Ты погоди за Демьянычем бежать, — сказал вдруг Димка, — ты уж, Жорка, погоди.

Все обернулись к Димке. Заметно было, что он здорово волнуется.

— Что ж это, ребята?! Небось, когда катер угоняли, смелые были, самостоятельные люди, а как приперло, сразу к Демьянычу? Надо чего-нибудь придумать.

— А что тут придумаешь? — вяло отозвался Владька.

— А то! Сперва к Олегу сбегает. Он поможет. А нет, так сами. У меня план есть, — твердо сказал Димка.

И Жорка как-то сразу ему поверил, ободрился и подтянулся.

ВОДОЛАЗЫ

— Везет же некоторым в жизни! Просто завидно. Это надо же — в настоящее кораблекрушение попасть!

Олег стоял в чистенькой, яркой гичке и улыбался во весь рот.

И такой он был уверенный, спокойный, сильный человек, что Жорка, и Владик, и Тамико, измученные ожиданием и сомнениями, тоже заулыбались, и жизнь сразу стала совсем другая, правильная жизнь — веселая и надежная.

На носу «Акулы» сидел сияющий, разрисованный зеленкой Димка, а рядом с ним лежа-

ли прекрасные, очень нужные вещи — маски для ныряния, трубки, ласты и пара кусачек.

— Ур-ра! — заорал Владька. — Чур, я первый! Я водолаз!

— Фиг тебе! Почему это ты первый? — возмутился Жорка.

— Тихо! Все вы здесь героические личности, — сказал Олег. — Но командовать буду я. Без меня в воду не лезть. Возражений нет?

Возражений не было.

— Какой только осел эту колючку утопил. Настоящий капкан, — сказал Олег и умолк. Он думал.

— Все из-за меня... Все из-за меня, — прошептала вдруг Тамико.

Все обернулись.

— Что-о? Так вот отчего ты сидишь как прибитая! А я-то думал, из-за шишки, — сказал Жорка, — думал, она у тебя болит.

И такое искреннее облегчение слышалось в его голосе, что Тамико только головой покачала:

— Глупый ты, Жорка. Какой же ты глупый человек, — сказала она.

И Жорка в ответ на эти слова засиял, как начищенный.

— Ну, вот что, — проговорил наконец Олег, — план, значит, такой: надо перекусывать проволоку поодаль от винта, чтоб не лезть в самую гущу. Потом, когда катер будет свободен, отгоним его на чистую воду и попробуем совсем винт освободить. Первым со мной пойдет... — Олег оглядел мгновенно напрягшихся мальчишек, — первым пойдет... Владька. Тихо, тихо — не бунтовать! Будете меняться. Но смотрите, от меня ни на шаг, работать рядом.

Они надели маски и сразу стали похожи на марсиан с одним овальным глазом во все лицо. Глаз-лицо! И трубка, как перископ. Медленно шевеля ластами, Олег и Владька поплыли к корме.

Владька нырнул и ужаснулся. Это просто жуть, что творилось под водой.

Сквозь маску все было отлично видно. Казалось, катер, как муха, попал в густую паутину и теперь из глубины, откуда-то с темного дна его подтягивает громадный мохнатый паук со стальными челюстями. Крак! И перекусит пополам.

Владькиному животу стало зябко.

Захотелось рвануться, бросить все это дело к шутам и удрать наверх, где все вокруг понятное, не страшное, где греет солнышко.

И тут Олег ткнул его кулаком в бок. Будто мысли прочитал.

Владька вздрогнул, хотел обидеться и вдруг почувствовал, что страх прошел.

Он с удовольствием проорал бы что-нибудь веселое, потому что очень уж здорово, когда страх из тебя уходит, уползает из того самого места, где он всегда прячется — под ложечкой. Но рот плотно залепил загубник, и орать никак было невозможно, а можно было только погудеть в трубку.

Владька погудел: у-у-у.

«Как домовый», — подумал он и совсем успокоился.

Олег сноровисто и быстро перекусил проволоку.

Владька тоже попробовал, и оказалось, что это не очень трудно.

Кусачки были привязаны к руке — зубастые, острые кусачки. Щелк! Проволока дергается вперед и долго еще покачивается, как стебель розы.

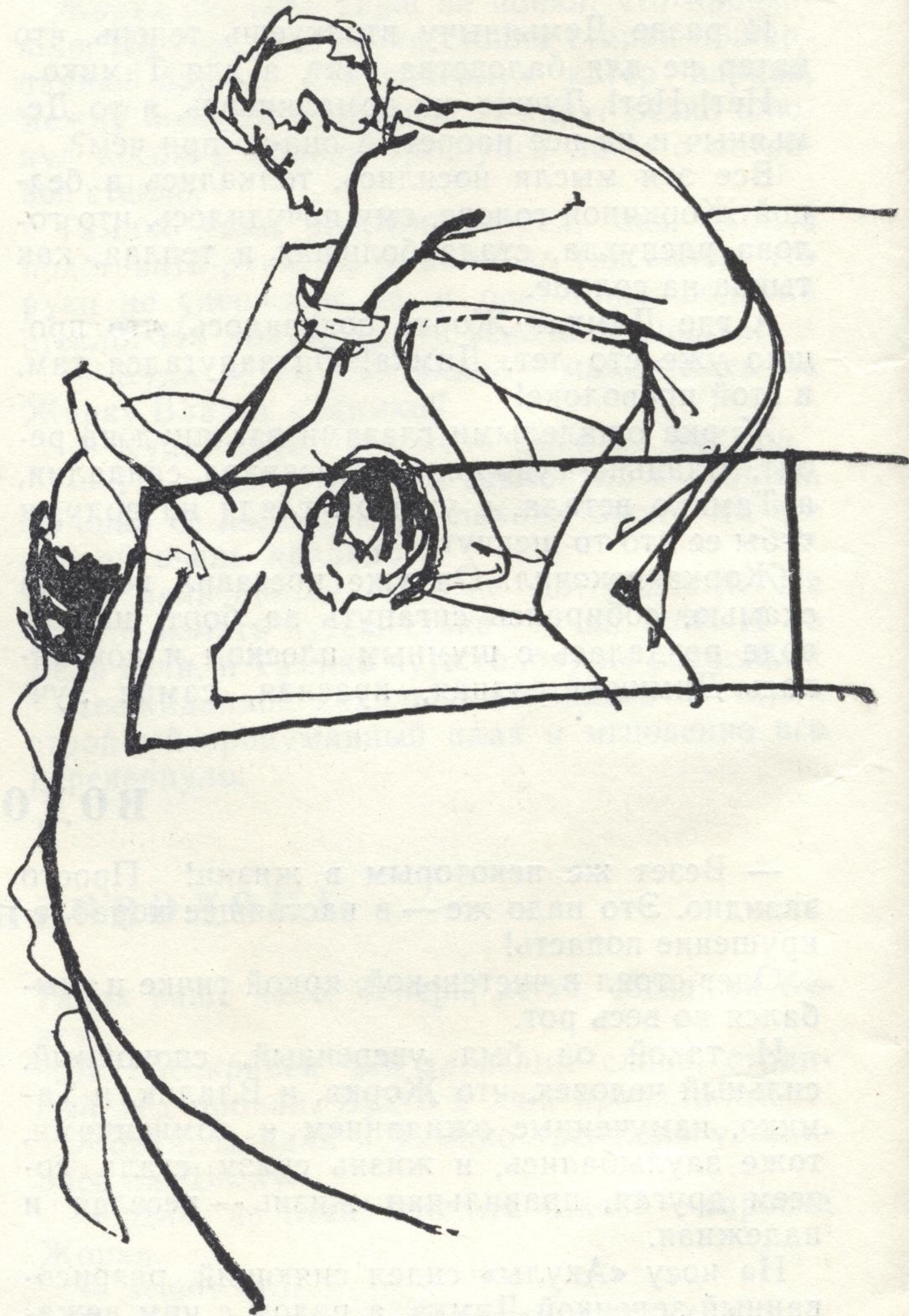
Владька увидел, как Олеговы руки сгибают перекушенную проволоку.

«Чтоб другие не напоролись», — сообразил Владька и тоже стал загибать.

Это оказалось посложнее, чем перекусывать. Он сразу же укололся, потом еще и еще.

«А вдруг руки нарываться станут? Как же я буду играть? — подумал он и перестал загибать, — сойдет и так».

Скоро Владька почувствовал, как кожу начинает стягивать, а нижняя челюсть противно дрожит — наверное, не будь во рту резино-

вого загуоника, зубы дробно заклацали бы, выбивая дробь.

«Простужусь еще в этой канаве, черт бы ее взял».

Кусачки глухо щелкали, но это уже не доставляло Владьке никакой радости.

«Удрать бы, — тоскливо подумал он, — погреться бы».

Он покосился на Олега, но тот не делал никаких знаков, работал себе.

Владька начал злиться.

«Ишь, шурует! Как машина! Нанялись мы, что ли? Я им не лошадь. Не хочу больше».

Он ударил ластами, проплыл вдоль борта и влез в катер.

— Устал, Владик? — спросила Тамико.

— А ты как думала? Расселись тут в тепле! Сама бы попробовала.

Тамико залилась румянцем и отвернулась.

— Давай сюда маску и кусачки! Все давай! — сказал Жорка и грубо сдернул ласт с Владькиной ноги.

— Ты чего? Чего ты? — пробормотал Владька.

— Того. Перетрудились ты больно. Можешь вообще уматывать с катера, если тебе тут не нравится.

Владька посмотрел в сердитые Жоркины глаза, оглянулся на хмурого Димку и промолчал.

...Жорку Олег прогнал из воды почти насильно.

— Иди, иди, — сказал он, вынув изо рта загубник, — ты уже синий, как чернила. Дай Димке потрудиться. Тут уж пустяки остались.

Жорка с Владькой отогревались на солнышке, а Тамико сидела напряженная, будто прислушивалась к чему-то — точь-в-точь настороженный жеребенок: ушки на макушке и в глазах тревога.

На палубу баржи снова выполз зловещий дед. Глаза его совсем заплыли, а на щеке четко отпечатались две пуговицы от подушки.

— Загораете? — снова заскрипел он. — До зимы вам здесь загорать.

Он говорил это с видимым удовольствием. Потом разглядел в воде Олега с Димкой.

— Ишь чего удумали! Гляди-кось, совсем ошалели, в воду лезут, — дед передернулся, — все едино вам здесь загорать...

Дед неожиданно поперхнулся и вытаращил глаза, потому что катер вдруг качнулся и медленно поплыл по течению.

Тамико вскочила, обняла Жорку.

— Чувствуешь, Жорик! Ты чувствуешь — плывем! Мы плывем!

Жорка заорал что-то непонятное и счастливое, и тотчас из воды высунулись головы Олега и Димки.

Они с двух сторон взяли за борта, забурлили ластами. Потом оба разом забрались в катер и сняли маски.

Олег долго молчал, устало опустив плечи. Потом сказал:

— Плохо дело, братцы. Винт не освободить. Там такой тугой клубок, что кусачки не берут.

Все рушилось. Жорка почувствовал, как кто-то ласково погладил его по плечу и, не оглядываясь, понял — Тамико.

Жорка изо всех сил стиснул зубы и сидел сбычившись, боясь поднять голову.

И снова выручил Димка. Мудрый, золотой человек Димка.

— В мостоотряд идти надо. Там помогут. Газорезчику винт освободить — раз плюнуть.

— Что же он, сюда придет? — насмешливо спросил Владька. — Ты скажешь.

— Зачем сюда? — спокойно ответил Димка. — Сами к нему придем. На «Акуле» катер отбуксируем.

— А потом он в воду ползет, твой резчик?

— А потом — суп с котом. Потом поглядим. Там уж ребята придумают. Они что хочешь придумают, — ответил Димка.

Он сказал это как-то по-особому — уверенно и гордо, так, что Жорке стало даже завидно. Очень здорово иметь друзей, которые могут придумать все что хочешь.

— Решено. Молодец, Димка, — сказал Олег.

БУРЛАКИ

Катер, такой легкий, невесомый раньше, катер, который носился, едва касаясь воды — только успевай выжимать газ, стал тяжелым и неповоротливым, как колода.

«Акула» тащила его рывками. Цепь провисала, и гичка легко-легко рвалась вперед.

Потом — дерг! Цепь натягивалась, и «Акула» прыгала назад, а катер, как черепаха, чуточку подавался вперед.

Олег греб двумя веслами, на другой паре — каждому по веслу, часто менялись мальчишки.

Когда выбрались на Неву — ох, и досталось же всем!

Владька сначала дул на горячие, багровые ладони, даже платок разорвал и обернул их — скрипачу мозоли ни к чему, скрипка — она штука деликатная.

Владька попробовал и филонить. Он только делал вид, что гребет — махал веслом вхолостую. Но лодку сразу стало разворачивать, Жорка догадался, в чем дело, и с таким бешенством взглянул на Владьку, что тот сразу навалился на свое весло. Он греб со злостью, рывками.

Все оказалось посложнее, потяжелее, чем тогда, на бону, когда он всех небрежно победил и гордый шел по белому помосту.

«Проклятое весло, проклятый катер, чтоб ему провалиться, — думал он, — ну ее к черту, эту затею. Придумали, идиоты, на свою шею. «Чтоб ветер, чтоб скорость». Покатались. Больно мне это надо. Все руки рассадил. Брошу сейчас грести, и все. Сейчас вот брошу».

И он бросил. И пересел на корму. Демонстративно.

Весло сразу подхватил Димка. И вышло, будто так и надо. Будто Димка просто подменил его. Никто ничего не заметил. Кроме Жорки.

«Вот ты, оказывается, какой, — подумал он, — вот ты какой, оказывается, гусь. Ну, погоди».

Течение подхватило катер, и «Акулу» поволокло вниз к мосту Лейтенанта Шмидта.

И все работали как сумасшедшие, аж спины трещали.

А Тамико, смешная девчонка, ладошками гребла. Перевесилась через борт и ну грести. Да еще с таким серьезным видом — помощница!

А когда добрались к левому берегу, к самому парапету, течение погасло. Жорка вдруг

подумал, что Тамико даже так, ладошками, грести было потруднее, чем им — веслами.

Она здорово побледнела, даже нос заострился.

— Самое трудное позади, — сказал он ей, — добрались. Ты нам здорово помогла. Только теперь не греби. Это когда течением сносило, можно было с одной стороны грести, а теперь прямо пойдём и ты отдохни. Потому что, если начнешь справа грести, гичка влево повернет, и наоборот.

— А мне с двух сторон никак, — растерянно сказала Тамико, — руки не достают.

— Ну и не надо. Сейчас уже нам не трудно. Ты лучше правь. Опусть руку с кормы и правь, чтоб нос не рыскал, — серьезно сказал Жорка и заметил, что Олег одобрительно кивнул.

Он все понимает, Олег. Да и Димка понимает, иначе они бы уж повеселились, услышав такой разговор.

А с этим гадом Владькой — все. Конец. Ишь, сидит, глазами тревожными хлопает. Не знает, видел я или нет. Димка-то, может, и не понял, в чем дело — решил: подменять пора. А меня не проведешь. — Жорка исподлобья взглянул на Владьку, тот старательно греб и глядел вниз. — Жалеет небось теперь, переживает. Только теперь поздно, миленький. Показал ты себя, когда приперло.

У Медного всадника Владьке пришла в голову гениальная идея. Очень уж ему не хотелось грести — все руки в волдырях и пальцы в кулак сжимаются. А грести еще ого-го сколько — жуть! Вот он и придумал.

Он даже не придумал, а вспомнил. Придумали-то это давным-давно. Бурлаки на Волге. А Владька вспомнил. И дело пошло куда быстрее.

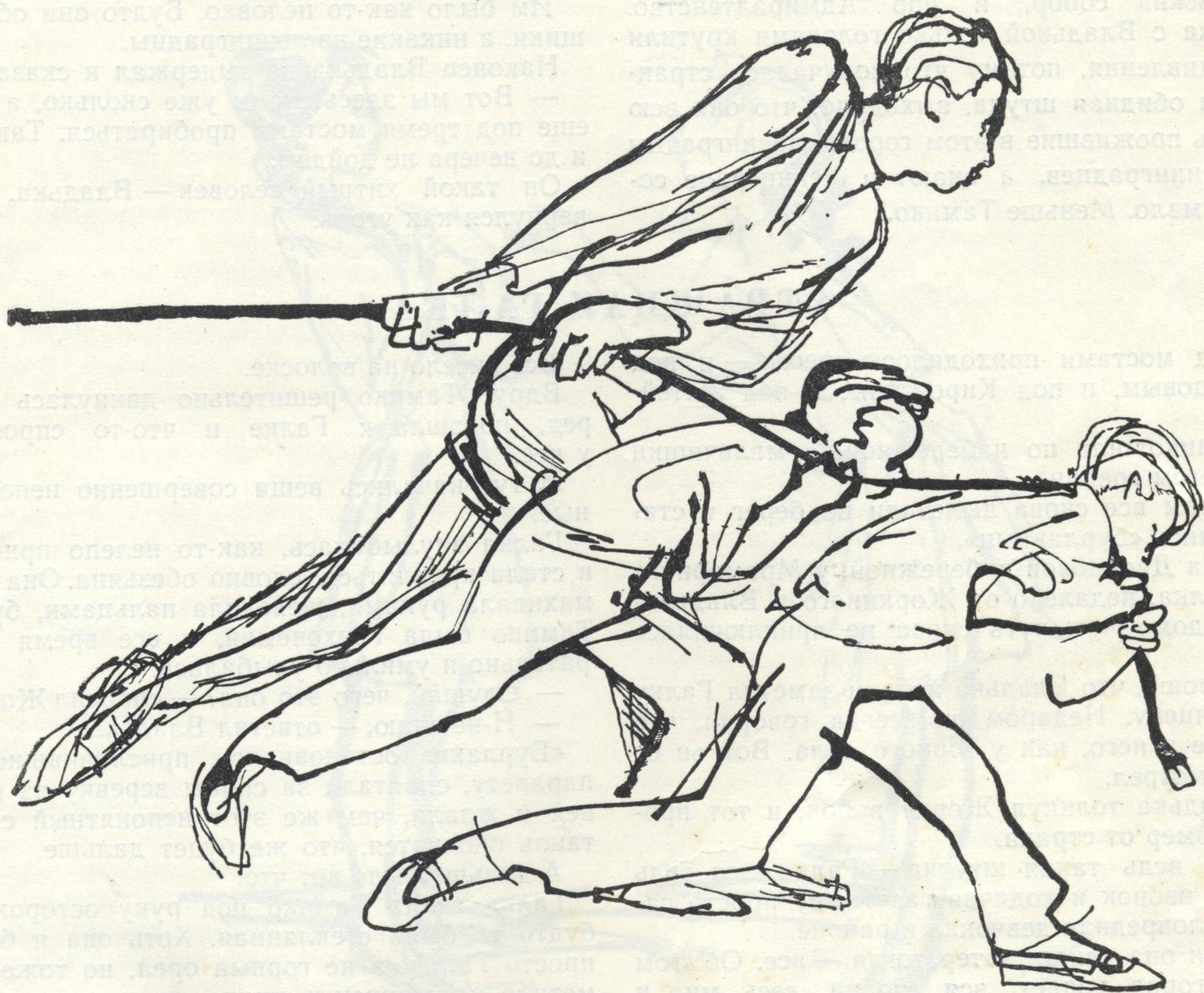
От парапета до воды расстояние не близкое — связали все ремни, прикрутили их к носовой цепи гички и готово дело!

Олег, Жорка и Владька впряглись в ремни и поволокли. А Димка сидел в «Акуле» и правил веслом, чтоб гичка и катер не шаркали о гранитную набережную, не обдирали бока.

Прохожие глазели на эту странную процессию и все говорили одно слово: «бурлаки».

Все говорили одно и то же, будто сговорились.

Только один маленький мальчик сказал: — Мама, гляди, этих дядей наказали?

— Нет, это бурлаки.

— Дураки?

Мама засмеялась, и Олег с мальчишками тоже. А потом Олег сказал:

— Этот мальчик оказался самым умным.

Но Тамико ничего этого не слышала. Она будто оглохла, будто забыла и про катер и про мальчишек.

Она, спотыкаясь, шла рядом с ними и все глазела, глазела своими глазами по сторонам, и они стали у нее еще больше.

Губы ее шевелились, будто она разговаривала сама с собой.

Жорка тревожно переглянулся с Олегом и спросил:

— Что с тобой, Тамико?

— Настоящий! Смотрите, он же настоящий! — шепотом ответила она.

— Кто?

— Да всадник же! Медный всадник.

Мальчишки даже остановились.

— Ну... ну и что же? А какой же он еще бывает? — спросил Владька.

— Всегда он бывает только на картинках, а теперь — вот.

Тамико провела по воздуху рукой, будто погладила что-то. Жорка с Владькой только плечами пожали. Эка невидаль — Медный всадник! Подумаешь! Тысячу раз они его видели. И на змею лазали. Все мальчишки на нее лазают. И некоторые девчонки тоже, которые пошустрее.

Вон она, змея, под копытом извивается. Конь темный и Петр I темный, а кончик змеиного хвоста горит на солнце, как золотой.

Это его ребята руками отполировали и штанами тоже. На конце хвоста очень удобно сидеть верхом.

А Тамико будто прорвало. Она заговорила быстро, торопливо. Она засыпала Олега вопросами. А тут еще Димка стал орать снизу, чтоб громче говорили, ему тоже охота было послушать.

Олег только отдувался. Он рассказывал все, что знал: и про Медного всадника, и про Иса-

акиевский собор, и про Адмиралтейство. Жорка с Владькой только головами крутили от удивления, потому что получалась странная и обидная штука, выходило, что они, всю жизнь прожившие в этом городе, ленинградцы из ленинградцев, а знают о Ленинграде совсем мало. Меньше Тамико.

СТРАШНАЯ ГАЛКА

Под мостами приходилось грести — и под Дворцовым, и под Кировским, и под Литейным.

Тамико шла по набережной, а мальчишки с Олегом гребли.

Потом все снова вылезали на берег и становились «бурлаками».

А на Дворцовой набережной, у Мраморного переулка, недалеко от Жоркиного и Владькиного дома чуть-чуть снова не приключилась беда.

Хорошо, что Владька издали заметил Галку Румянцеву. Недаром он всегда говорил, что зрение у него, как у горного орла. Вот он ее и высмотрел.

Владька толкнул Жорку в бок, и тот просто обмер от страха.

Это ведь такая штука — Галка, это ведь такой звонок и ходячая газета, ну просто самая зловредная девчонка в районе.

Если она увидит катер, тогда — все. Об этом весь город узнает, вся страна, весь мир и ближайшие окрестности вселенной.

Ого! Как она разлетится! Такая новость! Уж она-то знает, чей это катер. Галка все знает.

Сразу побежит сломя голову трезвонить. И уж, конечно, Демьянычу первому доложит.

И тут уж никуда не денешься. Тут уж уноси ноги — крику будет на всю Неву и шею на костыляет всем без разбору.

В общем, встреча с Галкой — это крах, позор и конец всему.

Все это скороговоркой, шепотом выложил Жорка, пока страшная Галка приближалась к ним своей противной семенящей походочкой.

Она всем в классе говорила, что ходит теперь как балерина — выворачивает носки врозь до невозможности и ставит ноги на одну линию. Она говорила, что так сейчас модно. Все в Париже только так ходят. Жалко было бедных парижан, потому что у Галки получалось не как у балерины, а как у Чарли Чаплина. Точь-в-точь.

Галка приближалась.

Им было как-то неловко. Будто они обманщики, а никакие не ленинградцы.

Наконец Владька не выдержал и сказал:

— Вот мы здесь стоим уже сколько, а нам еще под тремя мостами пробираться. Так мы и до вечера не дойдем.

Он такой хитрый человек — Владька. Вывернулся как угорь.

Все висело на волоске.

Вдруг Тамико решительно двинулась вперед, подошла к Галке и что-то спросила у нее.

И тут начались вещи совершенно непонятные.

Галка заулыбалась, как-то нелепо присела и стала кривляться, словно обезьяна. Она размахивала руками, шевелила пальцами, будто Тамико была глухонемая, и все время старательно и умильно улыбалась.

— Слушай, чего это она? — спросил Жорка.

— Н-не знаю, — ответил Владька.

«Бурлаки» остановились, прислонившись к парапету, спрятали за спины веревку из ремней и ждали, чем же этот непонятный спектакль окончится, что же будет дальше.

А дальше было вот что.

Галка взяла Тамико под руку осторожно, будто та была стеклянная. Хоть она и была просто Галка, а не горный орел, но тоже заметила мальчишек и, видно, не очень-то хотела с ними встречаться. Такая возможность даже в голову не приходила Жорке и Владьку, и потому они очень удивились.

Галка шла рядом с Тамико своей чарли-чаплинской походкой и просто страшно было глядеть, как она выворачивала свои ступни — они у нее вообще уже шли пятками вперед. Галка размахивала рукой и выкрикивала какие-то непонятные слова.

Тамико и Галка поравнялись с ребятами.

Глаза у Тамико были удивленные и немного испуганные.

— Здравствуй, Галя, — еле слышно пропели в один голос Жорка и Владька.

Но эта балаболка, эта мокрая курица вздернула нос, презрительно оглядела их с ног до головы и, не удостоив даже кивка, просеменила мимо.

— Франсе, франсе, — верещала она Тамико в самое ухо.

Ну, это уж было вообще ни на что не похоже.

Жорка рванулся было к ней, чтобы дать как следует по шее за такое неслыханное нахаль-

ство, но вовремя вспомнил про катер и остановился.

— Чучело гороховое, — только и прошипел он.

А Галка и Тамико завернули за угол и скрылись.

Олег перевесился через парапет и хохотал так, будто его щекотали, а Жорка с Владькой уставились друг на друга и обалдело хлопали ресницами.

— Да погоди ты хохотать, — рассердился Жорка, — что же теперь с Тамико будет? Она ее до смерти заговорит.

— Ой, не могу... Ой, мамочка... Здравствуй, Галя... ха-ха-ха! — Олег стонал от смеха.

— И чего хохочет. Прямо как конь, — проворчал Жорка.

А Олег все не мог уняться.

— Ну и Галка!.. Ну и развеселила!.. До слез, — сказал он, утирая глаза. — Придет Тамико... Сейчас придет.

И правда — через несколько минут из-за угла показалась Тамико. Она сконфуженно улыбалась.

— Что случилось? Что ты ей сказала? — набросились на нее мальчишки.

— Какая странная девочка, — задумчиво проговорила Тамико, — очень удивительная девочка... Я к ней подошла и спросила, как проехать на Каменный остров. Первое, что в голову пришло, лишь бы заговорить. Только я волновалась и нечаянно спросила по-грузински. А она вцепилась в меня и стала говорить что-то непонятное. Я только и разобрала: франсе и Париж. А я по-французски не умею. Я английский в школе учу. Я ей сказала, что я не из Парижа, а из города Кутаиси. А она тогда от меня, как от зачумленной, шарахнулась и убежала. Даже не попрощалась.

Ну уж тут и началось! Жорка с Владькой

повалились на парапет, в точности как недавно Олег, и просто животики надрывали.

Ничего не ведающий Димка, глядя на них,

тоже стал хохотать. Никак он не мог удержаться, невозможно это было. Тамико тоже засмеялась.

ЗОЛОТЫЕ КАДРЫ

Когда они причалили наконец к пирсу мостоотряда, первая смена уже кончала работу.

Привязали «Акулу» и катер; Олег поставил на пирс Тамико, вслед за нею выбрались остальные.

И первым, кого они увидели на территории мостоотряда, был... дядя Арон, оператор.

Он стоял, тощий и длинный, горбился под грузом разных своих диковинных длинношеих аппаратов и что-то кричал, кем-то командовал.

А командовал он крановщиком дядей Федей, чтоб тот побольше высунулся из своей застекленной будки и пошире улыбнулся.

— Да работать-то так нельзя! Я тут изви-ваюсь как змей, а до педалей не достать, — сердито кричал дядя Федя.

— Хорошо, хорошо! Отлично! Улыбайтесь, — не слушая, покрикивал дядя Арон, — да чего это вы криво улыбаетесь? Улыбайтесь прямо!

И он жужжал камерой.

Башенный кран медленно поворачивался, поблескивая на солнце стеклами будки.

— Еще... еще разок!

Дядя Арон отбегал, складывался как метр, почти ложился на землю и все жужжал, жужжал...

Наконец, дяде Феде все это надоело.

— Будет, — сказал он и стал спускаться.

Дядя Арон раскрыл было рот, хотел возмутиться, но не возмутился, а махнул рукой и подскочил к ребятам.

И тотчас же на мальчишек, на Тамико, на Олега обрушился ливень вопросов — коротких, точных и коварных.

Тут хочешь не хочешь, а расскажешь. Через несколько минут дядя Арон и дядя Федя знали все.

Один весело поглядывал из-за очков и так довольно потирал руки, будто узнал что-то очень приятное и замечательное, а другой хмурился.

— Это ведь с кем стоим? С малолетними преступниками стоим. И с ихними соучастниками, — дядя Федя взглянул на Олега, — накормить бы вас, паршивцев, березовой кашей!

Но голос у него был совсем не сердитый, а тоже вроде бы довольный.

Потом дядя Федя деловито сказал:

— Слышь-ка, Дмитрий, возьмите в ящике стропы и заводите их под катер. С носа и с кормы, а посередине наверху восьмеркой соедините. А я за газорезчиком пошел.

Стропами оказались стальные пятиметровые тросы с петлями на концах, а восьмеркой — кованый двойной крюк и вправду похожий на восьмерку.

Держа за петли, стропы утопили у носа и кормы катера и медленно завели под днище. Потом Олег и дядя Арон поднатужились и соединили их восьмеркой.

Дядя Арон стал деловит и молчалив. Он сбегал куда-то и притащил сложенные в несколько раз куски толя, сунул их между тросами и бортами.

— Чтоб краска не обдиралась, — пояснил он.

Владька попытался чем-то помочь, но Жорка остановил его.

— Отойди-ка ты лучше, — холодно сказал он.

Дядя Федя пришел со смешливым молодым парнем — газорезчиком. На лбу парня торчали, уставясь в небо, лупоглазые темные очки, а за спиной извивались по земле два резиновых шланга с газовой горелкой на конце — такой медной трубкой в форме буквы «Г».

Парень улыбался, и глаза у него были синие и добрые, как у теленка.

— Попались, значит? Запутались, значит, как бобики? Молодцы! Ну, Руслан выручит. Не бойсь. Руслан дело знает, — сказал он.

Тамико счастливо заулыбалась. И оттого, что этого парня с широким вздернутым носом звали шикарным именем Руслан, и вообще оттого, что ей было очень хорошо и все время хотелось улыбаться.

Видно, здесь не любили долгих разговоров, а привыкли дело делать. Быстро и ловко.

Дядя Федя полез в свою будку.

Стрела крана дернулась, мягко описала полукруг и замерла точно над катером. Потом раздалось частое стрекотание и крюк с коротким тросом на конце пошел вниз.

Вот он опустился почти на уровень бортов, и Димка ловко набросил петлю троса на восьмерку.

Димка выскочил на пирс, поднял вверх ладонь и крикнул:

— Вира!

Тросы туго натянулись, и вдруг тяжеленный катер легко, как игрушечный, оторвался от воды и повис, сияя блестящим красным брюхом.

Прозрачные крупные капли бесшумно шлепались с него в Неву.

— Золотые кадры... Это же золотые кадры, — бормотал дядя Арон и целился всеми своими аппаратами по очереди.

Катер плавно проплыл по воздуху, опустился на невысокий штабель бревен, и к нему вразвалочку подошел газорезчик. И мальчишки тоже, и Олег, и Тамико.

Только дядя Арон бегал в стороне и все целился.

Винта не было видно. Под кормой, будто ком рыжей шерсти, торчал тугой клубок проволоки.

Проволока намертво вцепилась в винт, срвалась с ним, и Жорка вдруг засомневался. Как-то не очень верилось, что этот невзрачный Руслан один сможет справиться с этим.

Но вот высунулся из горелки мохнатый оранжевый язык пламени, газорезчик повернул какие-то колесики, и огонь сразу стал голубым и жестким, а самый конец его совсем синим, острым и злым.

Горелка загудела.

Руслан опустил на глаза очки и медленно повел вздрагивающим огнем по проволоке.

И сейчас же ржавый клубок взорвался искрами и задымил.

Сколько они мучились с этой проклятой проволокой, какой она казалась сильной и цепкой!

А тут на глазах, под руками веселого и немножко смешного человека по имени Руслан, она податливо распадалась, как гнилой шпагат.

Вот уже матово засветился латунный винт, еще немного, еще... и все кончено.

Катер стоял освобожденный, стройный, готовый снова бежать по гладкой чистой воде.

— Ур-ра!!! — завопил Жорка и подпрыгнул, и заплясал, и все завопили тоже и стали обнимать Руслана, и хлопать его по плечам.

Только Владька стоял в стороне, опустив голову.

А Руслан погасил горелку и, как показалось Тамико, удивленно поморщился. Видно, Руслан не любил, когда вопят и обнимаются.

— Да ладно, будет вам. Ухожу я, — сказал он и пошел туда, где громоздились стальные фермы и дрожали над ними голубые сполохи электросварки.

А все глядели на его спину в брезентовой прожженной робе и молчали. И всем было не-

множко стыдно своих воплей и телячьего восторга.

— А ведь он настоящий Руслан, — сказала Тамико.

— Кто Руслан? Какой там Руслан? — закричал подбежавший дядя Арон. — Кадры! Какие кадры! Золотые кадры! На цветной пленочке! Днище красное, проволока рыжая, пламя синее и фон... какой фон!.. Надо бы повторить на всякий случай. Повторить нельзя? — спросил он у Олега.

— Нельзя. Такое не повторишь, — ответил Олег.

Катер снова проплыл по воздуху и опустился на воду у самого пирса.

* * *

Это был чудесный день. Самый долгий день в жизни.

Тамико вспомнила вдруг, что она больна, и удивилась. Она забыла об этом. Столько всякого приключилось, что она просто забыла.

Вот бы видела мама!

Тамико глядела на мальчишек, привязывающих катер, и жалела, что этот день кончается.

Но впереди было еще одно приключение.

С крана спустился дядя Федя. Он подождал, пока все соберутся, и сказал дяде Арону:

— Вы хотели сверху снять? Так надо торопиться, солнце заходит. Девочка, пойдём с нами! Покажем тебе Питер с птичьего полета.

Он поглядел на мальчишек и усмехнулся. Видно было, как они мучаются. Просто на лицах написано.

Не было бы Тамико, можно было бы и поупрашивать, поканючить: одних берут, а других нет. Но тут... Мальчишки страдали молча. И дядя Федя оценил это.

— Ладно, чертенята, шут с вами. Лезьте. Только, — голос у дяди Феди стал свирепым, — если что-нибудь тронете, вниз головой сброшу. Без жалости.

Дядя Федя взглянул на Олега.

— Не знаю только, как поместимся.

— Я в катере подожду, я высоты страсть как боюсь, — сказал Олег.

— И я с тобой. Я уже был там, в башне, — сказал Димка.

— Молодец, Дмитрий. Пошли.

Дядя Федя повернулся к Тамико и вдруг увидел, что она стоит очень грустная. Радости в ее глазах не было.

Дядя Федя остановился, и лицо у него сделалось совсем не суровым, а растерянным, даже немного испуганным.

— Ну, маленькая? Чего-нибудь я не так сказал? Или ты не хочешь наверх? — спросил он.

— Я очень, очень, очень хочу. Только... Я не смогу. Дядя Федя секунду соображал, потом облегченно вздохнул.

— Фу ты, напугала... Очень даже сможешь. И не заметишь, как наверху будешь. Погляди, какая шея, — он похлопал себя по загорелому могучему затылку, — только держись покрепче.

Наверху было жутковато и прекрасно. Говорить не хотелось. Было тихо-тихо: слышно, как посвистывает ветер да жужжит кинокамера дяди Арона.

Садилось солнце, и окна домов багряно полыхали. Будто полгорода охвачено пожаром. Это был закатный пожар — тихий и не страшный.

Владька наклонился к Жорке. Жорка никогда еще не видел его таким: напряженный, сжавшийся в кулак, а глаза печальные и замученные.

— Жорка, ты не скажешь Тамико? — прошептал он. — И Димке, Олегу? Жорка... Я никогда... никогда больше... Лучше помереть...

Он поглядел Жорке прямо в глаза и добавил:

— Честное ленинское! Под салютом!

Жорка не стал много разговаривать. Он только улыбнулся чуть заметно и буркнул:

— Посмотрим.

Тамико обняла Жорку и Владьку за плечи и глядела вниз.

А внизу, насколько хватало взгляда, раскинулся громадный город, такой громадный, что и представить себе трудно, где он кончается.

Потому что края его растворялись в вечернем тумане, и там, где уже ничего не было видно, угадывались новые кварталы, новые улицы, и казалось, нет городу ни конца ни краю.

Башня медленно поворачивалась, и город поворачивался тоже, рассеченный широченной, матово поблескивающей Невой.

— К батьке твоему вместе пойдем, к Демьянычу. А то еще отлупит не разобравшись, — сказал дядя Федя Жорке. — Я с ним потолкую.

— Все будет хорошо, все будет отлично. Я тоже пойду, — пробормотал дядя Арон, не отрываясь от кинокамеры.

Тамико глядела вниз.

Дома стояли плотно, плечо к плечу. Разные — высокие и низкие, старые и новые. И в каждом десятки окон. И за каждым окошком кто-то живет. Такие же люди, как дядя Федя, Владька или Жорка. А если так, то в этом городе живут одни хорошие люди.

«Ведь мы случайно встретились, — думала Тамико, — я ведь не выбирала их — чтобы лучше, а вот они какие все оказались. Значит, и другие тоже такие».

От этой мысли щеки у Тамико стали горячие, а руки сильные и теплые.

Мир был надежный и добрый.

Конец

ОГОНЬ

И. Войтенко

— Небо 13, небо 13! Я — небо! Слушай меня.

— Небо 13 слушает!

— Небо 13! Немедленно три ракеты «Облако»! Головная трубка 8, азимут 240. Угол места 65°.

— Небо! Вас понял! Туча уже наползает на виноградники!

В штабе, разместившемся в маленьком вагончике на колесах, все было готово к бою: материал с радиолокатора обработан, траектории полета ракет рассчитаны. Теперь каждая секунда промедления была опасной. Но ни один генерал не знал об этой подготовке. И штаб был вовсе не военный.

Таких штабов по борьбе с градом в Советском Союзе пока только два: один на Кавказе, другой здесь, в Молдавии. Град приносит огромные убытки нашему хозяйству, бороться с ним до сих пор было невозможно.

В тесной комнатке, уставленной приборами, по-прежнему ждали. И вот по радио вновь зазвучал голос:

— Небо! Я — небо 13! К пуску готов!

— Небо 13! Произвести пуск!

В ту же секунду далеко от штаба с вершины горы сорвались три ракеты, оставляя огненные следы. Они быстро набрали высоту и врезались в черную тучу. Никто не слышал взрыва, никто не видел, что произошло в тучах. Из тучи на красных парашютах опустились подгоревшие тела ракет. И все! Но в этот день на охраняемой штабом территории не выпал град. Прошел лишь мелкий дождь. А крупный град, который обещали синоптики, так и не выпал.

ТРЕБУЮТСЯ ГРАДОБОИ

Испокон веков град был бедствием для южных районов. Порой он полностью уничтожал посева, сады и виноградники, обре-

ПО ОБЛАКАМ

кая целые селения на голод. Скорбно звонили колокола церквей, но и бог не помогал.

В маленьком молдавском селении мне показали почти истлевшую гравюру. Изображена группа молдавских стрелков, жилы луков туго натянуты, стрелы нацелены в тучи...

Горцы Кавказа стреляли по тучам ядрами из самых дальнотбойных пушек, наивно пытаясь разогнать градоопасные облака. Но ничто, никакие силы не могли предотвратить град.

И в наши дни: весной, летом, осенью град уничтожает урожай сотен гектаров. Это происходит каждый год. К этому привыкли.

Вот почему остолбенели люди, когда три года назад прочли объявление в молдавском поселке Корнешты:

— Противогодовой экспедиции требуются техники.

Казалось, написал эти слова шутник. Но «шутников» было много. Они приехали из Москвы, из института со странным названием ЦАО.

В два дня на окраине поселка натянули паутину радиотенн, как грибы, выросли палатки. Научные руководители

экспедиции Иван Иванович Грайворонский и Юрий Петрович Серегин сутками пропадали в горах, подбирая места для ракетных установок. На центральной базу в это время при-

бывали длинные ящики с двухметровыми ракетами «Облако», отечественные снаряды для борьбы с градом. Ребят соседних деревень стали обучать новой специальности—градобоев.

ЧТО ТАКОЕ ГРАД. РАССКАЗЫВАЕТ МЕТЕОРОЛОГ МОЛДАВСКОЙ ПРОТИВОГРАДОВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ЛЕГОНЬКИЙ

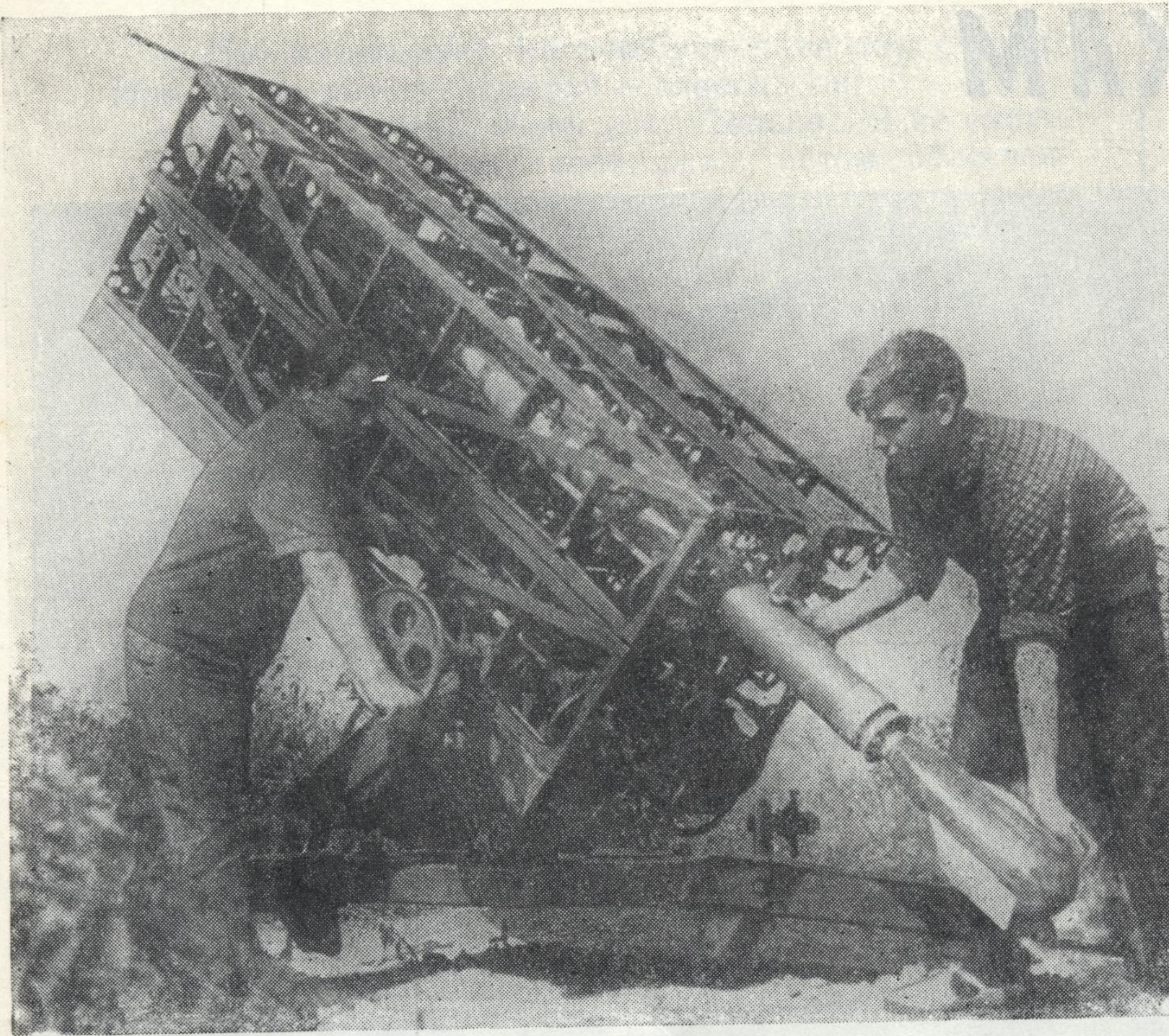
Град выпадает из туч. Это всем ясно. Тучи и облака — одно и то же. Порой они, словно лебеди, проплывают по небу, порой рассыпаются по нему перьями, образуют большие грозовые фронты. И если бы в это время человек мог проникнуть взглядом в глубь туч, — его поразила бы мощь природы. Ведь сверкающие молнии

не что иное, как электрические разряды гигантской силы.

Там, в облаках, прокладывают себе путь мощнейшие воздушные потоки, способные швырять большие самолеты в небо или камнем кидать их к земле. Там, в облаках, образуются дождь и град.

Часто толщина облаков — три, пять километров, а то и

все десять. И разница температур велика: наверху 30° холода, а внизу хоть загорай. Эти облака переохлажденные: их «верх» начинен микроскопическими ледяными кристалликами, а «низ» состоит из мельчайших капелек. В одном кубическом километре таких облаков — 1000 тонн воды, целый железнодорожный состав.

И частенько над какой-нибудь местностью висит синее Чудское озеро!

Но почему же дождь и град выпадают не на всем пути следования облаков?

Да эти капельки и ледяные кристаллики микроскопически малы. Такая капелька из-за своей легкости с высоты одного километра будет падать

2300 часов, почти 4 месяца. И то, если нет восходящих воздушных потоков. Чтобы капелька долетела до земли, она должна по пути присоединить к себе несколько миллионов сестренок.

Даже в этом случае она не всегда упадет на землю — может и испариться.

ВМЕСТО ИНТЕРВЬЮ

В экспедиции мне сказали: «Лучше всего о ракетах вам расскажет старший техник Михаил Михайлович Малашенко. Он их разрабатывал, испытывал на полигоне и отрабатывал на Кавказской станции».

Михаилом Михайловичем оказался худощавый человек лет двадцати семи. Это он в первый день моего приезда обещал пойти со мной в горы за грецкими орехами.

А теперь он вдруг рассмеялся и пожал плечами. В горы

мы можем сходить. А с интервью ничего не выйдет. Я их никогда не давал. Смотри лучше на это.

Миша снял с телетайпа только что полученный из Центра лист бумаги, испещренный сотнями линий и стрелок.

— Это метеокарта. Самая подробная. Вот здесь сейчас идет дождь, а на Чукотке жара невыносимая. Эта жирная линия у берегов Кубы — мощный циклон. Каждая черточка

Кристаллики льда падают с большей высоты. Соединяясь друг с другом, они образуют град. Маленькие градины в теплых слоях атмосферы тают и выпадают на землю в виде дождя. Так что зачастую, когда идет дождь — можно смело говорить: «Град посыпал!»

Крупный град не успевает таять. Эти крепкие ледяные комочки, летящие со скоростью 20-30 метров в секунду, срезают, как бритвой, ветки кустов и плоды фруктовых деревьев.

В одном из немецких городов град пробил черепичную крышу дома. Когда одну градину положили на весы, стрелка показала 2,5 кг. В Китае выпадали градины до 4,5 кг, а в Индии на лесозаготовках куском льда убило взрослого слона. Это, конечно, редкие случаи. Но крупный град на юге нашей страны бывает ежегодно. А в Алазанской долине на Кавказе он выпадает порой не меньше ста раз за лето. Град идет мощной полосой. Горе человеку или животному, попавшему в полосу. И все-таки человек может спрятаться. А сады и виноградники укрыть нечем. Спасти их от градобития — значит, сэкономить государству миллионы рублей. Этим и занимаются градобои.

много рассказывает метеорологу.

Я незаметно нажал кнопку своего диктофона и записал наш разговор. Вместо интервью получилось вот что.

Миша: А в Италии, видишь, вот здесь, сейчас наверняка идет град.

Я: Миша, каким же образом ракета «Облако» защищает от града?

Миша: Чтобы ты все понял, нужно коснуться истории. Еще в древности пытливые люди за-

метили, что после крупных битв выпадают дожди.

«И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный
вой!»

Помнишь, это Лермонтов о Бородинском бое писал. Битва началась при чистом небе, а закончилась в дождь. Дождь шел и после знаменитого сражения при Ватерлоо.

— Не воздействуют ли на облака звуковые волны? — задумались ученые.

В конце XIX века в штате Техас американские специалисты подняли на змеях в облака массу динамита. Взорвали его там. Вслед за этим в небо взвились гигантские шары, наполненные водородом. Взрыв был таким мощным, что перепугал жителей округа. Однако результаты опыта разочаровали ученых: дождь не пошел.

Подобным методом пытались вызвать дождь и в Австралии, где от засухи порой гибнет половина скота. Зря ухлопали взрывчатку — с неба не упало ни капли.

— Значит, дожди после крупных сражений — случайное явление и пушки здесь ни при чем?

— Не совсем. В лабораторных камерах удалось вызвать осадки ультразвуком. Но чтобы пошел дождь из настоящих облаков, нужно иметь большой и мощный источник ультразвука. Его пока нет.

Ученые не отчаивались. Изучая облака, они входили в них на аэростатах и самолетах, одни гибли, другие терпели крушения, но снова лезли вверх.

Научных руководителей нашей экспедиции Грайворонского и Серегина никогда не на-

градят значком «Отличный пилот» или «Отличный штурман», но они пробыли в воздушных лабораториях не меньше опытных летчиков. Нарушая инструкции, они летели в пургу, входили в грозовые тучи. Но только так можно было познать облака.

Теперь ясно, что, сжигая в облаках некоторые вещества, можно вызвать дождь и разрушить грозовое облако. Как это происходит?

При сгорании иодистого серебра образуются мириады микроскопических зернышек. Попадая в градоопасное облако, они начинают быстро обрастать ледяными кристалликами. Чем больше этих зернышек — тем лучше. Градины не успеют вырасти до больших размеров и выпадут на землю крупной (мягкие градины) или дождем. «Доставлять» в облака необ-

ходимые вещества самолетом невыгодно. Только ракета делает это быстро и точно.

— Миша, а можно сбить самолет ракетой «Облако»?

— Можно, но это исключено. Карты погоды мы получаем круглые сутки. Кстати, каждый день на земном шаре гремят 40 тысяч гроз. Так что, в случае опасного фронта, моментально просим у авиации чистое небо. Никак нельзя опоздать с выстрелом — минута промедления — и град не остановить никакими силами.

Сейчас Молдавская противорадовая экспедиция защищает 100000 га виноградников и плантаций. Жители Корнешт забыли о граде. Скоро о нем забудут и жители других районов, потому что все чаще на вершинах гор будут звучать команды:

— Огонь по облакам!

Братья

РАССКАЗ

Спросите любого школьника в Баку, кто такой Байрам Гасанов? Учитель, — ответит один, писатель, — скажет другой. Может быть, речь идет о разных людях? Нет, об одном и том же человеке.

Байрам Гасанов родился уже в советском Азербайджане. Здесь он вырос, окончил педагогический институт и стал учителем. Он долго работал в школе, хорошо узнал и очень полюбил ребят, — вот почему он стал писать о них и для них. Опыт преподавателя помог Гасанову стать писателем.

Книги для детей «Путешествие отменяется», «Первый снег», «Теленок» написаны и изданы на родном языке Байрама Гасанова. Недавно писатель подготовил книгу рассказов для издания на русском языке. Один из рассказов «Братья», в переводе самого автора, вы можете прочесть на страницах «Костра».

Байрам Гасанов

Рисунки Н. Петровой

В этот раз Эльхан канителился не долго. Приготовил уроки и сразу лег. На дворе бушевала метель. Ветер бился в окна, стекла звенели и дребезжали. Эльхану не спалось.

Он то и дело ворочался в постели. Эльхан привык коротать вечера со своим братом Раджабом и теперь — один — скучал и томился. В прошлое воскресенье Раджаба с чемода-

ном, набитым гостинцами, отправили в деревню Фатмали. Мать сказала: на все зимние каникулы.

Эльхан поднялся с постели, заглянул в соседнюю комнату. Мать, одетая, спала на диване. Эльхан тихо, на цыпочках принес одеяло и осторожно укрыл ее. Потом залпом выпил стакан воды и вернулся в свою комнату.

Странно, что отца до сих пор нет, — это тревожило Эльхана. Ведь утром, уезжая в район, отец обещал вернуться к вечеру.

Эльхан снова улегся в постель, пригрелся и уснул. Разбудил его голос матери. Дверь между комнатами была приоткрыта, и Эльхан явно слышал:

— Послушай, ай, Гасым, что это ты купил?

— Пальто. Эльхану, — ответил отец.

— Вот хорошо... А почему ты не привез Раджаба? Ведь завтра уже занятия.

— Гюльназ, я прошу тебя, не говори больше об этом. Алекпер сам потребовал его приезда. Я кормил и поил его с двух лет. Теперь пусть родной дядя заботится, брат его отца.

— Не говори... не говори так! Сердце у меня перевсрачивается, ведь я мать. Если исчезнет он с глаз моих, я заболею, зачахну...

— Эх, снова пошла-поехала...

— Ах, как мне быть, что мне бедной делать?! Твоего сына младенцем я на руках носила. Он так и не знает, что его мать умерла. А мое родное дитя ты отрываешь от меня. С тех пор как Раджаб говорить начал, он называет тебя отцом, Эльхана — братом. Так неужели ты хочешь теперь, чтоб он мыкался по чужим домам?..

— Хватит, Гюльназ! Почему ты так говоришь? К чему затягиваешь разговор? Что значит — по чужим домам? Это дом его родного дяди!

В первое мгновение Эльхан очень обрадовался новому пальто и чуть было не вскочил, но то, что он услышал потом, словно пригвоздило его к постели. Он не верил своим ушам. Как? Значит мать его умерла? А у Раджаба совсем другой отец?.. Глаза Эльхана застлали слезы, рыдания душили его. Нет, это неправда. Никогда, ни разу в жизни он не почувствовал, что мать его — не родная мать. Никогда, ни разу в жизни она ничем не обидела его. И сейчас ее горе стало горем Эльхана. Нет, не может быть, что он никогда больше не увидит своего брата! Эльхан уткнулся в подушку и дал волю слезам.

Когда Эльхан снова проснулся, было уже светло. Мать, стоя у изголовья, как всегда ласково, будила его:

— Вставай, сынок, хватит спать, в школу опоздаешь.

Протирая сонные глаза, Эльхан сел. Мать погладила упавшие ему на лоб черные курчавые волосы:

— Сыночек, отец купил тебе новое пальто. Вставай скорей, надень, посмотрим, как оно на тебе.

Эльхан замер. Значит, то, что он услышал вчера, не сон? Снова подступили слезы. Не поднимая глаз, он начал одеваться.

Гюльназ поцеловала его.

— Поторапливайся, свет очей моих.

Когда Эльхан оделся, отец уже ушел на работу. Эльхан сел за стол.

— Сыночек, — спросила мать, — что же ты не посмотришь на свое пальто?

— Потом посмотрю, — равнодушно ответил Эльхан.

Гюльназ сама открыла шкаф, вынула пальто, надела на мальчика. Эльхан даже не взглянул в зеркало.

— Дитя мое, — с тревогой спросила мать, — уж не заболел ли ты?

— Нет, мама, не заболел, — сказал Эльхан и быстро вышел из комнаты.

Весь долгий день в классе Эльхан был грустен и молчалив. На переменах сиднем сидел на своей парте, положив голову на руки и закрыв глаза. Сидел и думал.

Когда Эльхан вернулся из школы, Гюльназ всплеснула руками: мальчик весь был запорошен снегом.

— Да перейдут на меня все твои недуги. Не замерз ли ты?

Она стащила с Эльхана пальто, ушанку:

— Иди скорей на кухню, согрейся.

И правда, замерз. Эльхан молча прошел на кухню. Мать быстро согрела чаю. Эльхан выпил чай и сказал матери:

— Мама, я пойду к Рашиду.

Эльхан решил отправиться за Раджабом в деревню Фатмали.

Когда учитель сегодня спросил, почему Раджаба нет в школе, Эльхан смутился, оторопел, не знал, что сказать.

И теперь он побежал к своему другу Рашиду, чтобы позвать его с собой. Однако на полпути Эльхан вспомнил, что Рашиду сегодня нездоровилось, и вернулся назад.

Дома уже никого не было. На клочке бумаги он написал несколько слов, положил записку в карман старого отцовского пиджака, висевшего на стене, и не мешкая пустился в дорогу.

...Пока Эльхан поднимался на склон Гэрез-Дага, он совсем окоченел. Чем выше он взбирался, тем пронзительнее дул ветер, леденя спину. У мальчика зуб на зуб не попадал.

Перевалив наконец через гору, он пересек

шоссе и по склону, поросшему густым лесом, начал спускаться в долину. Теперь он был за ветром, ноги сами несли его вниз, и, достигнув долины, Эльхан совсем согрелся.

Река, уже покрытая льдом, сверху была припорошена снегом. Эльхан перебрался через реку и поднялся на холм. С холма за лесом он увидел деревню Баллу-кенд. Оттуда доносился лай собак. А дальше, насколько хватало глаз, тянулась белая равнина.

Начинало смеркаться.

Не успел Гасым-киши войти в дом, как встревоженная Гюльназ кинулась к мужу:

— Эльхан не вернулся домой. В полдень ушел из дому, сказал — к Рашиду. А Рашид только что был у нас, говорит, Эльхан и не приходил... В такой холод!.. Изнобило его...

Гасым-киши застегнул пальто и — за дверь. Не было дома, куда не постучался бы он, не было человека, у которого не спросил бы о сыне. Ходил до тех пор, пока из сил не выбился. Но никто ничего не знал. Растерянный, убитый он вернулся домой. Скинул пальто, набросил на плечи старый пиджак. Машинально сунул руки в карманы, машинально нащупал какую-то бумажку. Достал. Записка! От Эльхана. Прочел раз, другой. Лицо его по-

белело, на лбу выступил пот. Он протянул записку жене.

Гюльназ выхватила письмо и громко прочла:

«Я иду в Фатмали, чтобы привести домой своего брата».

— Эльхан не пограл моих трудов, — проговорила Гюльназ и глаза ее заблестели.

Что ответит Гасым? Осчастливит ее материнское сердце или тисками сожмет его?

Гасым молча поднялся, снова оделся и открыл дверь.

— Ну, я пошел.

В дом ворвался сильный студёный ветер...

Уже давно в стороне осталась деревня Баллу-кенд, когда Эльхан услышал позади конский топот. Он вздрогнул и обернулся. Неужели отец? Нет, кто-то чужой. В черной бурке и папахе. Поравнявшись с Эльханом, всадник придержал коня. Конь не хотел стоять на месте, бил копытами, грыз удила. Хозяин, натянув поводья, нагнулся к Эльхану:

— Эй, малыш, куда ты идешь в такой мороз?

От холода губы не слушались Эльхана, он едва выговорил:

— В Фат-мали...

— О чем ты говоришь? Кто же в такую пору идет в Фатмали! Хищники растерзают тебя, и кусочка не останется. А ну-ка, забирайся скорей на коня. Завтра наша колхозная машина повезет туда молоко. Сядешь рядом с шофером и доедешь.

Эльхан молчал. Опустил голову и молчал. Всадник рассердился:

— Ну, скорей, поторапливайся! Мороз и меня пробрал. Давай руку!

Дело шло к ночи. Волей-неволей пришлось согласиться.

В дороге всадник не донимал Эльхана расспросами. Спросил лишь, чей он сын и из какой деревни. Эльхан нехотя ответил. Наконец доскакали до какой-то фермы. Вошли в дом.

— Я сейчас вернусь, — сказал хозяин, — коров надо проведать...

В печи трещали дрова. Эльхан устал, от тепла его разморило. Как был, в пальто, он рухнул на низкий диван и сразу провалился в сон.

Он не проснулся, когда хозяин, вернувшись, раздел его и укутал теплым одеялом.

Грузовик перевалил невысокий холм и бежал по извилистому шоссе посреди бескрайней равнины.

Устремив взгляд вдаль, Эльхан задумался. Он видел мать, отца, брата... Вот они возвращаются домой, мать обнимает Раджаба и улыбается ему. В дверях показывается отец. Он тоже обнимает всех и целует. А потом семья, как всегда, садится за стол пить чай..

Машина резко затормозила, и Эльхан очнулся.

— Ну, племянничек, доехали, — сказал шофер, — выходи.

Фатмали! Эльхан спрыгнул на землю. Грузовик укатил. Эльхан даже не успел поблагодарить шофера, не успел спасибо сказать.

Мимо по улице шла женщина.

— Ай, хала, — спросил Эльхан, — где живет Алекпер-ами?¹

Женщина остановилась.

— Вон белый дом, — показала она. — Но смотри, у них во дворе злая собака... Пока не докричишься кого-нибудь, не входи!

Через калитку Эльхан заглянул во двор. Никого. Засунув руки в карман, Эльхан совсем съежился. Мороз огнем жег щеки.

— Раджаб! — громко крикнул Эльхан.

Дверь отворилась. На балкон вышла пожилая женщина.

— Кого ты зовешь, сын мой?

— Раджаба.

— Иди в дом, дитя мое, — поправляя на голове шерстяную шаль, сказала женщина. — Я сейчас приведу Раджаба, он у соседей.

Эльхан поднялся на крыльцо и вошел в дом. В комнате никого не было. Он сел перед печкой. Сердце его билось, как птица в силке... Вскоре за дверью раздались быстрые шаги. Раджаб вбежал в комнату и бросился брату на шею.

— Эльхан, с кем ты пришел?

В это время во дворе раздался конский топот.

Вошел Гасым-киши... Увидя обнявшихся братьев, он застыл на пороге. Только теперь он понял, что разлучить братьев невозможно.

¹ Хала — тетя, ами — дядя.

ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В БЕДЕ

Это случилось во время войны. В госпитале, в далеком тылу, в Мордовии лежал раненый мальчик. Мальчику пришлось отрезать ногу, и он не мог пережить своего горя. Он лежал целыми днями отвернувшись к стене, ни с кем не разговаривал, отказывался есть. Ни соседи по палате, ни местные ребята, приходившие в госпиталь, не могли отвлечь его от тяжелых мыслей. И вот однажды...

К корпусам бывшей лесной школы, где теперь помещался госпиталь, на небольшом челноке приплыл странный старик. Он остановился прямо против окон детской палаты. И, закурив трубочку, поманил кого-то пальцем.

«Через некоторое время в раскрытую форточку высунулась девчонка...

— Вам кого, дедушка?

— Того, кто не боится ничего.

Девчонка исчезла, как белка, нырнувшая обратно в дупло. В палате пошел легкий говор. Вскоре в форточку высунулся мальчишка с забинтованной головой.

— Нет, правда, вы, дедушка, за кем-нибудь приехали?

— За тем, кому себя не жалко.

И мальчишка нырнул обратно, а на его место опять любопытная девчонка:

— А что, вы можете так завести, что и не вернешься?

— Могу, — сказал старик.

Ребятам в палате стало еще любопытней и страшней. И это любопытство так всех разожгло, что дошло и до самого безучастного. Безногий мальчишка вдруг повернулся от стены к окну. Потом, опираясь о спинки кроватей — он презирал привезенные ему костыли — медленно добрался до окошка и тоже взглянул на странного старика, сидевшего в челноке с загнутыми краями.

— Вы за мной?

— За тобой! — поманил его старик и, вынув изо рта трубку, радостно улыбнулся...

Вскоре «таинственный челн бесшумно скользнул по залитой водой канаве и, раздвинув кусты, исчез за деревьями».

История о том, как человек с добрым сердцем сказочника — дедушка Аким — помог безногую мальчишке вернуться к жизни, помог найти настоящих товарищей, рассказана в повести Никула Эркай «Новая родня».

Но не только эту удивительную историю узнают те, кто прочтет книгу Никула Эркай.

Они познакомятся еще с двумя неразлучными друзьями — Микой и Юкой, которые все собирались бежать на фронт, да так и не собрались — то важные дела находились, то приходила беда, то требовалась кому-то срочная помощь... Вот побег все и откладывался.

Познакомятся с маленькой девочкой, контуженной во время бомбежки и потерявшей своих родителей — Галочкой-ленинградочкой, как звали ее в мордовском селе.

Познакомятся с умной и доброй женщиной — Микиной матерью Марфой, которая, не колеблясь, усыновила Галочку и маленького Панаса.

«Ой, милые, — говорит она, — да разве родня только по крови да по фамилии? По мне тот родня, кто меня любит!»

Очень много горя принесла людям война. Такого горя, что и не справиться бы с ним человеку в одиночку, без помощи друзей. Не справиться бы, если бы не существовало на земле человечности, доброты, готовности к самопожертвованию.

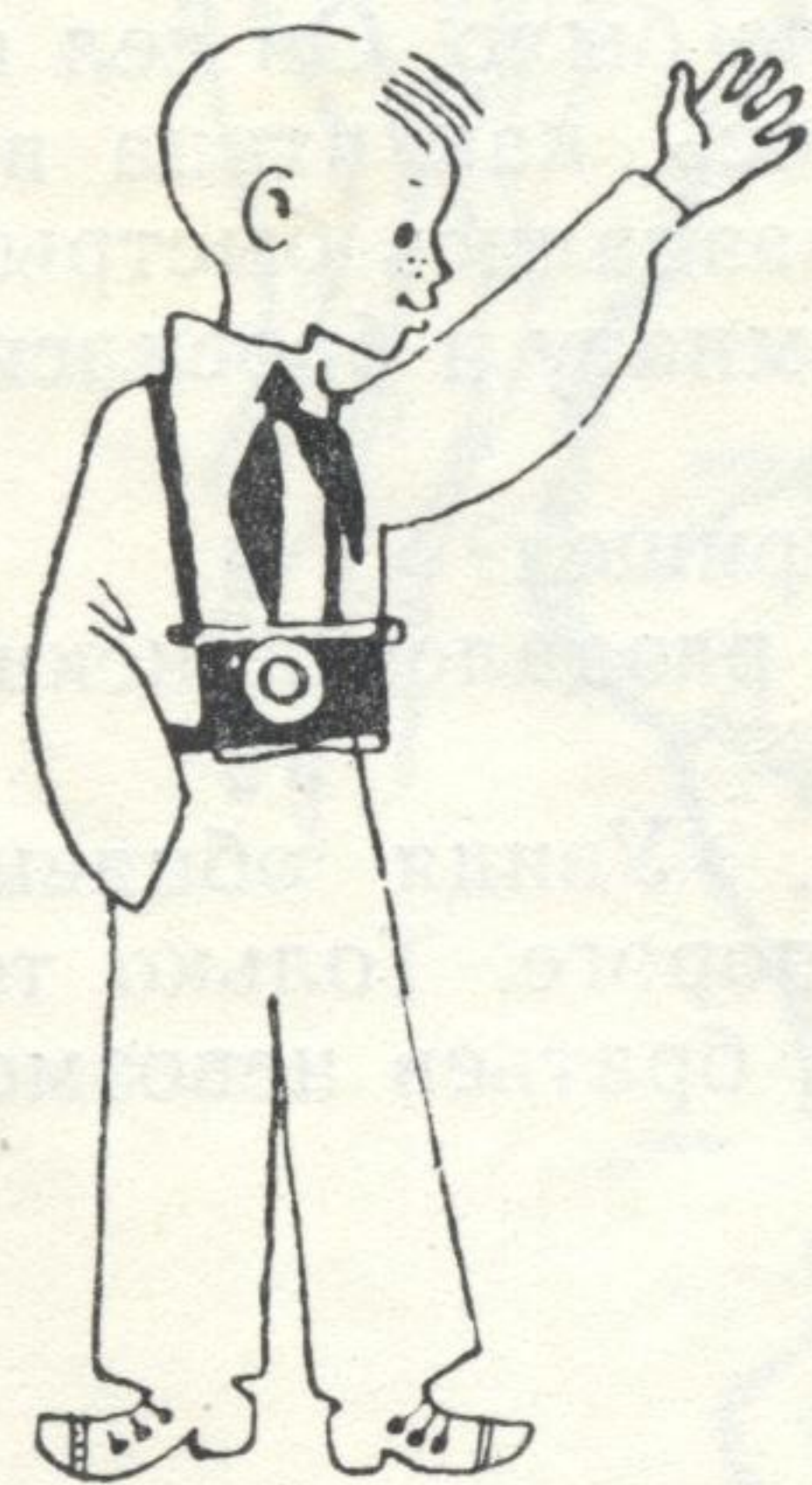
Вот обо всем этом и рассказывает в своей книге «Новая родня» известный мордовский писатель Никул Эркай.

Обязательно прочтите эту книгу.

Б. Никольский

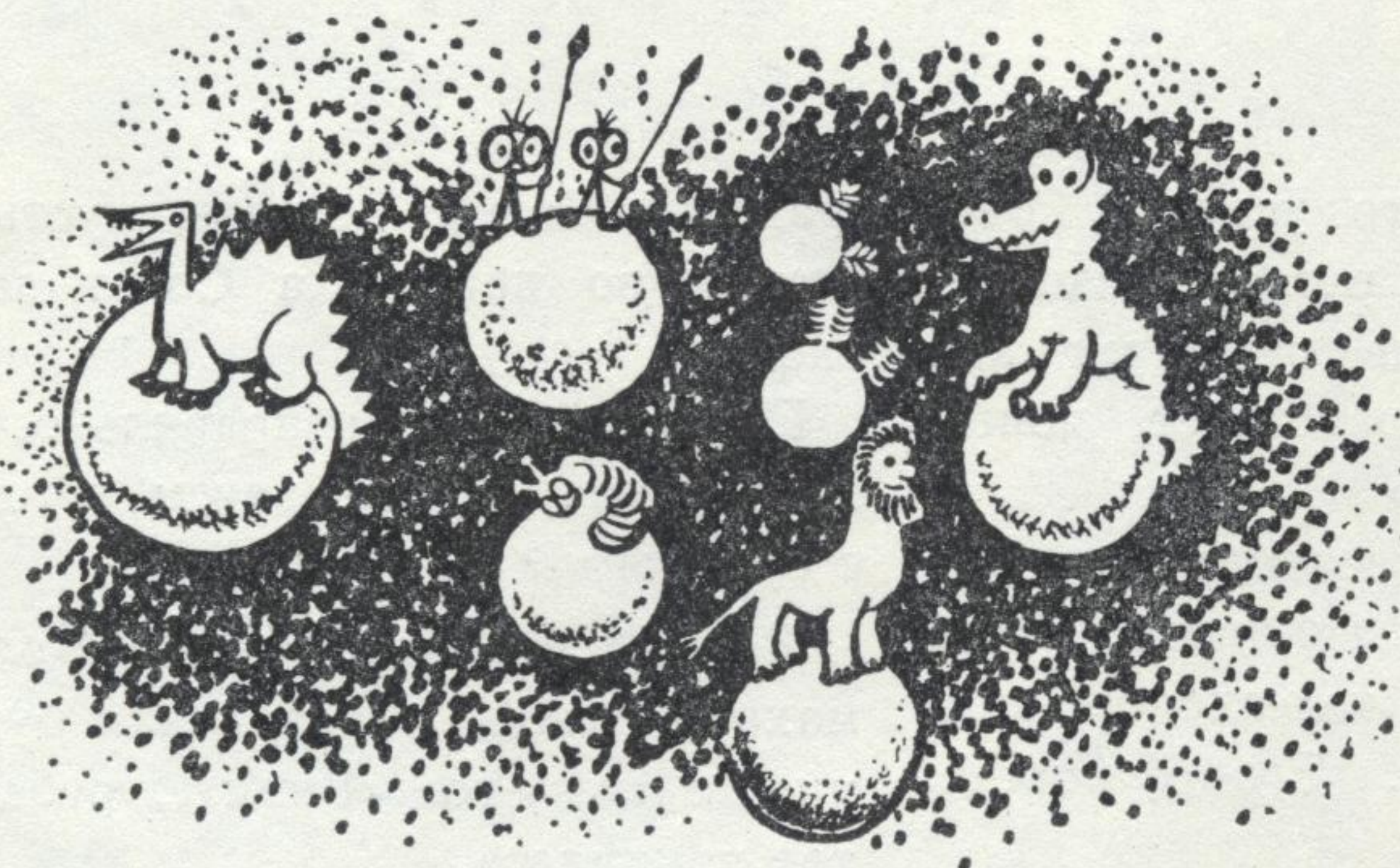
БИБЛИОТЕКА
КОСТИ ТЕРКИНА

Каналы строятся по конвейеру

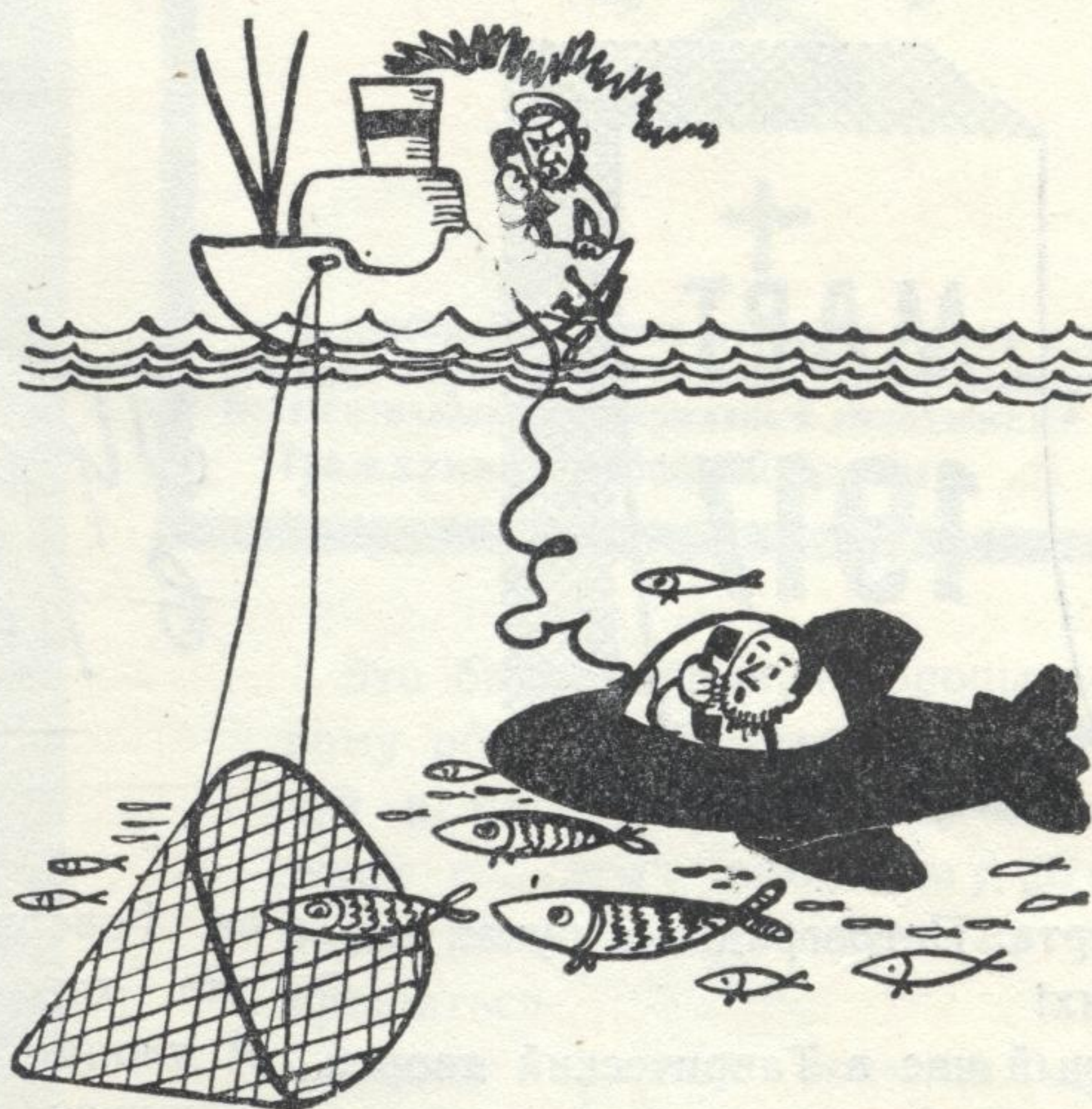
Совсем скоро оросительные каналы в нашей стране будут строиться комбайнами. Каждым комбайном должны управлять два человека, а продукция такой машины — полкилометра канала в час.

Модель новейшего комбайна-строителя демонстрируется на Выставке достижений народного хозяйства в Москве.

Советские ученые — академики А. Опарин и В. Фесенков считают, что в нашей Галактике около 100 тысяч планет, условия которых благоприятны для развития жизни.

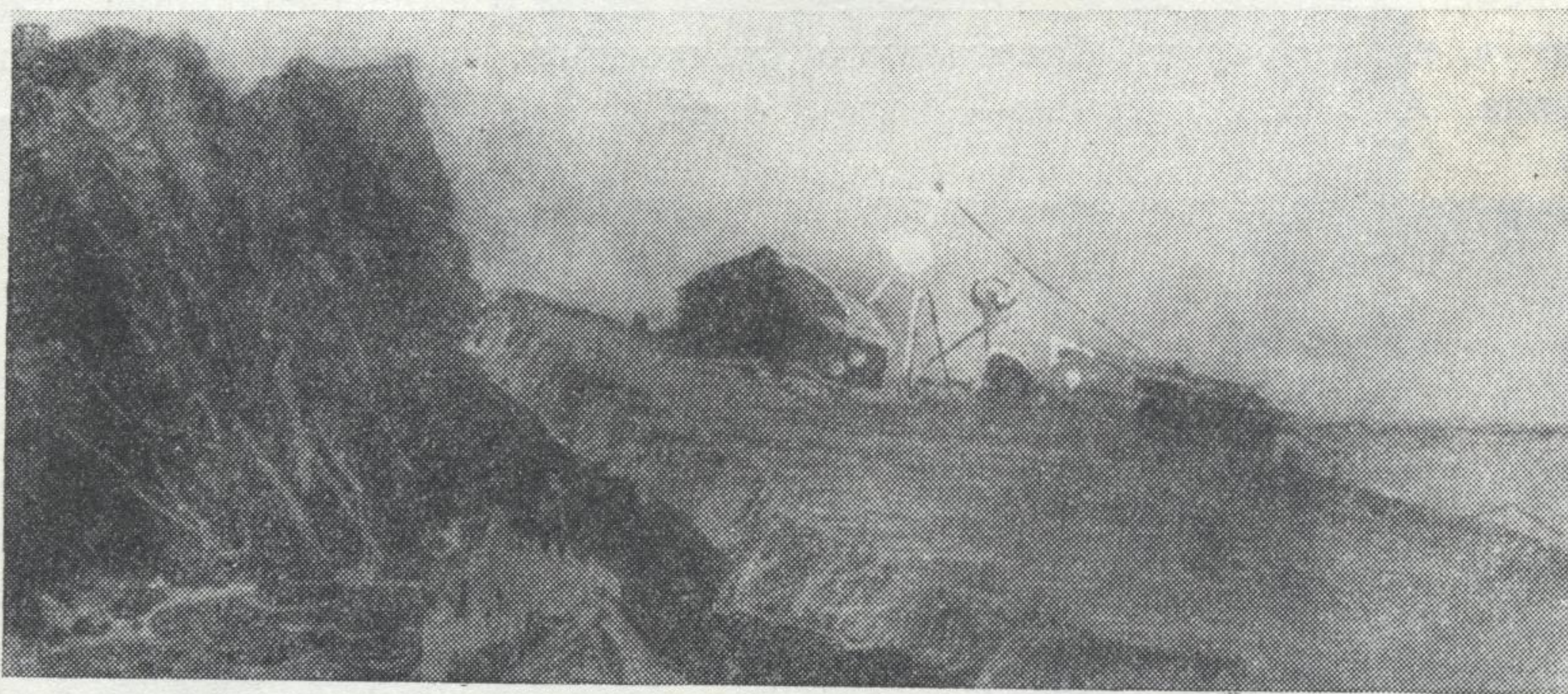
„Атлант-1“

Как движутся стаи рыб, какая форма траля самая выгодная, какой величины должны быть ячейки сети — таких вопросов у рыбаков много. Ответ на них дают только наблюдения под водой.

Наблюдение проводит «Атлант-1» — подводная лаборатория. Она похожа на реактивный самолет-истребитель. К месту наблюдений ее доставляет обыкновенное судно и опускает на глубину до ста метров. Кабель-трос служит не только для буксировки, по нему снабжают лабораторию электроэнергией, в нем же проложены телефонные провода.

Редкое столкновение

Для станции «СП-14» была выбрана льдина старого многолетнего льда.

Льдина двигалась строго на восток и через восемь месяцев оказалась по соседству с островом Жаннетты. Это скалистый необитаемый островок архипелага.

Начались тревожные дни: льдина торосилась, разламывалась. Приходилось время от времени перетаскивать оборудование в безопасное место. Однажды обломок льдины со всеми палатками и домиками уперся в скалистые берега острова.

Полярники мужественно переносили суровые дни. На материк шли спокойные радиограммы, хотя столкновение с островом доламывало льдину; оставаться на ней было небезопасно. С берега вызвали самолет и вертолет, чтобы вывезти самое ценное оборудование.

Весной прошлого года начальник станции с несколькими полярниками вернулся на льдину за остальным имуществом.

Случай столкновения льдины с островом произошел впервые в истории изучения Северного Ледовитого океана, но обошлось без человеческих жертв и потерь оборудования, благодаря мужеству полярников и полярных летчиков.

Приключения Васи Булкина в революционной Петрограде

1 марта. Петроград — в руках восставших!

Каждый час в Таврический дворец приводят арестованных министров и генералов. Городовые прибегают сдаваться сами — очередь погибает за оградой.

По лестницам и залам Таврического носится как молния и гремит как гром очень шумный человек — Александр Федорович Керенский.

2 марта. Ну, везет мне! Опять услышал важный разговор. Толкался по закоулкам дворца и услышал:

— Удивляюсь и не понимаю! Серое хамье вокруг!

— Не горячитесь, дорогой.

— Что значит — не горячитесь? Дожили, догавкались на царскую власть. Зато теперь «товарищи» загнали нас в эту темную комнату. Пулеметов бы! Пулеметов!

Вот так так. Идет революция, а тут такие речи.

Я побежал в зал, где заседали выборные от солдат и рабочих — Совет рабочих и солдатских депутатов.

Как назло, дяди Коли на месте не было. И тогда я решил все рассказать самому Керенскому! Уж очень его те, в темной комнате, ругали: и шутом, и комедиантом, и актеришкой.

Керенский меня выслушал.

— Спасибо, мальчик! — сказал он. — Спасибо от имени революции!

И заложил руку за борт сюртука.

3 марта. Прошел слух, что на Николаевском вокзале будут читать отречение царя. Мы с дядей Колей прямо из дворца помчались туда.

Когда пришли, митинг уже начал-

ся. Говорил какой-то усатый. Говорил хорошо, все ругал Николая. Я хлопал. А в конце он вдруг как закричит: «Да здравствует новый император Михаил!»

Тут дядя Коля засвистел, и другие тоже, и такое началось... Чуть ребра не поломали железнодорожники этому усатому. Его фамилия, кстати, Гучков.

Значит, Николашка все-таки отрекся. Интересно, сколько процарствует его братец?

4 марта. Михаил процарствовал сутки. Тоже отрекся. Теперь у нас республика.

5 марта. Узнал, какое будет правительство.

Временное, буржуйское. Оно заседает в правом крыле Таврического дворца. А в левом крыле — Петро-

градский Совет: дескать, пусть правительство правит, а Совет за ним следит.

По-моему, это неправильно. Если власть, так власть, зачем ее делить с буржуями?

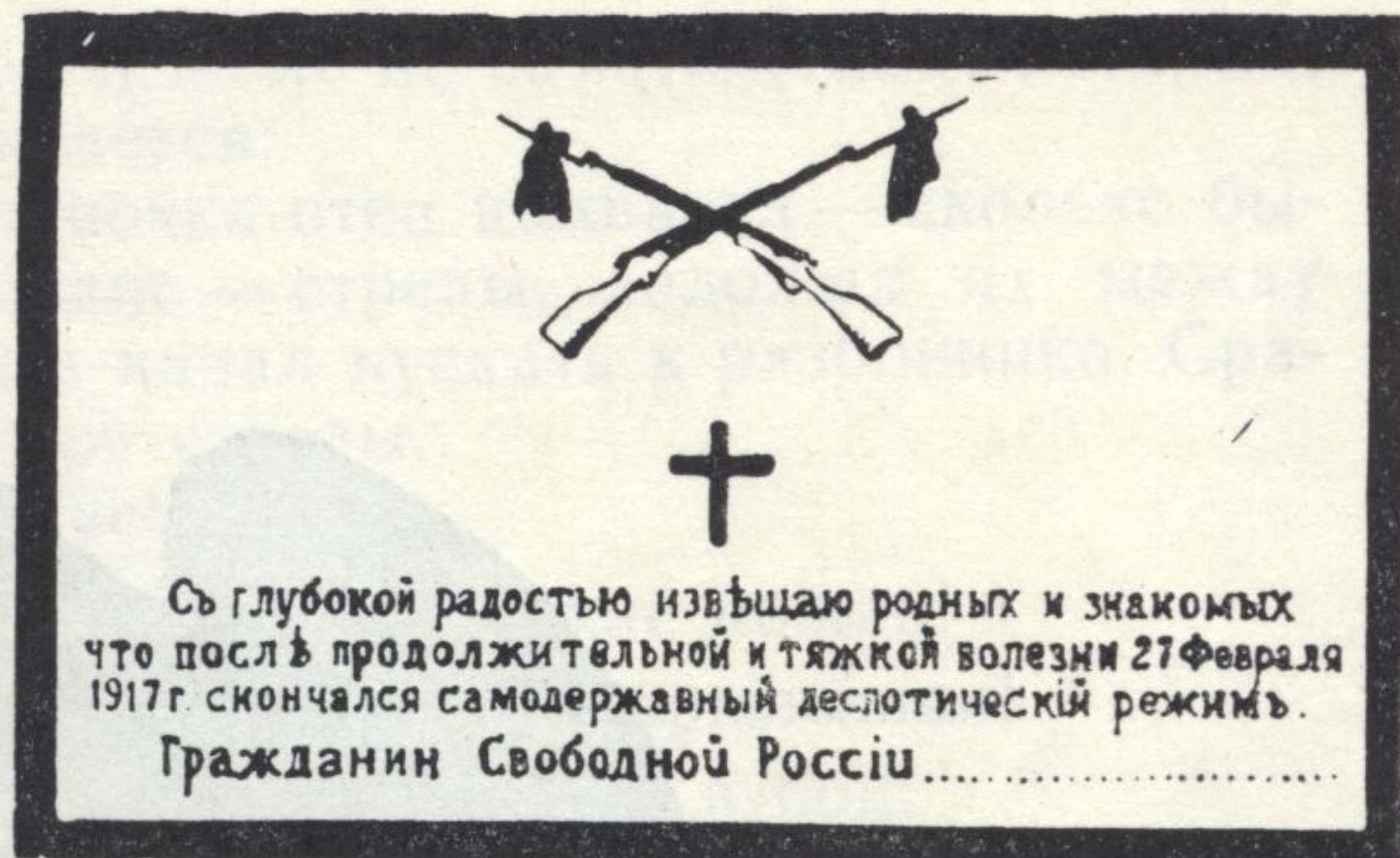
Я сказал об этом дяде Коле, он махнул рукой и сказал как будто не мне, а кому-то: «Видите, ребенок и тот понимает».

Тоскливо как-то. Так хорошо все начиналось, а теперь опять богатые станут командовать.

Правда, Керенский обещал, что специально войдет в правительство и будет наблюдать, чтобы капиталисты не обманули народные массы.

23 марта. Сегодня хоронили революционеров, павших в февральских боях.

Это были первые похороны по новому обряду. Не было белых лошадей и катафалков. Гробы несли на руках солдаты — всю дорогу, до кладбища. Весь народ вышел на улицы прощаться.

Всюду красные знамена, других сейчас в Питере нет. От крестьян несли знамя с вышитыми фигурами — мужик, солдат и рабочийжимают друг другу руки, и надпись: «Земля и воля».

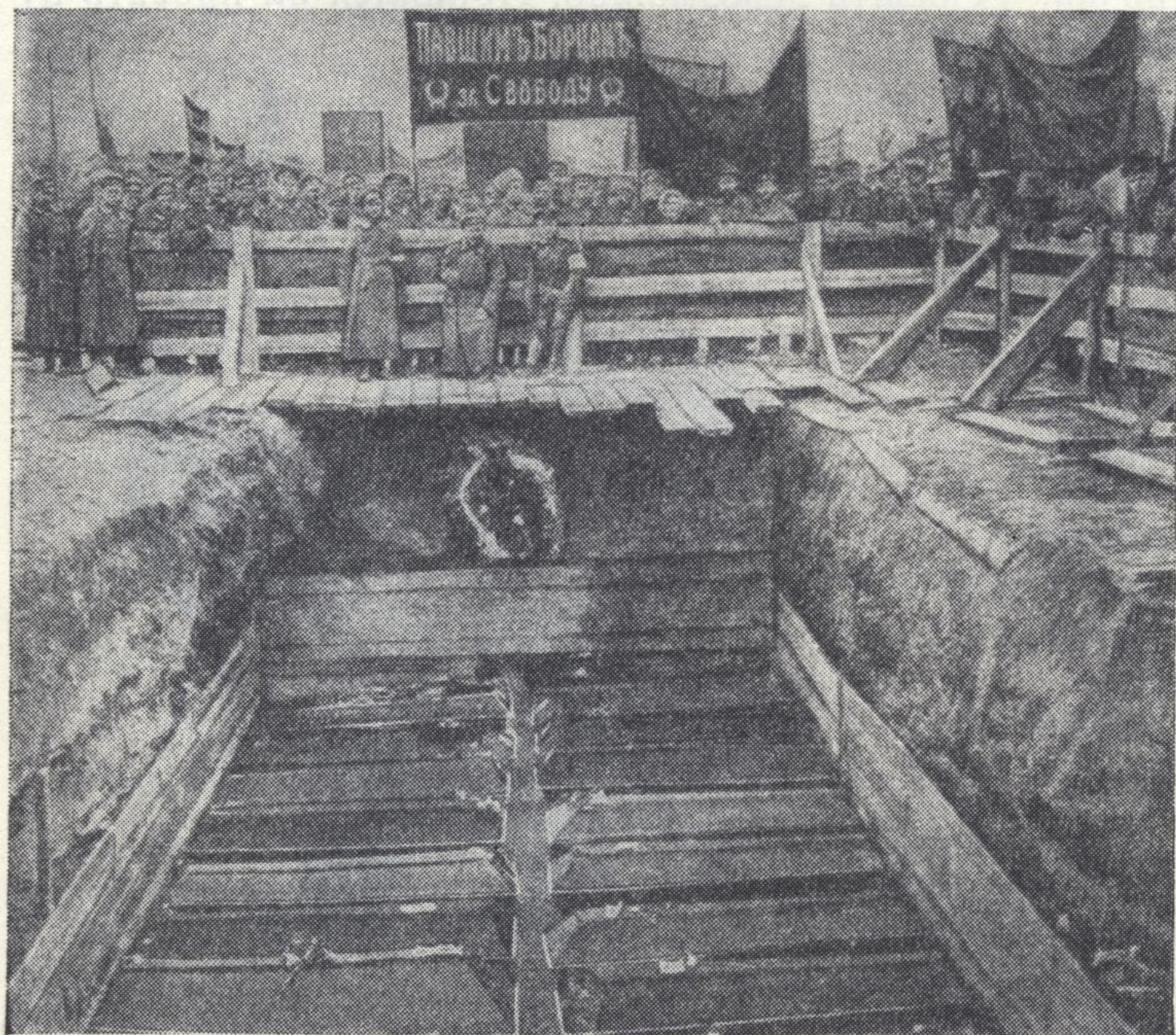
От рабочих — на красном фоне белыми буквами написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Да здравствует демократическая республика!»

И еще много других знамен.

Хоронили на Марсовом поле. Посреди площади вырыта яма, вокруг забор из досок. Говорили речи, музыка играла «Вы жертвою пали» и «Замучен тяжелой неволей».

— Эх, Вася! — сказал мне дядя Коля. — Дай срок, — мы эту площадь сделаем самой красивой в городе!

Продолжение следует

Вася Булкин все больше увлекался собиранием фотографий и рисунков из петроградских изданий.

Вот что он вырезал и наклеил в свой дневник в марте 1917 года: сверху — карикатура из журнала «Бич» («...А посему по зрелом размышлении сочли мы за благо отречься от престола...») и «траурная» открытка, выпущенная сразу после свержения царя; внизу — две фотографии из «Нивы» (похороны жертв революции на Марсовом поле).

ПРОПАВШАЯ ПЕСЕНКА

ЭСКИМОССКАЯ СКАЗКА

Пришла весна. Из теплых краев прилетели на берег Берингова пролива две пуночки. Свили себе гнездо на высокой скале у самого моря.

Пунночка-мать снесла яйцо и принялась его насиживать. С места слететь боялась, чтобы яйцо холодным ветром не обдуло. От дождя его собой прикрывала, недоедала, недосыпала.

Наконец вылупился из яйца сынок. Да такой удачный, такой пригожий. Ни у кого на всем побережье птенца красивее не нашлось бы. Одно плохо — криклив очень.

Тут уж и вправду родителям некогда было ни попить, ни поесть, ни поспать. Если отец на добычу улетел, мать баюкает сыночка. Если мать улетает, отец над ним хлопочет.

Вот однажды сидела пуночка-мать на краю гнезда и пела сыну песенку.

— Чьи-чьи это маленькие ножки,
 Чьи-чьи это маленькие крылышки?
 Чья-чья это миленькая головка,
 Чьи-чьи это миленькие глазки?
 Чьи-чьи, чьи-чьи?

Летел мимо ворон, услышал песенку, сел неподалеку и стал слушать. Слушал, слушал и

заслушался. Так понравилась ему эта песенка, сказать невозможно. Принялся он просить пуночку:

— Отдай мне песенку!

— Что ты! — говорит пуночка. — Не могу отдать. Одна она у нас. Нету другой песенки.

— Я тебя очень прошу, — уговаривает ворон. — Я теперь без этой песенки жить не могу.

— А мой сынок без песенки заснуть не может. И не проси, не отдам!

Рассердился ворон.

— Добром не отдашь, силой заберу!

Налетел на пуночку, вырвал у нее песенку и улетел.

Тут пуночка-сынок раскричался, расплакался. И пуночка-мать заплакала.

Вернулся пуночка-отец с охоты. Видит, слышит — сынок плачет, жена плачет.

— Что с вами? — спрашивает. — Какая беда случилась?

— Страшная беда, — отвечает мать-пуночка. — Налетел ворон, унес нашу песенку. Теперь ни за что не заснет сынок, весь исплачется! Как жить будем?

Разгневался пуночка-отец, глазами засверкал, ногой топнул.

— Дайте мне охотничьи рукавицы, мой боевой лук, мои меткие стрелы! Полечу искать обидчика, из горла у него песенку вырву!

Летел он, летел, много птиц видал, да все не вороны. Наконец увидел на утесах целую стаю воронов. Сел невдалеке, наложил стрелу на лук, натянул тетиву, ждет. Кто его песенку запоеет — тому и стрела.

Однако вороны своими делами занимаются. Старики на солнышке греются, старухи судачат. Молодежь игры играет. Парни-вороны своим милым что-то на ухо нашептывают. И никто песен не поет — ни пуночкиных, ни своих. Разок-другой каркнут, да разве это песня!

Полетел пуночка-отец дальше. Летел, кружил, видит — сидит ворон на дереве. Клюв вверх задрал, глаза закрыл, качается из стороны в сторону и поет-заливается:

— Чьи это маленькие ножки,
Чьи это маленькие крылышки?
Чья это миленькая головка,
Чьи это миленькие глазки?

Пропоеет и снова начинает:

— Чьи это маленькие ножки,
Чьи это маленькие крылышки?..

— Вот он, злодей! Вот он, похититель лучшей в мире песенки! — сказал пуночка-отец.

Сел на ветку того же дерева, натянул тетиву, пустил стрелу в ворона. Скользнула стрела по твердым маховым перьям и на землю

упала. Ворон даже не заметил, глаз не открыл. Поет-заливается.

Тогда пуночка-отец выхватил — сколько было в колчане — стрелы, заложил их между пальцами и начал пускать в разбойника. Сразу по четыре стрелы.

А ворон все поет:

— Ой, чьи это маленькие ножки!

Ох, чьи это маленькие крылышки!

Ой-ой, что-то мне попало в бок!

Ох, чья это миленькая головка!

Ой, что-то меня колет!

Ох, чьи это миленькие глазки!

Ой-ох! Ох-ой! Не могу больше! Кар-кар-р!
И выпустил песенку из клюва.

А пуночка-отец схватил ее и полетел скорее к своему гнезду.

Подлетает, слышит — сыночек кричит, жена плачет.

— Не кричите, не плачьте, — говорит им пуночка-отец. — Я нашу песенку у злого ворона отнял. Вот она!

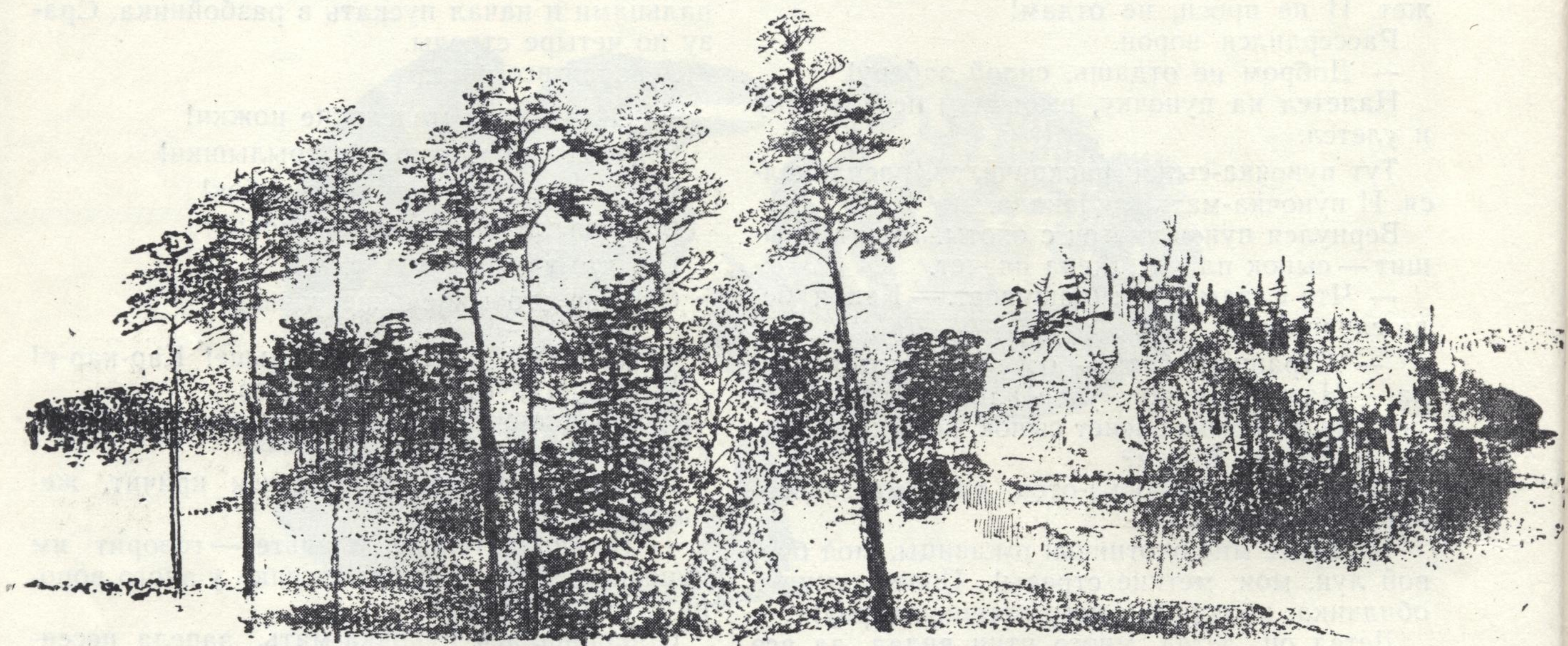
Обрадовалась пуночка-мать, запела песенку. Утих сынок, заснул.

С тех пор пуночки, едва завидят, что ворон

мимо летит, замолкают. Боятся даже клюв раскрыть. Вот песенка и сохранилась. И сейчас все пуночки ее поют своим крикливым детям.

Пересказала Н. Гессе
Гравюры К. Овчинникова

БЕСЕДЫ У КОСТРА

КОЛОДЕЦ

Сегодня у костра — писатель Борис Сергуненков

Колодцу нашему много лет. Делался он с любовью, сруб у него еловый, а песочек на дне колодца отборный, зернистый, с речки. Стоит колодец у дороги в одиночестве, примерно в полкилометре от дома. Мы когда-то рыли колодец поближе к дому, но не нашли «жилу». Конечно, полкилометра — далековато, но не это беспокоит меня, я бы мог носить воду и дальше, беспокоит другое.

Идут мимо деревенские ребята: сунули голову в сруб колодца, кинули вниз комок грязи. Хорошо летит комок, еще лучше булькает вода!

Идут туристы. Остановились, костер разожгли, песни спели. Все вроде бы прекрасно: еду приготовили, переночевали, а после них в колодце — грязные консервные банки.

Остановил шофер машину, лезет в колодец грязным ведром. Ему вроде бы невдомек, что вода в колодце питьевая, чистая. А ведро-то у него из-под бензина или мазута...

Как-то раз я пришел к колодцу за водой и увидел, что в срубе свила гнездо ласточка. Ничего в этом хорошего нет, думал я, что она свила в колодце гнездо, обязательно гнездо кто-нибудь разорит. Но прогонять ласточку было поздно. Я оставил ее. Вначале она меня боялась, а через некоторое время привыкла, не обращала никакого внимания. Вскоре появились у ласточки птенцы. Мне было очень интересно узнать, как они оттуда вылетят, не упадут ли в колодец, когда будут становиться «на крыло». Но в один прекрасный день туристы разорили гнездо, а колодец забросали травой и камнями. Камней было столько, что мне пришлось несколько дней их выбирать: видно, очень старались.

Рисунок В. Курдова

Девять лет подряд я жил в лесу и работал лесником. Я ходил по своим кварталам, охранял лес от порубок, от пожаров, от лесных вредителей. За эти девять лет я достаточно передумал разных мыслей. Почему некоторые люди, думал я, так варварски относятся к природе, почему они рушат и губят ее безжалостно, почему часто так бывает, что если в лес приходит человек, то лес из живого становится мертвым, а если на берегу речки строят завод, то река из живой становится мертвой? Почему колодец, святой наш колодец, который дает нам живительную силу, люди не жалеют, не берегут?

Я вспоминаю свои школьные годы. Возле школы у нас был огород. Каждый год учителя давали нам, юным натуралистам, задание: вырастить для школьной выставки одну тыкву. Все наши силы, все наше старание, а мы в общем-то старались, были отданы этой тыкве. А рядом текла речка, и она потихоньку гибла оттого, что в нее сбрасывал свои ядовитые отходы завод. Мы все реже и реже ловили в речке рыбу. Вот бы нашу энергию направить тогда на защиту этой речки. Может быть, речка и осталась бы живой.

Мы кончили школу, выросли, выучились, некоторые стали работать на этом заводе, руководить им. Но никто не заступился за речку, никто не догадался сделать на заводе отстойники и защитные фильтры. Никто из нас, растений той единственной тыквы, не сберег речку.

...Когда я несу домой два ведра воды, мне кажется, что я несу в своих руках день жизни, а точнее — день и ночь. В одном ведре день, в другом — ночь. Этого, конечно, мало человеку, но меня утешает мысль, что там, на дне колодца, этих дней и ночей еще таится несчетное количество. Их хватит и нам, и нашим потомкам. Нужно только беречь этот колодец, любовно его охранять.

СЕРЕБРЯНЫЕ ТУФЛИ

РАССКАЗ

Виктор Голявкин

Рисунки автора

Я свою подметку каждый день по утрам пришивал, а к вечеру она у меня отваливалась. Как же сапожник пришивает подошвы, что они долго не отлетают? Этот вопрос меня тогда очень интересовал. И ходить-то я старался осторожно, чтобы подошва эта раньше времени не отлетела, а когда в футбол играли, стоял только и смотрел, — до чего обидно! Но она все-таки отлетела, не дождавшись вечера, и хлопала, как выстрел, при ходьбе. Если я издали знакомых видел, останавливался и стоял, чтобы, чего доброго, не заметили моей ужасной подошвы.

Пришло лето, я эти свои ботинки выкинул и шлепал босиком. Раз лето. Раз война. Нужда. Отец на фронте. Да мы, мальчишки, могли и без ботинок обойтись. В такое-то время! Только в школу босиком не полагалось. Да я и в школу так приходил. Когда меня учитель спросил, неужели у меня нет каких-нибудь старых ботинок, чтобы в приличном виде явиться в школу, я ему ответил: «Нет, Александр Никифорович». Он пожал плечами и сказал: «Ну, раз нет, значит, нет». Так просто тогда было с этим делом!

И вдруг Васька в своих серебряных туфлях появился во дворе. Вот это была картина! Самые настоящие долгоносики, остренькие, длинные носы, а блестят-то как! А как они скрипели! Васька Котов вышел в этих своих серебряных потрясающих туфлях, а я открыл рот и долго не мог закрыть его.

— Такие туфли носят только на балах, и только в Аргентине, — сказал Васька. — Вон внутрь-то, вон внутрь посмотри!

Он снял туфлю, и я ошалело смотрел внутрь

туфли на аргентинское клеймо. А Васька стоял на одной ноге, держась за мое плечо, важный и довольный.

Еще бы! Там, в далекой Аргентине, пляшут на балу аргентинцы в серебряных туфлях, а теперь в них будет ходить по нашим бакинским улицам Васька Котов.

Собрались ребята, охали и ахали, и трогали руками серебро.

— Купили на толкучке, — рассказывал Васька. — Совершенно случайно. Абсолютно по дешевке достались, просто-напросто повезло....

Кто-то попросил померить, и Васька сразу ушел. Померить он никому не хотел давать.

В этот вечер мы с ним пошли в оперетту. Я босиком, а он в своих долгоносиках.

Некоторые оперетты мы раз двадцать видели, а тут новую оперетту показывали. Честно говоря, мы только потому и ходили на эти спектакли, что через забор лазали. А так с гораздо большим удовольствием в кино пошли бы.

Рядом с его серебряными туфлями нелепыми и безобразными казались мои собственные пыльные ноги, а пальцы, казалось, смешно топчались во все стороны.

Да и другие мальчишки в оперетту босиком ходили, никто на них особого внимания не обращал. Ничего такого в этом не было, тем более оперетта в летнем саду помещалась.

Васька меня на забор посадил, снял туфли и мне протянул. Ему в них на забор никак было не забраться. А мне с этими туфлями сидеть на заборе тоже неудобно. Одной рукой туфли держать, а другую ему протягивать.

Кричу:

— Давай скорее руку, а то свалюсь!

Он замешкался, стал почему-то носки снимать, хотя и в носках можно было лезть спокойно. Как раз ребята подошли, торопят, никому неохота в оперетту опаздывать.

В общем, он мне руку подать не успел, я не удержался и на ту сторону свалился вместе с туфлями. Хорошо еще, удачно упал, ничего такого не приключилось. Только земля в рот попала.

Я эту землю выплюнул, встал, отряхнулся и жду, когда Васька появится. Ребят-то там много, помогут ему на забор подняться.

А он все не появляется.

Мимо прогуливаются люди по широкой аллее в ожидании звонка, и, как мне кажется, на меня поглядывают.

Тогда я надеваю Васькины туфли на свои ноги и отхожу в более темное место.

Но Васька все не появляется.

Я еще немного постоял и пошел к выходу. А прямо мне навстречу милиционер ведет Ваську за руку. На одной ноге у него носок, а другим носком он вытирает слезы.

Васька, как только увидел меня в своих туфлях, заорал не своим голосом на весь сад:

— Свои грязные ноги засунул в мои туфли!!! Ааааа!!!

Даже милиционер растерялся.

— Ты мне смотри, вырваться, — говорит, — ишь ты! В одном носке в оперетту собрался да еще вырывается!

— Это правда! — кричу я, — на мне его туфли!

— Не суйся не в свое дело! Тоже мне защитник нашелся!

Милиционер меня и слушать не хотел.

Вокруг говорят:

— Смотрите-ка, смотрите, у парнишки носок на одной ноге...

— А по-вашему, если бы он в двух носках явился сюда, было бы лучше?

— Ему бы на сцену в таком опереточном виде!

Я стал снимать туфли, чтобы Ваське отдать, но меня оттеснили.

Ведут Ваську в пикет. Впереди большущая толпа. Ну и дела!

Пока Ваську вели, он все время оборачивался и повторял:

— Снимай мои туфли! Снимай мои туфли!

Он только о туфлях и думал, смелый все-таки человек, совсем не думал о том, что попался.

Я все старался в пикет пройти, но меня не пустили.

И чего он из-за своих туфель расстроился? Не мог же я их все это время в руках держать! Подумаешь! Как будто бы их помыть нельзя!

Я подхожу к фонтану и тщательно мою его туфли. Все старался поглубже засунуть руку в носок, чтобы как можно лучше вымыть.

И вдруг замечаю, как эти прекрасные туфли расползаются, а блестящая серебряная краска слезает, как чешуя с рыбы...

В это время из пикета выходит Васька и направляется ко мне.

Подходит.

Я стою, опустив голову, держу в каждой руке по туфле.

Его лицо бледнеет при свете фонарей.

— Ты стер мое аргентинское клеймо?! — спрашивает он сдавленно и угрожающе.

Васька Котов выхватывает у меня свои туфли.

— А почему они мокрые?! — вдруг кричит он и бежит к фонарю.

Там у фонаря он сразу замечает всю эту ужасную непоправимую перемену со своими туфлями...

— Это не мои туфли!!! — кричит он.

— Все смылось... смылось... смылось... — твержу я.

— Как это смылось?! — орет он каким-то не своим визгливым голосом.

Распахнулись двери зала. Народ хлынул из дверей и увлек нас к выходу.

Я потерял в толпе Ваську, но при выходе он снова оказался рядом со мной и прошипел мне в самое ухо:

— Отдавай мне новые туфли... слышишь? Отдавай!

Я понимал его.

— Какие были! — прошипел он.

В это же самое время мне наступили на ногу, я скорчился от боли и крикнул ему со злостью:

— Пошел ты от меня со своими долгоносиками!

— Ах так! — крикнул он и, рывком вырвавшись из толпы, помчался вверх по улице по направлению к дому, а я пошел за ним.

Всю ночь мне снились танцующие аргентинцы в серебряных ботинках, а когда под утро стали сниться танцующие крокодилы в серебряных ботинках, я в ужасе проснулся.

Пришел Васька. В каких он был рваных сандалиях! Трудно даже себе представить! Каким-то чудом эти сандалии держались на его ногах.

— Мне нечего надеть, — сказал он тихо. Я смотрел на его сандалии, вздыхая и сочувствуя ему.

— Те никак нельзя зашить? — спросил я тихо.

— Никак, — сказал он.

— Неужели никак нельзя зашить?

— Они не настоящие, — сказал он, опустив голову.

— А какие же они?

— Они картонные, — сказал Васька.

— Как?!

— Они театральные, — сказал Васька. — Все равно бы они развалились...

— Как то есть театральные?

— Ну, специально для театра, на один раз... у них там делают такие туфли на один раз...

— Зачем же тебе их купили?

— Случайно купили...

— Значит, они театральные?!

— Театральные... — сказал Васька.

— Тогда черт с ними! — сказал я.

— Черт с ними... — сказал Васька.

— Это замечательно, что они театральные! — сказал я. Хотя ничего замечательного, конечно, не было в этом. Но все равно это было замечательно.

— Снимай сандалии, — сказал я, — зачем тебе сандалии! Снимай и пойдем в оперетту!

УЧЕНИЦА БОТВИННИКА

Ю. Барский

Кто не слышал о Михаиле Ботвиннике? Почти пятнадцать лет владел он шахматной короной мира. Все наши гроссмейстеры учились на его партиях, на его игре... А недавно у Ботвинника появилась совсем необычная ученица.

Электронная машина! Ми-

хаил Моисеевич не первый ее учитель. Уже больше десяти лет многие ученые стараются научить машину играть хорошо. Ведь у нее отличные задатки: память «нечеловеческая», быстрота расчета — сотни тысяч операций в секунду, нервы никогда не шалют, от лени застра-

хована... Ну как не прочить ее в гроссмейстеры? Но пока что она не вытянет и на третий разряд. Неспособная?

— Не умеем обучать, — неизменно берут на себя вину ее учителя-ученые.

Нужно ли учить?

Зачем же тратят они силы? Казалось бы, не получается у машины — и не надо. Разве мало сильных шахматистов? Уж не затем ли ее «натаскивают», чтобы когда-нибудь разыграть шахматную корону в

матче человека с машиной? Нет, цель куда более заманчивая...

Вот ученый выдвинул оригинальную гипотезу. Как в его мозгу возникла эта идея?

Полководец избрал дерзкий,

неожиданный для противника стратегический план сражения. Как зародилась у него мысль о таком плане?

Шахматный гроссмейстер ведет сеанс одновременной игры. Он обходит доски и везде, не

задумываясь, делает лучшие ходы. Как он мгновенно определяет, что нужно сыграть именно так?

Ответить на эти вопросы наука пока бессильна. Но известно: во всех подобных случаях чело-

веком руководит интуиция — особое чутье, которое появляется с приобретением опыта.

Как же образуется интуиция и что представляет собой эта таинственная способность человеческого мозга? Вот это-то и

хотят выяснить ученые на примере машины-шахматиста.

Хорошо играющая машина явится моделью мыслящего человека-шахматиста, моделью человека, обладающего интуицией.

Что усвоила?

Как обучают машину и что она уже усвоила?

Язык, на котором удастся «разговаривать» с машиной о шахматах, — язык чисел. На этом языке машине растолковали, как ходят фигуры, что такое шах, мат, рокировка и прочие премудрости, и она теперь уверенно делает ходы по правилам.

Ей дали понять, что шахматное имущество следует в игре

беречь, и она постоянно начеку и не прозеваает ни одной пешки, а зевнувшего противника обязательно накажет.

Она знает: чем фигуры подвижнее, тем сильнее. Особенно нужно охранять короля, проходная пешка — будущий ферзь...

Ее научили рассчитывать на несколько ходов вперед, и ученица проделывает это с невероятной скоростью.

Машина уже сыграла немало партий. А недавно начался самый необычный в истории шахматный матч: против машины выступает... машина! Машина Института теоретической и экспериментальной физики (СССР) играет одновременно четыре партии с машиной Станфордского университета (США). Ходы передаются по телеграфу. Чем окончатся эти партии, мы скоро узнаем.

Почему она „неуспевающая“

Знаете, как машина избирает ход? Перебирает одно за другим движения всех своих фигур и фигур противника на несколько ходов вперед. Попробуй сильный шахматист так же перебирать все варианты, ему не хватит жизни и для одной партии. Вариантов возникает столько, что даже машина, при всей «скорострельности», ведет свой расчет не глубже, чем на четыре хода вперед. А ведь шахматист рассчитывает нужный ему вариант и на десять ходов! Но обратите внимание: нужный ему вариант. Он сперва намечает ход, а затем прини-

мается за расчеты — всего два-три варианта, только для проверки. Он не проделывает работу машины, всякий раз просчитывающей сотни тысяч вариантов, в том числе заведомо слабых и даже бессмысленных.

Как же шахматист еще до расчета угадывает заслуживающий внимания ход? Новичок, как и машина, выбирая ход, пробует, перебирает их все подряд. Но такое перебирание всех ходов возможно только, если расчет одноходовый. Человек же, овладевший игрой, рассчитывает глубже, зато он все больше и больше ходов заранее

отбрасывает. А тот, кто приобрел уже большой опыт в игре, словно каким-то компасом обзаводится, и тогда без предварительных расчетов почти безошибочно прокладывает курс в океане шахматных вариантов. Компас этот — интуиция.

Пока машина встречается с новичком, перебирающим все ходы, она обыгрывает его. Но против шахматиста, овладевшего шахматной интуицией, машина устоять не может.

Так что? Может быть, каждому свое? Человеку — лавры чемпиона, а машине — вечная участь новичка?

Не торопитесь с выводом...

Машина лишь послушная ученица. Вот и взялся шахматный гроссмейстер и доктор технических наук Михаил Ботвинник за переучивание. Что же предложил он нового? Раньше старались создать идеальную машину, а он задумал сделать ее «по образу и подобию свое-

му, то есть думающую так же несовершенно, как шахматист, ошибающуюся так же, как простые смертные гроссмейстеры». Это сильно облегчит задачу. Он уже составил новую «учебную программу» и работал по ней, вообразив машиной... себя! Во-

образив, что не знает о шахматах ничего, кроме правил игры и ценности фигур.

— Моя машина сумеет до расчета отбрасывать бессмысленные ходы и заиграет в силу гроссмейстера в ближайшие десять лет, — обещает Ботвинник.

„ПАМАГИТЕ“

«Дорогая редакция! Пишет вам 5-а класс В.-Бузанской восьмилетней школы. Наш отряд выбирал любимого революционера. Мы выбрали Фрунзе. Просим вас подробнее рассказать о его жизни. Наш адрес: Астраханская область, Красноярский р-он, село В.-Бузан».

Получили мы письмо и задумались: как это так — «выбирал любимого революционера»? Голосованием, что ли? Я — за Чапаева, ты — за Фрунзе, а Петька с Колькой — за Котовского! И — в спор: кто из них храбрее, кто сильнее? Или, может быть, кто главнее?..

Чепуха получается, не правда ли?

А с какой целью бузанские пионеры все это делали? Для того, чтобы присвоить отряду имя Михаила Васильевича Фрунзе. Но позвольте, носить имя героя — для коллектива большая честь. Может человек сам присвоить себе звание Героя труда? Конечно, нет! — скажете вы. А коллектив — может он сам назвать себя чьим-нибудь именем?

И наконец: как можно назвать отряд именем человека, о котором вы почти ничего не знаете!

А вот другое письмо: от учеников 7-а класса. Сохраняем полностью его орфографию и пунктуацию.

«Дорогая редакция! Наш отряд носит имя Лизы Чайкиной. Мы хотим узнать о ней. Но у нас в городе нет в книготоргов оней. Мы учимся в седьмом классе. Мы думаем что мы недостойны носить её имя. Памагите нам пожалуста».

Город, в котором живут эти ребята, не маленький. Есть там и библиотеки, а в них — книги о выдающихся людях, в том числе и о Лизе Чайкиной. Но зачем голову ломать, когда можно написать: «памагите!» И добрые дяди и тети из редакции помогут. Не надейтесь, товарищи семиклассники! Пионер не может быть иждивенцем и ждать, когда ему принесут на блюде то, что рядом лежит.

В одном вы только правы: «Мы думаем что недостойны носить её имя». Действительно, недостойны. Мы тоже так думаем.

И, наконец, третье, последнее письмо, из Ленинграда.

«Дорогие друзья! Пишут вам пионеры седьмого класса дружины имени Александра Ковалева. Наш отряд — Спутник Семилетки, он носит имя Володи Дубинина. Это звание присвоили нам в 4-м классе. Сейчас мы боремся за звание отряда имени Николая Островского...»

Что — надоел один герой — возьмем другого? Этот надоест — третьего?

— Почему? В чем дело? — спрашиваю ребят.

— Понимаете, Володя Дубинин был маленький, а мы теперь уже большие, в седьмом классе учимся, нам надо другого героя, который бы по возрасту подходил...

Послушал я ребят, и стало мне за них стыдно. Жил на земле мальчик Володя Дубинин, погиб геройски за Советскую власть, и вот теперь о нем пионеры этак холодно говорят:

— Нет, он нам по возрасту не подходит...

Да разве в возрасте дело!

По поручению редакции Тим Добрый

РАЗ, ДВА, ТРИ...

Дорогой Костя Теркин! Вчера я поссорилась со своими подругами Леной и Наташей. На уроке физкультуры, когда учитель сказал «встать», я крикнула «сесть!» Крикнули «сесть!» и несколько мальчишек. Они сознались. Учитель послал их за дневниками. А я промолчала. Я понимаю, что я нехорошо сделала, надо было сознаться. И Лена с Наташей отвернулись от меня, не разговаривают со мной, не замечают. А ведь мы в классе были самыми неразлучными друзьями.

Посоветуй, Костя, как мне быть. Я очень хочу восстановить дружбу.

Таня Рапопорт, 6 кл.
Ленинград

Дорогая Таня! Ты спрашиваешь, как тебе быть. Главное уже есть: тебе совестно, что ты плохо поступила. Теперь осталось совсем немного: обо всем рассказать учителю. Лучше поздно, чем никогда. Я понимаю, это не так-то просто — признаться. Знаешь, что я тебе посоветую. Что ты делаешь, когда страшно нырнуть в холодную воду? Считаешь до трех! Вот и сосчитай до трех, про себя, конечно. Раз, два, три...

Желаю тебе хорошей дружбы!

КОСТЯ ТЕРКИН

ВЕТЕР С СЕВЕРА

РАССКАЗ

Б. Тарбаев

Рисунок Е. Захарова

Их было трое: Максимыч — начальник геологической партии, техник да еще кинооператор, заброшенный капризной судьбой в Арктику снимать незаходящее солнце и бородатых геологов. Они пересекали каменистый полярный остров, пустынный, как гладко выбритый череп.

— Господи, — вздыхал кинооператор, — существуют же такие земли! Зачем, спрашивается, существуют? Вы слышите меня? — он бесцеремонно хватал Максимыча за телогрейку и тащился за ним, как на буксире. — Ответьте мне, землепроходец.

Максимыч останавливался, обводил глазами горизонт и виновато говорил, покусывая толстые обветренные губы:

— По-моему, здесь совсем неплохо, честное слово, неплохо. Хорошая земля.

Низенький, сдобный кинооператор загораживал Максимычу путь, заглядывал в лицо злыми сощуренными глазками и говорил в тон:

— Неплохо, неплохо... Простор, ветер ледком пахнет — романтика! А снимать что? Что здесь снимать? Вы видели объектив моей камеры? Он плачет, когда я его открываю. Горькими слезами плачет.

Максимыч растерянно улыбался, обходил кинооператора стороной и прибавлял шаг.

В конце концов ему удалось опередить свою «свиту» шагов на сто. Он шел, погруженный в раздумье, и внезапно исчез из вида, точно провалился сквозь землю!

— Э-е-ей! — негромко крикнул техник и, не получив ответа, зашагал быстрее.

Через несколько секунд глазам техника и кинооператора открылся узкий каньон с дном, заваленным валунами, хилая речушка сочилась среди камней. Они остановились у края обрыва.

Ослепительный снежник, похожий на кусок облака, белел прямо вниз. Возле него стоял Максимыч, задумчиво постукивая по скале геологическим молотком.

— Вася, — обратился он к технику, махнув рукой в сторону грота, промытого в снежнике речной водой, — там, кажется, сидит песок. Сидит и сопит.

Он покосился на кинооператора.

— Ты пугни его, Вася, а как выскочит — мы его на пленку: все-таки разнообразие.

Кинооператор достал из кармана носовой платок из тонкого батиста, тщательно вытер лицо, а потом заодно и футляр кинокамеры, и сказал сморщившись:

— Ладно, гоните песка. — И крикнул Василию: — Ну, что же ты?

Василий ничего не ответил. Он стоял, опираясь на длинное древко геологического

молотка, пристально глядя в темный зев пещеры. Потом удивленно присвистнул.

— Медведь, здоровенный.

— Как медведь? — безучастно переспросил Максимыч.

Кинооператор возмущенно пожал плечами.

— Врет. Нашел время врать.

Расслабленной походкой он поплелся к гроту, заглянул в темноту и тотчас отскочил как ужаленный.

— Медведь!

Кинооператор мелкой рысью вернулся к Максимычу и, повторяя как заведенный «медведь, медведь», стал теснить его грудью на скользкие валуны, в воду. Максимыч вяло удивился и тоже пошел посмотреть диковинного зверя.

— Верно, медведь. Сидит и на меня смотрит. Сидит и сопит, — констатировал он прямо в темную дыру. Со стороны можно было подумать, будто Максимыч разговаривает с медведем.

— Хорошая шкура... — вибрирующим голосом заговорил техник, глядя в спину начальника косящими одичалыми глазами. — Очень хорошая. Как вы на это смотрите?

Максимыч, не поворачиваясь, отрицательно покачал головой.

— Нет, нельзя, — медведь смирный... Сидит и сопит.

Кинооператор стоял поодаль, то прижимая, то опуская камеру. Перед его глазами плясали уникальные кадры охоты на белого медведя. Это была та самая кульминация фильма, которую он до сих пор не мог найти и которая теперь сама просилась в объектив. У него дрожали руки. Он подскочил к Максимычу, боязливо косясь на черную дыру, и забормотал, торопливо глотая концы слов.

— Шкура! Шкура — это же память. У вас — дети, это им память об отце, как в старинных домах. Внуки, ваши внуки будут играть на ней. И ничего опасного. Ничего. Один выстрел — и все! Один выстрел. В упор...

Не договариваясь, они разошлись в разные стороны. Максимыч стоял сбоку от грота, Вася с карабином подошел вплотную к отверстию в снежнике, кинооператор устроился на некотором расстоянии, за большим валуном, выставив оттуда объектив кинокамеры.

— Начинать! — закричал он перехваченным голосом. — Скорей начинай!

Вася встал на колени и сразу увидел огромную медвежью голову с большими черными глазами и черным носом. Ему показалось, что кончик медвежьего носа трясется мелкой дрожью.

— Ну и харя, — процедил он сквозь зубы и, тщательно прицелившись, спустил курок. Звук выстрела покотился по ущелью, отразился от стен и тут же угас. Негромкий рев, похожий на плач, раздался в пещере, и огромная туша с кровавым галстуком — от шеи через все брюхо — вывалилась из снежного грота прямо на Максимыча.

Максимыч с перекошенным лицом, как деревянный, шагнул вперед и трижды в упор выстрелил из пистолета.

— Бо-о-о! — заревел медведь, как будто хотел, чтобы вся тундра слышала, как ему больно. И, видно, в дремучем мозгу блеснула искра сознания — вот пришел его смертный час и сопротивление бесполезно — и он не бросился на своих убийц, он попятился к снежнику, прижался к его зернистой, холодной поверхности спиной, как приговоренный к расстрелу.

На короткое мгновение наступила тишина. Только стрекотала камера. Потом медведь крякнул и, сделав шаг от снежника, стал укладываться среди валунов. С силой втягивая воздух, он несколько раз перевернулся с боку на бок, словно выбирал место поудобнее, и затих.

По ущелью тянул студеной ветер, ворошил на мертвом звере шерсть. Максимыч запахнул ватник и, зябко поеживаясь, подошел к медведю.

— Во как мы его, — пробормотал он. — Зря и убили!

Кинооператор суетился. Бормоча от возбуждения что-то нечленораздельное, он бегал вокруг туши и снимал сидящего на ней Васю с карабином. Он хотел было посадить туда и Максимыча, но тот отпихнул его без всякой вежливости.

Максимыч пристально смотрел на мертвого медведя — поза убитого зверя показалась ему необычной. Сердце у него дрогнуло, он шагнул к медведю, достал компас.

Максимыч не ошибся: медведь лежал мордой на север, и родной ветер, пахнувший ледяными просторами Арктики, дул ему прямо в мертвые ноздри.

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

Минувшим летом я побывала в Артеке. Я увезла оттуда память о море и солнце, о стройных кипарисах, похожих на свернутые темно-зеленые знамена, о загорелых ребятах — хозяевах Артеки.

А еще я увезла с собой стихи и рисунки артековцев, мечтая, чтоб их увидели и прочли читатели «Костра». Я рада, что эта моя мечта осуществилась.

Н. Слепакова

Почему светлее стало,
даль лучиста и ясна?
Потому что постучала
к нам в окно сама весна:

Ветру, вьюге и ненастью
объявляется борьба,
и заплакала от счастья
водосточная труба.

Солнце в небе ярче светит,
и звеня бежит ручей,
и, забыв про все на свете,
бойко скачет воробей.

Оля Рассохина,
13 лет

На деревья иней
лег узорной пленкой.
Жду, когда вернется
взрослая девчонка.
Взрослые заботы,
взрослые тревоги,
взрослые за годы
пройдены дороги.
Новая

и тоже
взрослая усталость,
только юность все же
у нее осталась.
За спиною годы,
их уже не мало,
а девчонка все же
пожилой не стала.

АЛЫЕ ПАРУСА

За туманом утренним
Слышен моря плеск.
Росы перламутровые
Стряхивает лес.

В это время сонное
Всюду чудеса,
Вновь у горизонта я
Вижу паруса.

Вот они пожаращем
В небо поднялись,
Мне бы увидеть еще
Зурбаган и Лисс.

Города весенние
Голубых долин —
Создал их волшебник
Александр Грин.

И теперь сквозь ветер,
По морским волнам,
Я иду навстречу
Алым парусам.

На лицо попала
Мне морская соль.
Это — мой кораблик,
Это я — Ассоль!

Оля Аксельрод,
13 лет

Сердитые скалы
стоят непреклонны,
и с ревом несутся
взбешенные волны.

Их спор бесконечный
никто не рассудит.
Сердитые скалы —
упрямые люди.

* * *

Я лечу и лечу куда-то —
стоит только смежить мне веки.
А у снов моих — дикие скалы,
а у снов моих — бурные реки,
а у снов моих — быстрые ноги.
И все мчится, мчится куда-то
и вприпрыжку скачет дорога,
и смеются клены косматые.
Мне кивает солнце лучистое,
опускает на землю лучи свои,
поднимает меня на плечи
и бросает в горячий ветер.
Не преданья седой старины
навевали мне сны,
не стеклянность синих озер,
но величье упрямых гор.
Моя жизнь беспокойная чудится
мне в раскатах далекого грома.
Не могу я сидеть на месте,
не могу я в грозу быть дома!..

*Лена Кирюшкина,
14 лет*

Под Аю-Дагом море пенится,
вздымая волны высоко,
а мне не верится, не верится,
что я от дома далеко.

От нашей улицы заснеженной,
где кипарисы не растут,
а здесь веселые подснежники,
уже подснежники цветут.

* * *

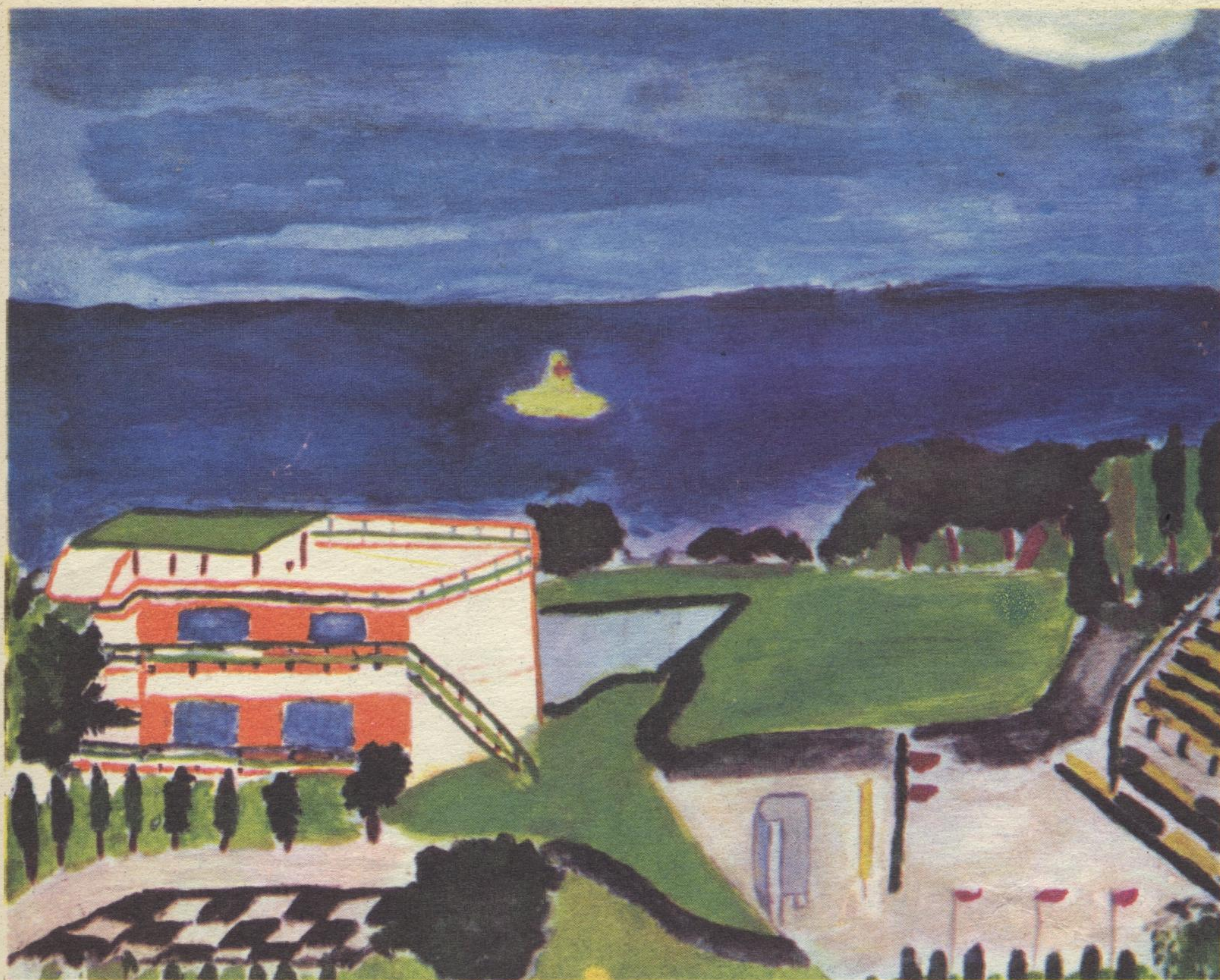
Я влюбилась
в стихотворение,
в чье-то грустное
откровение,
почему — понять не могу —
чьи-то строчки не сходят
с губ.
Только я как будто в долгу,
почему — понять не могу.
Мои песни еще не спеты,
мои лучшие строчки —
где-то,
мое счастье — не за спиной,
где-то рядом, во мне самой.
Не грущу я, глаза сухи,
я такие сложу стихи,
чтобы им, как цветам,
улыбались,
чтобы в строчки мои
влюблялись.

*Ира Павленко,
15 лет*

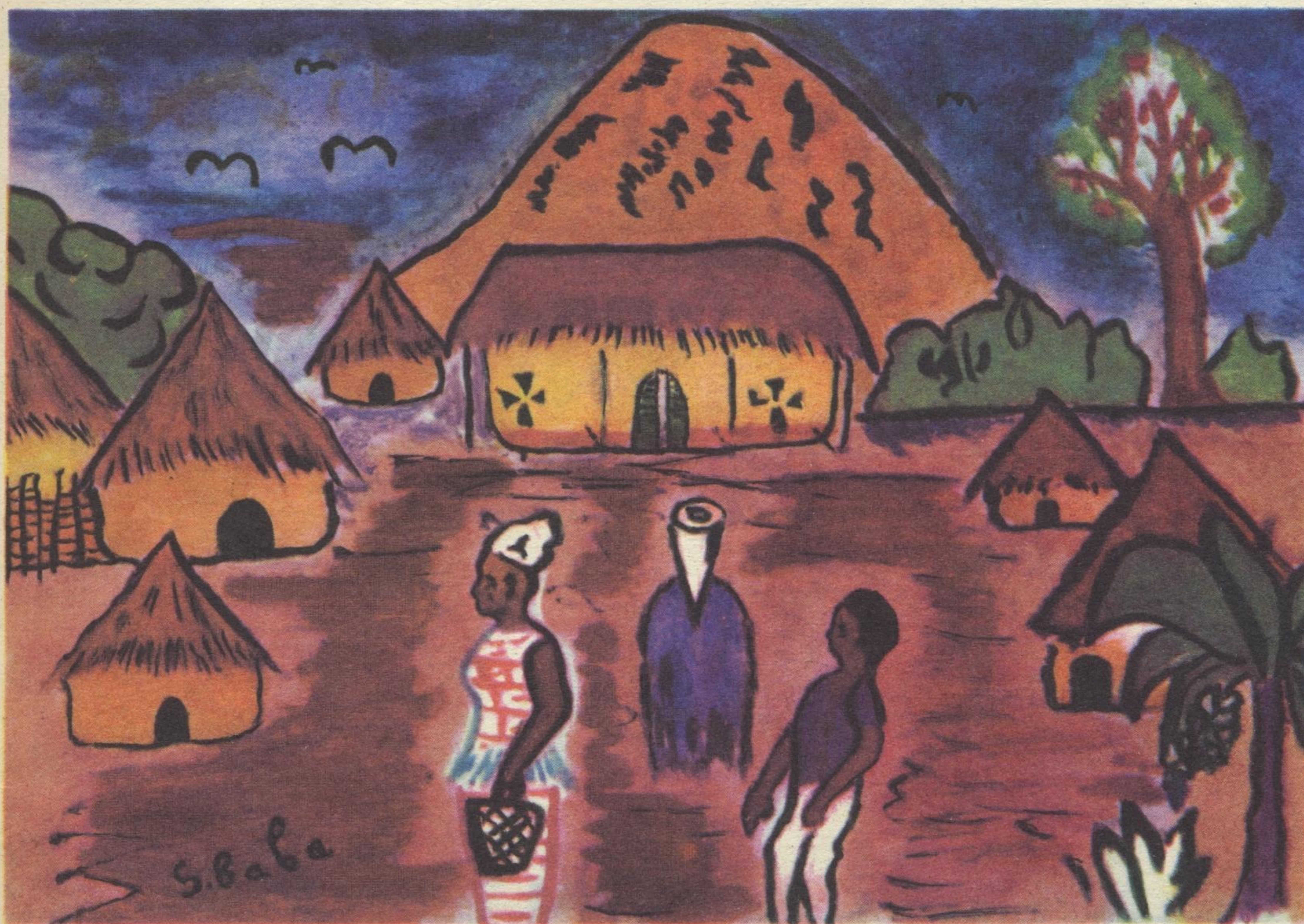
Линогравюры Вити Кривана

НАРИСОВАНО
В АРТЕКЕ
ЛЕТО
1966

ЛАГЕРЬ У МОРЯ

С. Тельгеров, 8 отряд. СССР

АЛЖИРСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Баба Сумма, 13 отряд. Алжир

ЧУР МЕНЯ, ЧУР!

Материалы иностранной печати комментирует Г. Александрович

В деревне Обералбах, неподалеку от крупного западногерманского города Нюрнберга, жила крестьянка Бабетта Хагер.

Жила замкнуто, в чужие дела не вмешивалась, но вот что странно: то крыша у ее соседей прохудится, то у других соседей сына призовут на военную службу, то у третьих еще какая-нибудь неприятность.

Кто виноват?

«Конечно, ведьма!» — решили деревенские кумушки.

«Ведьма!» — подтвердил священник.

И жизнь несчастной Бабетты Хагер превратилась в сущий ад.

Ей сыпали отраву в колодец, забрасывали хламом огород, били камнями стекла. И, наконец, подали на нее в суд.

Судья Прандль изрек:

— В средние века таких женщин, как эта, сжигали живьем на кострах и, на мой взгляд, поступали вполне разумно.

В общем, когда Бабетту посадили на два года в тюрьму, она могла считать, что еще дешево отделалась...

«Таких процессов, как этот, — сообщает журнал «Штерн», — в Федеративной Германии ежегодно происходит не менее семи — десяти».

Вот, кстати, еще несколько цифр.

Около шестидесяти тысяч западногерманских «ведьм» преследуются своими односельчанами. Свыше десяти тысяч человек, выискивая и разоблачая «слуг дьявола», зарабатывают тем себе на хлеб.

Да, да, «разоблачители нечистой силы» — есть, оказывается, в современной Западной Германии такая профессия!

Некий Дреер, например, обвинил пожилую крестьянку в

«знакомстве с дьяволом» и в конце концов вынудил ее бежать из родных мест.

Но вот что странно.

Тот же самый Дреер в свободную минуту занимается врачеванием. И врачует приблизительно так:

«...В случае лихорадки следует заставить больного съесть трех кротов, зажаренных живьем, а страдающему ревматизмом необходимо положить с собой в постель морскую свинку».

Еще удивительнее, что его-то никто не «разоблачает». Наоборот, и он, и сотни его товарищей по ремеслу действуют с ведома и как бы с одобрения государства.

В аптеках ФРГ полно различных «волшебных снадобий» и «чертовых зелий» — именно под такими названиями они и продаются! Книжные магазины бойко торгуют руководствами по «чудодейственному исцелению», — в одном из таких руководств, в «Шестой книге Моисея», как раз и написано насчет морских свинок и кротов.

Есть еще в продаже «астрограф, или прибор для установления связей с загробным миром»: обычный стоит четырнадцать марок, усовершенствованный — двадцать семь...

Появились недавно два «лекарства от всех болезней» — одно называлось «Ашрам-серебро», другое — «Ашрам-золото». Пузырек первого стоил двадцать пять марок, пузырек второго — пятьдесят. Химический анализ показал, что и то и другое принимать вполне можно, не отравишься, ни серебра, ни золота, обыкновенная чистейшая вода!

Сперва фрау Хагер лишь смеялась над глупостью своих соседок. Но вскоре ей стало не до смеха...

Фото из журнала «Шпигель».

Хуже, когда снадобья приготовлены из соломенной сечки, бурого угля или, скажем, коровьего навоза. А такое тоже продается в западногерманских аптеках...

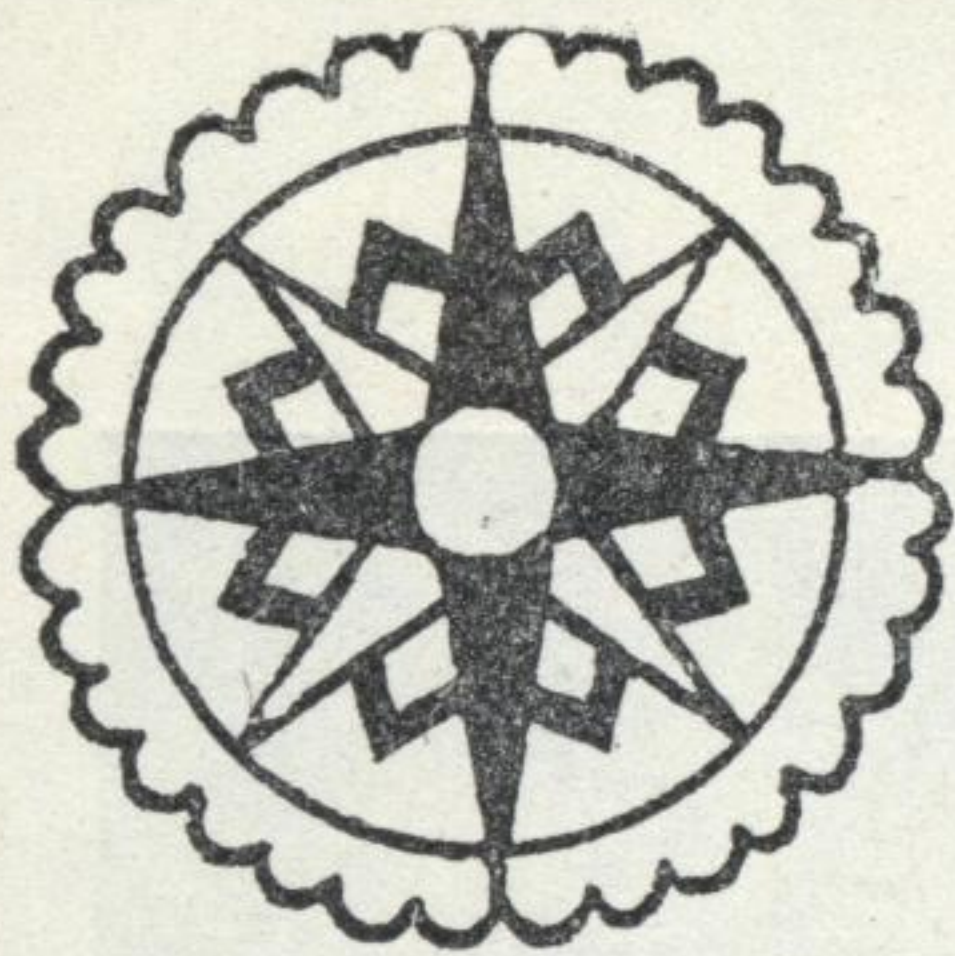
Кому это нужно?

Кому нужно, чтобы безвинные люди, вроде Бабетты Хагер, страдали, а шарлатаны и обманщики наживались?

Газета «Дойче фольксцайтунг» отвечает:

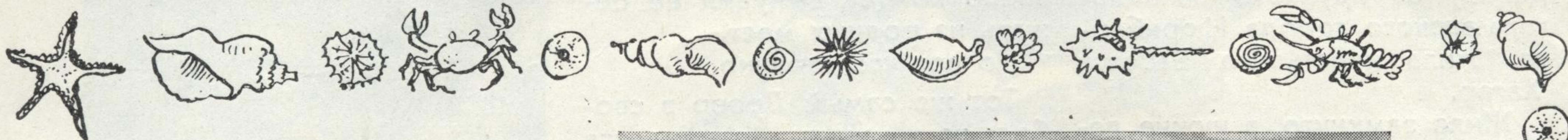
«И церковь и правительство всячески поддерживают бытующие в народе суеверия».

Иначе говоря, западногерманские церковники и блюстители закона открыто потакают самым диким предрассудкам, потому что известно: чем народ невежественней, тем легче можно держать его в послушании, навязывать ему свою волю.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнови

ОСТРОВ В МОРЕ

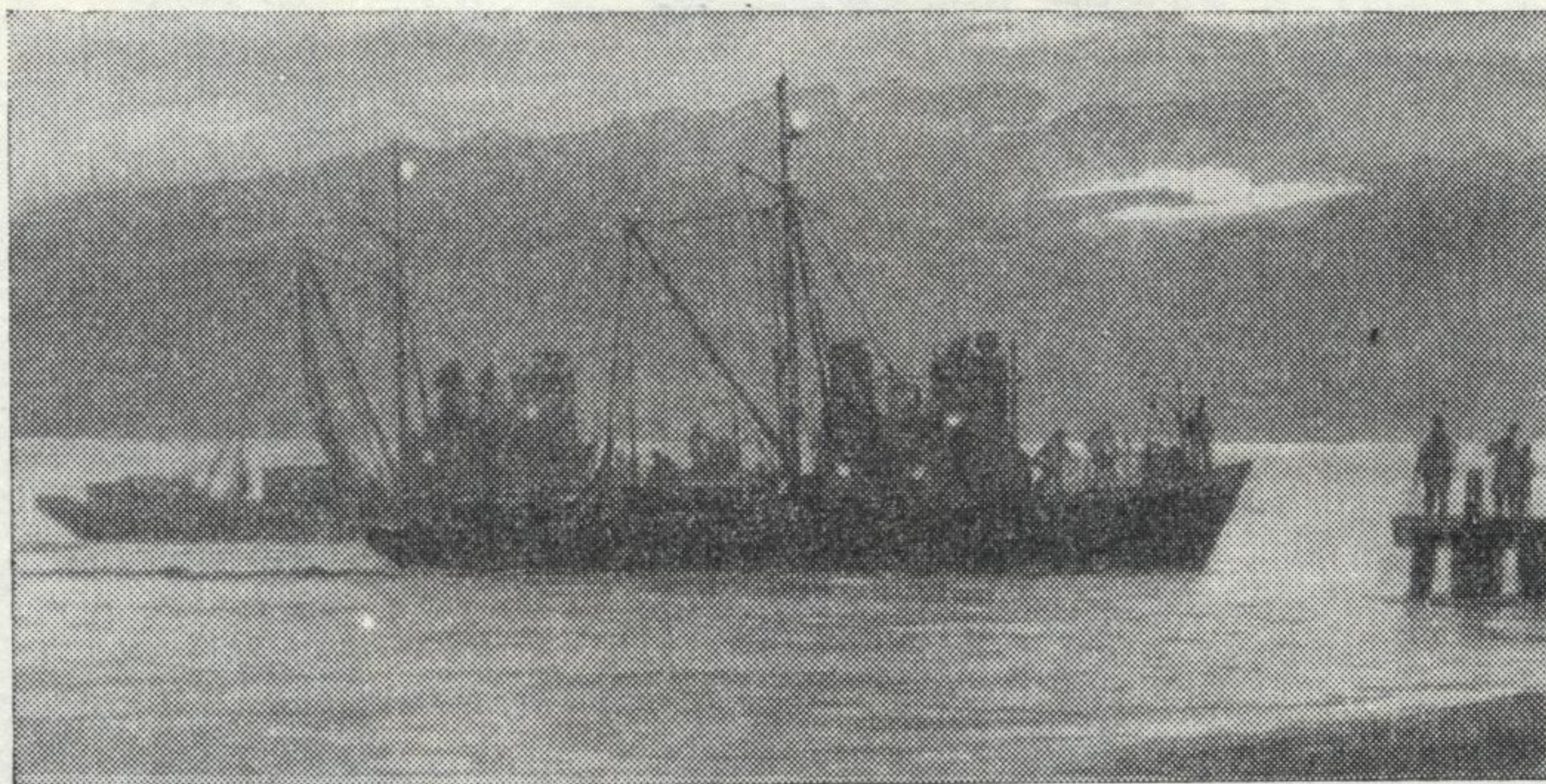
Наш сотрудник побывал на острове Попова близ Владивостока.

На этом острове живут рыбаки и водолазы. Над островом все время висят облака. Между морем и облаками ночуют туманы. Они наползают на остров, катятся по земле, оставляют на траве, на камнях, на листьях серые капельки воды.

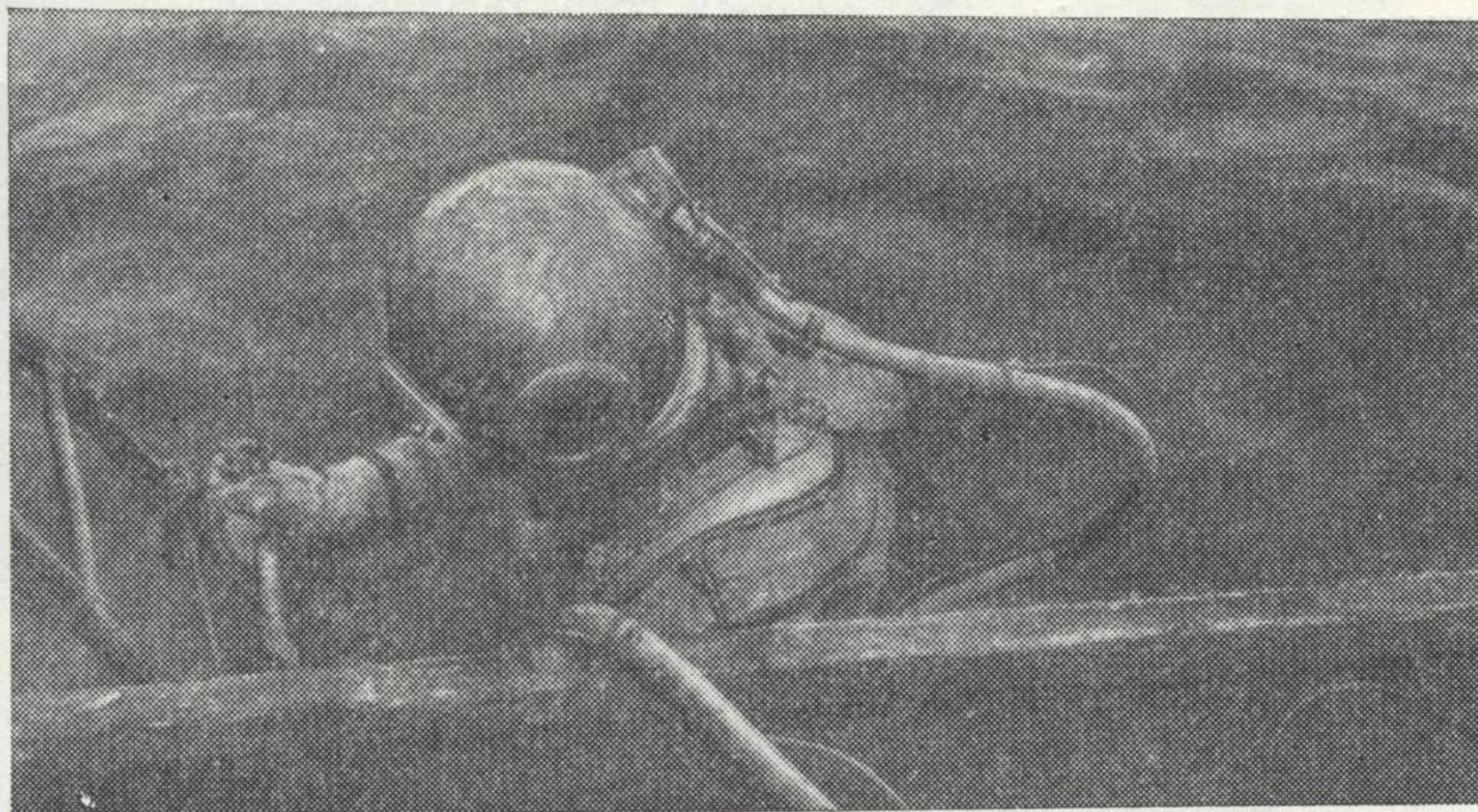
Каждый вечер жены и дети рыбаков и водолазов выходят на причал встречать суда. На причале — длинный лоток. По нему бежит вода. Рыбачьи суденышки — сейнеры подходят к причалу, рыбаки сваливают рыбу в этот лоток, и она течет вместе с водой прямо в цех, на рыбный завод.

Вместе с рыбаками в море выходят и водолазы. Они опускаются на дно, собирают там морских червей, трепангов, морских ежей, складывают в веревочные мешки-питомзы раковины мидий и трубачей.

На заводе трепангов сушат, из мидий делают консервы. А витые раковины трубачей идут на продажу как сувениры.

Рыбачьи сейнеры у причала острова Попова

Сейчас водолаз Володя Шапулин начнет спускаться на дно

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

В МОРЯХ И ПОРТАХ

НОВЫЕ РОБИНЗОНЫ

Шестеро мальчишек, жителей одного из тихоокеанских островов, отправились на рыбную ловлю. В открытом море они потерпели крушение и были отнесены течением к необитаемому острову Ата, примерно в 110 километрах от дома.

Робинзоны не растерялись: они четко распределили обязанности, установили твердый распорядок дня, аккуратно вели «судовой журнал». Питались в основном птицами, кокосовым молоком, другими дарами природы. Смастерили гитару и распевали под нее песни собственного сочинения.

Подобрал ребят австралийский корабль «Джаэт Дэвид». Робинзоны прожили на острове пятнадцать месяцев!

В МОРЯХ И ПОРТАХ

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

КЛУБ
МОРСКИХ
ЗНАТОКОВ

Идуци Когу горломъ
Моря Брощенъ
Кошки Плавъ
малую воду
Иван да Федоръ

Однажды капитану Быстроходову принесли записку, найденную в морском архиве. В записке сохранилось только несколько слов.

— С какого моря привезена эта записка и давно ли она написана? — спросили капитана.
— Что ж, — ответил он, —

это сказать не трудно...
Что ответил капитан Быстроходов? О чем еще можно догадаться, читая записку?

НЕПОДВИЖНАЯ СТАМУХА

Летел я однажды на Север. Когда собирался лететь, друзья предупредили:

— Ты в Арктике еще не был? Нет. Так учти, с полярниками о льдах не разговаривай. Не показывай свою ледовую неграмотность.

И вот самолет в воздухе, под крылом Арктика.

Мой сосед — капитан ледокола. Летим, молчим. Капитан газету читает.

Посмотрел я вниз, вижу — вдоль берега светлая ледяная полоса. Надо, думаю, с человеком разговор завести. Мерзлая вода как раз по его части.

— Ишь, какой ледок! — говорю.

Капитан покосился в окно.

— Заберег! — И снова замолчал.

Посмотрел я. Все шире становится полоса, далеко уже от берега край ее отошел.

Решил и я щегольнуть морским выражением.

— Вон уже какой широкий заберег стал!

Капитан взглянул снова и как буркнет:

— Припай!

Фу-ты, пропасть! Видно, опять невпопад. Выждал я

еще немного. А самолет все летит вдоль берега. Под ним мелкая вода — дно видно. Мели желтеют. Среди мелей — здоровенная льдина.

«Ну, с этой-то просто! Здесь в калошу не сядешь. Льдина она льдина и есть».

Пригляделся я к ней, построил серьезную физиономию и говорю:

— Вот так льдина! Такая на корабль налетит — не обрадуешься.

Капитан еле взглянул на льдину и отвечает:

— Стамуха!

Отвернулся и снова нос в газету. Такую, видно, на него тоску мои разговоры нагнали.

И я замолчал. Только потом у летчиков узнал: заберег и припай — лед, примерзший к берегу, а стамуха — неподвижная льдина, сидящая на мели. Где уж ей с кораблем сталкиваться.

Подвели меня льды. Оказывается, у каждой льдинки — свое название.

а б в г д е ж з и й к л м н о

а б в г д е ж з и й к л м н о п р с т у ф х

ШКОЛА
ЮНГИ

САЛО — тонкий лед в виде блестящих пятен или пленки.

ШУГА — рыхлый кашеподобный лед, состоящий из мелких кусочков.

МОЛОДИК — молодой лед, 10—30 см. толщины.

ПАК — многолетний сплоченный лед.

ТОРОС — нагромождение смерзшихся льдин.

Капитан Нина

Необычный бал идет в просторном банкетном зале американской фирмы «Крайслер». Добрая половина гостей — двухметроворостые гиганты в спортивных костюмах.

Звучат приветственные речи. Чаще всего приветствия обращены к двенадцати девушкам в синих костюмах с эмблемой «СССР» на груди.

Но вот слова попросил президент профессионального баскетбольного клуба, существующего под покровительством всемогущего «Крайслера» (чего не поделаешь ради рекламы!). И в наступившей тишине важный джентльмен, сохранивший в преклонном возрасте спортивную выправку, направился к одной из двенадцати. И тут все увидели в руках президента сверкающий кубок.

— От имени и по поручению членов нашего клуба имею честь вручить вам этот кубок, — разнесли репродукторы слова по всему залу.

Под грохот оваций увесистый сосуд перекочевал в руки гостыи. На кубке была надпись: «Лучшей баскетболистке мира, внесшей большой вклад в дружбу народов».

Даже в самых фантастических мечтах не смогла бы, наверное, представить себя в роли лучшей баскетболистки мира восьмиклассница 12-й ленинградской школы Нина Познанская.

Первый урок всегда запоминается надолго.

— А он тяжел, как пушечное ядро, — ужаснулась Нина, подбросив баскетбольный мяч, — то ли дело в волейболе.

Да, 650 граммов для мяча вес солидный. Особенно в непривычных к тяжести девичьих руках.

Ничем как будто бы не отличалась новенькая от подруг по спортшколе. Глаз тренера, впрочем, отметил уже на первых занятиях кое-что, заставившее его чуть-чуть больше внимания уделять Нине. Внимательна. Собранна. Быстра. Прыгуча. И даже это «чуть-чуть» тотчас же начало приносить плоды.

Пять лет с того дня, когда она впервые взяла в руки баскетбольный мяч, понадобилось Нине, чтобы выйти на площадку в составе сборной Советского Союза.

А какая она, эта лучшая баскетболистка мира?

СМЕЛАЯ

Идут последние секунды дополнительной пятиминутки матча СССР — Болгария, которому предстоит решить судьбу золотых медалей чем-

пионата Европы. Счет — ничейный. До отказа заполнен зал, и болгарские зрители, конечно, горячо подбадривают свою команду. Шум невероятный, счет ничейный, и нервы напряжены до предела. Мяч в руках у советской защитницы Нины Познанской. Можно подержать его в эти оставшиеся до свистка несколько мгновений, и тогда снова — надежда на успех. Но можно и дать пас Нине Ереминой, быстро маневрирующей у щита соперниц. А вдруг мяч перехватят? И все-таки Нина резким броском посылает мяч через всю площадку другой Нине. Точно в руки. И почти одновременно со звуком судейской сирены упругий кожаный шар опускается в кольцо. Победа!

«Нужна недюжинная смелость, чтобы в такой момент дать точный пас через всю площадку», — писала на следующий день одна болгарская газета.

НЕУТОМИМАЯ

Тридцать четыре (да еще с хвостиком) года. В таком возрасте почти все асы баскетбола пребывают на заслуженном отдыхе. Познанская играет. Не хуже, чем лет десять назад.

Если нужно полностью выключить из игры лучшего снайпера команды противника, дело это тренеры без колебаний поручают капитану сборной. В числе «выключенных» — прослав-

ленная американская баскетболистка Нэра Уайт. Сколько раз ни встречались наши со сборной США, столько и «охраняла» Нэру ленинградская защитница. И куда тогда девались меткие броски, реактивные проходы Нэры! А Нину обычно поздравляли после матча с блестящим выполнением персонального задания.

СКРОМНАЯ

Даже очень. Узнать хоть что-нибудь об ее собственных успехах у капитана сборной совершенно невозможно. Зато она готова долго рассказывать о робкой и застенчивой Скайдриде Смилдзине, незаметной труженице тыла Раисе Михайловой, неповторимом в женском баскетболе снайпере Людмиле Базаревич.

И, конечно же, о девятилетней Оленьке, младшей Познанской:

— Вчера Оля в первый раз попала мячом в баскетбольное кольцо!

...Набору спортивных трофеев Познанской может позавидовать любой коллекционер. Одних кубков за победы в чемпионатах мира и Европы — восемь. Но недавно стало одним кубком меньше. Его Познанская подарила юным баскетболисткам Московского района Ленинграда. И будут этим кубком ежегодно награждать лучшую баскетбольную защитницу района среди... десятилетних. За почетный трофей девочки будут сражаться на традиционных турнирах дворовых команд Московской заставы. А сейчас кубок стоит в детской спортшколе и ждет свою новую хозяйку.

М. Эстерлис
Фото Б. Резниченко

БЕЗ 0,2 СЕКУНДЫ РЕКОРД МИРА

«Коронная» дистанция бельгийца Гастона Рулантса — это 3000 метров с препятствиями, или стипль-чез. Ему принадлежат рекорды в стипль-чезе — мировой, олимпийский, европейский.

Ростом Рулантс невысок, на вид даже слабоват. Если встретите его в обычном костюме, то вряд ли подумаете, что ему под силу пробежать 3 километра. Да еще с препятствиями!

Когда проводится стипль-чез, на беговой дорожке устанавливаются четыре массивных деревянных барьера, а пятый расположен на вираже, немного в стороне от дорожки. За этим барьером самое главное препятствие — яма с водой. Оступился спортсмен — и бултых в воду! Иногда даже с головой скрывается. Поэтому, как только дается старт стипль-чеза, зрители спешат к яме, то-то бывает веселье.

Но бегунам, что меряются силами на этой дистанции, но до смеха. Семь раз преодолевают они злосчастную яму, а с каждым кругом это все труднее. Надо точно считать шаги, не сбивая ритма, по-

пасть одной ногой на барьер, а другой сделать такой сильный взмах, чтобы словно перепорхнуть через водоем и, не теряя ни секунды при приземлении, продолжать размеренный энергичный бег...

В Будапешт, на первенство Европы, Рулантс приехал за очередной золотой наградной. В этом ни у кого не было сомнений. Правда, неплохих результатов добился накануне чемпионата молодой советский бегун Виктор Кудинский. Но куда ему, фактически новичку в международных состязаниях, тягаться с олимпийцем...

Участники финального забега в стипль-чезе преодолели уже два километра из трех. Гастон был метров на тридцать впереди всех, бежал легко, не чувствуя усталости. Всех интересовала теперь лишь судьба серебряной медали. Сумеет ли Виктор выдержать напряжение борьбы с сильнейшими зарубежными асами. В этот момент рядом с ним бежали немцы Летцерих и Хартман, француз Тексеро и товарищ по команде — Анатолий Курьян.

И вдруг, когда до финиша оставалось метров шестьсот, стадион загудел. Два бегуна в красных майках словно только что пригнали старт. Курьян, а за ним Кудинский припустили с такой быстротой, будто пролетели мимо бельгийца. Казалось, не было на дистанции ни барьера, ни ямы — в таком темпе друзья шли последний круг. Прибавил скорости и олимпийский чемпион.

Выложив остаток сил, он догнал-таки Анатолия. Зато Виктор был уже недосыгаем! Да и Курьян снова рванулся вперед, отвоевав на последней прямой у бельгийца серебряную медаль.

Результат был блестящим: Кудинский закончил бег за 8 минут 36,6 секунды — всего на 0,2 секунды (1 шаг) хуже рекорда мира.

Виктор Кудинский, единственный из наших бегунов, вернулся из столицы Венгрии с золотым знаком отличия.

Об Эстафете Быстроногих читайте в «Костре» № 4.

ОПЕРАЦИЯ „64“!

Матч с коварными ничейными

15 марта мы стали приближаться к планете Ничейной.

— Включить тормозные устройства! Приничеиваться!

И вот эскадрилья садится на клетчатую поверхность планеты.

— Ура шахматным ракетчикам с далекой Земли! Даешь матч на трехстах досках! — выкрикивали ничейные.

— Матч — это хорошо, — сказал Ферзьбери их Старшему. И тут же скомандовал: — Из ракет выходи!

— Минуту, — поднял руку Старший ничейнин. — Всякий вступающий на планету Ничейную должен присягнуть, что он ни у кого не станет выигрывать. Этого требует наш закон о незаконности выигрыша, и нарушителя немедленно казнят.

— Какой же тогда получится матч?! — возмутился Ферзьбери. — Вы наверняка победите!

— Нет, нет и еще много раз нет! Закон о незаконности выигрыша распространяется и на нас.

— Значит, ни один из наших не имеет права выиграть?

— Это верно тридцать раз.

— И ни один из ваших не имеет права выиграть?

— Это верно двадцать девять раз.

(«Эти «тридцать раз» и «двадцать девять раз» были очень подозрительны, но Ферзьбери не обратил на них внимания).

— Тогда зачем матч? Результат ясен наперед: ничья!

— И хорошо! И замечательно! Ведь некоторые, проиграв, огорчаются. Расстраиваются. Даже со слезой... А так? Никто не проиграет, и все будут довольны. Чудесно, правда?

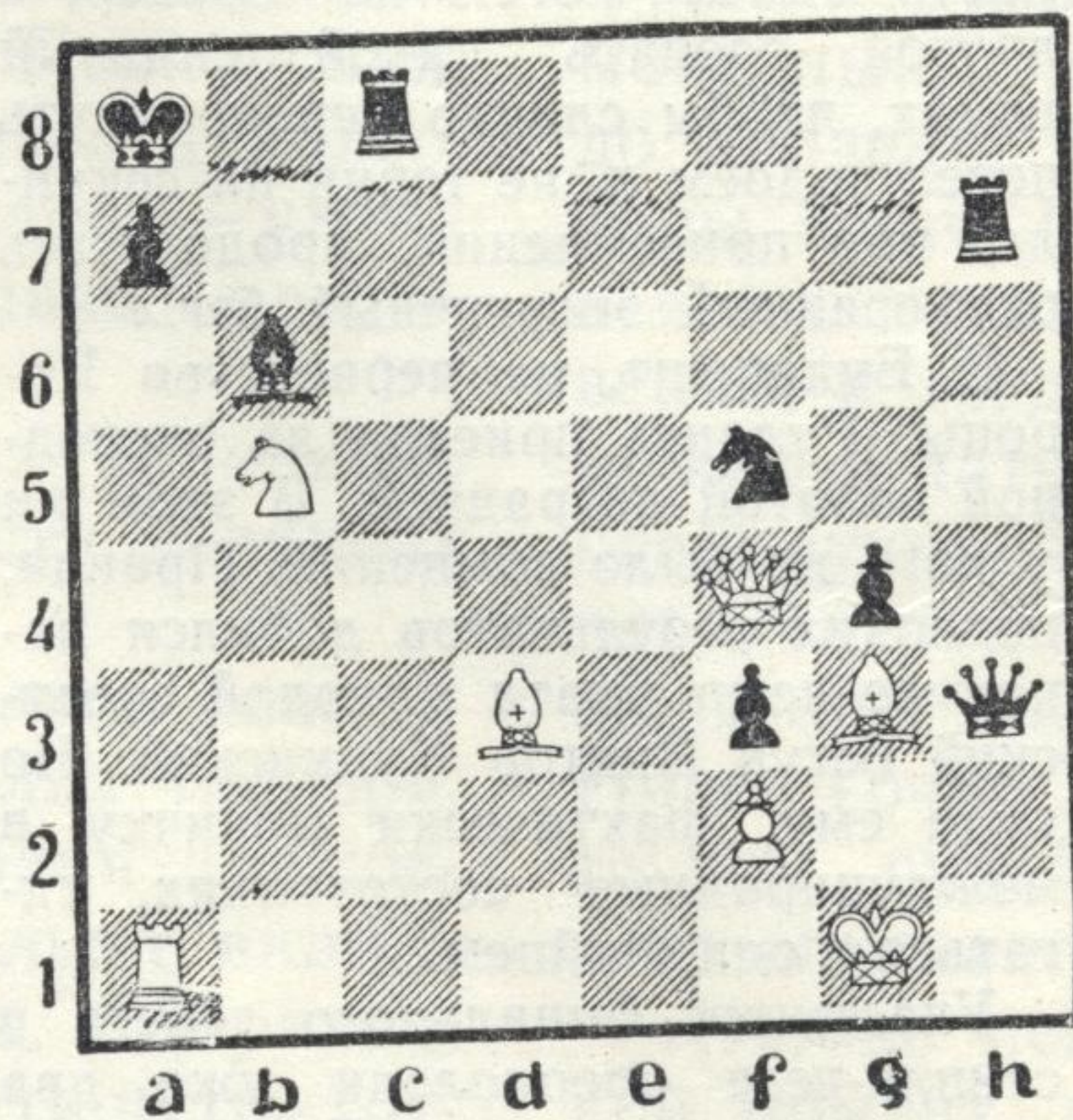
Пришлось нашим ракетчикам обязаться не выигрывать.

— По порядку досок рассчитайсь! — скомандовал Ферзьбери. — На ничью равняйся!

Матч начался. И тут ничейные с первых же ходов коварно стали стремиться к выигрышу и одну за другой забирала фигуры и пешки у наших ракетчиков.

— Ладейкин! — сказал мне тогда Ферзьбери. — Нас провели как маленьких. Мы горим.

Но, к счастью, и ракетчики поняли это и, заиграв во всю силу, в труднейшей борьбе свели в ничью 299 партий! Однако на трехсотой доске нашему Пете Белкину, игравшему белыми, грозил, казалось бы, неотразимый мат на поле h1.

Ход был Петин. Мы все ожидали, что он вот-вот сдастся.

Я, шахмат-адмирал Ферзьбери, главнокомандующий операцией «64» объявляю:

Приказ № 5

§ 1. Поздравляю доблестный экипаж эскадрильи с победой над ничейными и выношу благодарность отважному ракетчику Петру Белкину.

§ 2. Приказываю всем шахматным ракетчикам найти мат в четыре хода, объявленный Белкиным.

§ 3. Приказываю шашек-капитану Дамкобееву сделать необходимые приготовления для посадки эскадрильи в районе Малых Шашечных Лун.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Матч будет проигран... И тут я услышал его шепот:

— Вася... Ладейкин... Разведи ребят по ракетам...

Я развел. Тогда Петя вдруг быстро обменялся ходами с противником. Раз! Два! Три! Затем сделал свой четвертый ход, вскочил и с возгласом «Пусть меня казнят, но это — мат!» помчался к ближайшей ракете. Ничейные бросились за ним, но он ловко нырнул в бортовой люк.

— Включить двигатели! Полная мощьность! — раздалась команда Ферзьбери.

Вз-з-з! Ба-ба-ба-бах! И планета Ничейная с ее коварными обитателями уже была далеко-далеко. А мы увозили оттуда 150,5 очков и важную победу.

ЮНГАМ! ЮНГАМ! ЮНГАМ!

Ближайший отрезок пути эскадрильи объявляется «Трассой вопросов шахматных юнг». Не задавшие никаких вопросов будут считаться научившимися играть и переводятся из юнг в помощники бортмехаников.

Шахмат-капитан Пешкоедов

ШАШЕЧНЫЕ РАКЕТЧИКИ

Готовьтесь к посадке в районе Малых Шашечных Лун! Играйте по десять партий ежедневно! Доложите, как белые выигрывают в положении — белые: простые b4, c3, c5, d4, g1(5); черные: простые a5, a7, e7, f4, g3, g5, g7(7). Ход белых.

Шашек-капитан Дамнобеев

ЧЕЙ САЛЮТ ЛУЧШИЙ!

На странице 64 вы прочтете, кто быстрее и лучше других исполнил новогодний салют шахами черному королю.

Их салют:

1. Kf5+Kpd7 2. Ke5+Kpc8 3. Ke7+Kpb8 4. Kd7+Кра7 5. Kc8+Кра6 6. Kb8+Kpb5 7. Ка7+Kpb4 8. Ка6+Kpc3 9. Kb5+Kpd3 10. Kb4+Kpe2 11. Kc3+Kpf2 (если Kpe1? то 12. Kd3X) 12. Kd3+Kpg3 13. Ke4+Kpg4 14. Ke5+Kpf5 15. Kg3+Kpf6 16. Kg4+Kpe7 17. Kf5+, и «путешествие» черного короля начинается снова. Вечный шах! Ничья.

ФЕРЗЬБЕРИ РАЗЪЯСНЯЕТ

Решить задачу «Белые дают мат в два хода», это значит — найти такой ход белых, чтобы при любом ответе черных белые следующим ходом смогли бы объявить мат.

Проверьте свои решения задач из «Костра» № 1.

Задача Жени Ваулина. 1. Kph7! Теперь на любой ответ черных белые объявят мат: если 1...K:e4 (или другой ход этим конем), то 2. Kb3X, а если 1...K:c4 (или другой ход этим конем), то 2. Kc6X.

Задача № 2. 1. Фc8! Kph6 2. Фh8X, или 1...h3 2. Ф:h3X.

Задача № 3. 1. Лg4! С:g4 2. Фb1X, или 1...Kpd3 2. Фе4X, или 1...Kpb3 2. Ф:d1X, или 1...Kpc1 2. Лc4X.

Фамилии лидеров операции «64» — в «Костре» № 5.

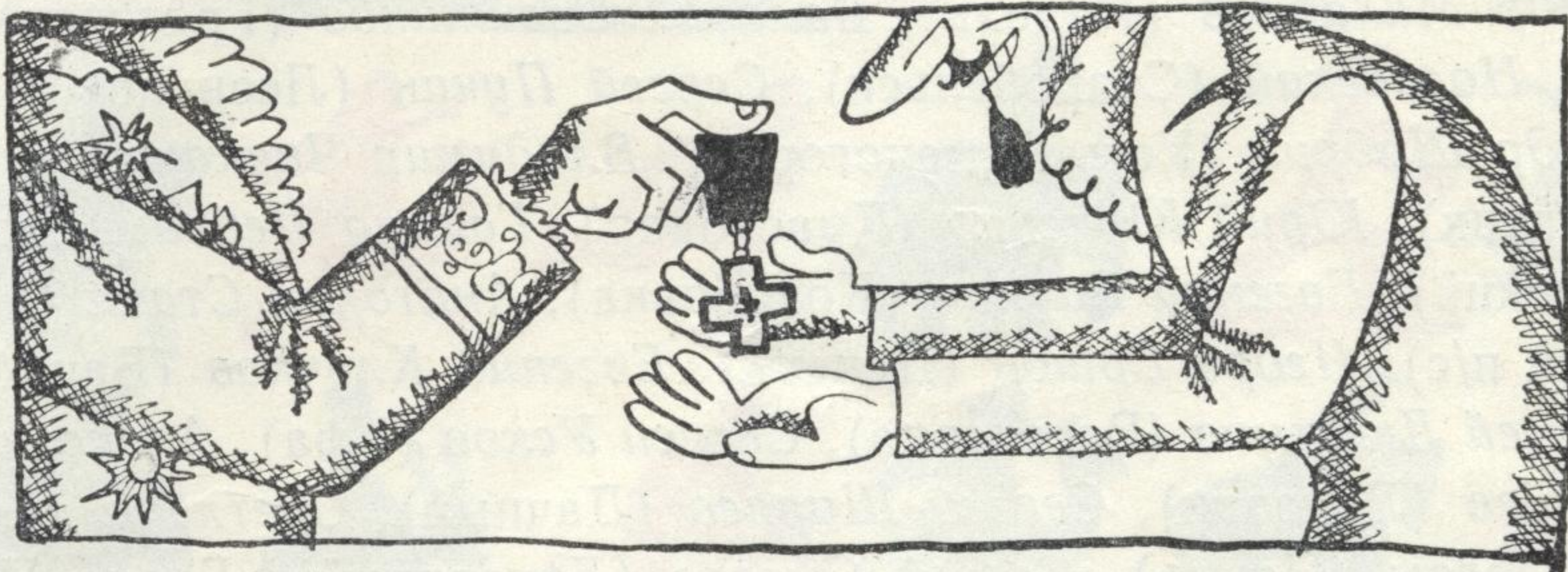
На конвертах пишите: «Операция «64».

НЕ ГОНИСЬ ЗА ОРДЕНАМИ!

Один известный французский поэт был весьма тщеславен. Он долгое время мечтал стать командором ордена Почетного Легиона.

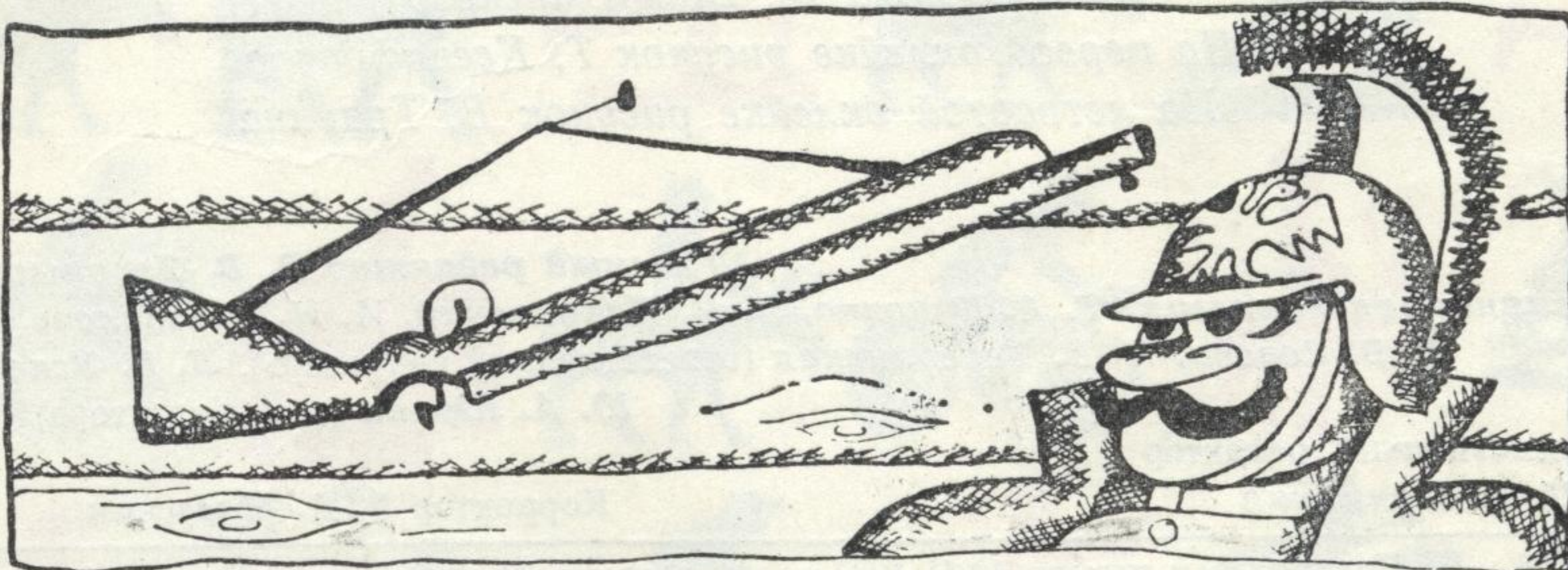
Когда орден был предложен Анатолью Франсу, поэт пришел в отчаяние. Но маститый писатель отказался от такой чести, сказав: «Великие писатели Гюго и Ламартин не имели Почетного Легиона... Я же не считаю себя более достойным, нежели они». Тогда поэт предложил пожаловать отвергнутый орден ему.

— Что ж, берите, — сказал министр, вручая настойчивому поэту орден, — если, конечно, не брезгуете...

ЖАНДАРМЫ И ДЕКАБРИСТ

К декабристу М. С. Лунину, бывшему в ссылке в Сибири, нагрянули с обыском жандармы. Один из них опас-

ливо покосился на висевшее в комнате ружье. Лунин успокоил его:

— Не бойтесь! Таких людей, как вы, бьют, а не убивают.

**Приказ о новогоднем салюте шахами черному королю
(«Костер» № 12) лучше и быстрее других выполнили ракетчики:**

Игорь Григорян, Николай Зайцев, Александр Голубцов, Владимир Лидский, Юрий Славнов, Владимир Забран (все — Москва), Василий Зотов, Александр Ковалев, Владислав Миллионщиков (все — Ленинград), Владислав Кузнецов, Елена и Татьяна Тихоновы (все — Пенза), Александр Веденьков, Виктор Бережненко, Валерий Доброхотов (все — Аскания Нова), Лев Мосягин, Владимир Старцев, (оба — Шарья), Виктор Захаров, Александр Черных (оба — Кушва), Константин и Андрей Ивановы (Липецк), Виктор Волкомор (Николаев), Алексей Крылов (Суурпеа), Сергей Араев (Шатура), Владимир Нефедов (Мурманск), Александр Ходюков (Н. Тагил), Петр Андросенко (Обнинск), Игорь Павлов (Вологда), Валентин и Анатолий Матюшенко (Кременчуг), Александр Синельников (Ростов/Дон), Борис Гринберг (Астрахань), Александр Дворяшин (Кривой Рог), Анатолий Жестерев (Витебск), Александр Михайлов (Ивдель), Валерий Свешников (Грязовец), Андрей Носовский (Старобельск), Сергей Пучин (Лесниково), Александр Шабрин (Усть-Каменогорск), Владимир Чичканаков (Новокузнецк), Юрий Юрченко (Краснодар), Галина Лебединская (Ленинский), Евгений Ваулин (Колобовка), Анатолий Стаин (Иртышский п/с), Игорь Ершов (Донецк), Евгений Клочки (Барабинск), Сергей Любимов (Веселовка), Сергей Усков (Уфа), Александр Концев (Лопатки), Сергей Ширяев (Дачный), Светлана и Андрей Яковлевы (Пермь), Сергей Сысоев (Двуречный), Борис Назарев (Батагай), Евгений Ефименко (Норильск), Сергей Сапегин (Аксу), Александр Аполонский (Ангарск), Валерий Артющенко (Кайгородок), Михаил Сосорев (Якутск), Геннадий Гурьев (Онега), Сергей Яскевич (Алма-Ата), Евгений Байнов (Новокузнецк), Василий Люляков (Ладан), Сергей Пискунов, Леонид Казанцев (оба — Ая).

Обложка М. Беломлинского

На первой вклейке рисунок Т. Ксенофонтова

На четвертой вклейке рисунок В. Травина

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художественный редактор

Ю. П. Мезерницкий

Корректор **В. А. Маевская**

Технический редактор

А. А. Двораковская

М-16128.

Подписано к печати 10/II 1937 г.

Формат 84×108^{1/32}.
Заказ № 485.

Печ. л. 8+1.
Цена 25 к.

6,36 усл., 8,8 уч.-изд. л.

Тираж 330 000 экз.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

КТО НА ЧЕМ ПОЕДЕТ?

НАСТОЛЬНАЯ ИГРА

(см. рисунок на третьей странице обложки).

Правила этой игры очень простые, но игра требует осмотрительности и находчивости.

С каждой стороны участвуют 9 фигур (шашки, монеты, пуговицы или другие подобные предметы).

Перед началом игры шашки расставляются на верхней и нижней горизонталях. Ходят по очереди — любой своей шашкой. Первый ход (кому начинать) разыгрывается.

Передвигать шашки можно на один «шаг», т. е. на любое соседнее поле — вперед, назад, вправо, влево или по диагоналям...

Нельзя сбивать фигуры противника, или ставить шашки на занятые поля.

Можно «перепрыгивать» через свою или чужую шашку — если она стоит рядом, а за нею — незанятое поле. За один ход можно сделать и несколько «прыжков», если позволяет расположение шашек.

Выигрывает тот, кто прежде расставит все свои шашки на одинаковых рисунках: скажем, на слонах, или на коньках, или на осликах и т. д.

